

ЗВЁЗДНЫЙ ПАТРУЛЬ

ЗВЁЗДНЫЙ ПАТРУЛЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ФРУНЗЕ «АДАБИЯТ» 1989

ББК 84. Р7—4

Составитель А. Ф. Малышев

Художник М. Бекджанов

Звездный патруль: Фантаст. рассказы: Для юношества/
3—43 Сост. А. Ф. Малышев; Худож. М. Бекджанов. — Ф.: Адабият, 1989.—144 с.: ил.

ISBN 5-660-00121-1

В сборннк вошли фантастнческне рассказы молодых прозанков Кнргнзнн. Авторы размышляют о загадках и перспектнвах иаучно-технического прогресса, парадоксах соцнального развнтня человечества, контактах с внеземиыми цнвнлнзацнями. В центре — тема борьбы за мир иа планете н бережного отиошення к прнроде, ко всему жнвому на земле. Герои фантастическнх пронзведенн — люди мужественные, снльиые, умеющие иести ответствеиность за свон поступкн во нмя блага человечества. Книга адресуется юношеству.

4803300100—177
З——————————150—89
М 455(11)—89

ББК 84 Р7—4

ISBN 5-660-00121-1

© Пронзведення, помеченные в содержаннн звёздочкой.
Издательство «Адабнят», 1989 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Звездный патруль» — первый в Киргизии сборник, собравший под своей обложкой фантастические рассказы, написанные людьми разных профессий. Среди них — преподаватели, сотрудники издательств, журналов и телевидения, фотомастер, геолог. Разный у авторов опыт жизни, разные взгляды, но преобладающей мыслью во всех рассказах является, в той или иной форме, протест против войн, против бессмысленности взаимного уничтожения.

С. Занин ведет слегка ироничный рассказ о первом контакте с инопланетными цивилизациями «Великого космического братства». «Звездный патруль» В. Кульчицкого контролирует вселенские миры, предотвращая, по возможности, военные столкновения. В «Сыне дельфина» Б. Майнаева читатель узнает о дельфинах, об их дружелюбии и постоянной готовности помочь человеку, попавшему в беду. О путешествии в Русь времен Бориса Годунова и о выявлении природных способностей людей повествуется в «Трансмигранте» А. Малышева. Н. Мусина в «Последней проверке» исследует стремление и возможности человека к состраданию, добрым чувствам, восстающим против рационализма логического мышления. Вопросам экологии, борьбе за выживание людей на планете Земля посвящен рассказ Н. Недолужко «Маски». Не только о таинственном «сувенире», не один раз спасающем жизнь герою, но и о

прекрасной природе Киргизии — Сусамырской долине и Чичканском ущелье — прочитаем мы в рассказе И. Подгайного «Сувенир». Со странными параллелями человеческой жизни на Голубой планете, которую спасают инопланетяне от уничтожения, познакомит нас ясная проза А. Ронкина («Встреча»). О космической ностальгии, неиссякаемой надежде на осуществление мечты повествует А. Тебеньков в рассказе «Шестьдесят первая Лёбедя».

Такова основная тематика напечатанных в сборнике произведений.

Необходимо отметить, что предлагаемое читателю издание является первой книгой регионального типа. Киргизское издательство «Адабият» сразу пошло по пути издания своих, республиканских, авторов. Что ж, это можно считать началом создания традиции.

Составитель отдает себе полный отчет о разных уровнях литературно-художественных достоинств произведений, собранных здесь. Почти все они были напечатаны ранее в различных республиканских периодических изданиях. Хочется надеяться, что этот сборник в какой-то степени удовлетворит тягу юношества к фантастике.

СЕРГЕЙ ЗАНИН

ВЕЛИКОЕ КОСМИЧЕСКОЕ БРАТСТВО

Первый звездолет Земли вырвался наконец из опостылевших границ Солнечной системы. Далеко позади остались шум прощальных речей, бестолковая толчея астероидов, унылые безжизненные планеты. Ничто более не мешало стремительному полету мощного корабля, который воплотил в себе последние достижения человеческого гения. Через сорок лет экипаж увидит заветную цель — звезду Альфа Центавра и, кто знает, может, там обнаружатся следы жизни, и — страшно подумать о таком везении! — признаки деятельности иного разума. Это стало бы достойным подарком человечеству, тысячи лет тоскующему в космическом одиночестве.

Шли вторые сутки полета после выхода в открытое пространство. Рассыпаясь новогодними гирляндами, за бортом проносились кометы, праздничные огни звезд отражались в зеркальном корпусе корабля, призывно мерцали чужие галактики, маня тех, кому не сидится на родной планете. Экипаж заканчивал корректировку курса, чтобы вскоре погрузиться в сорокалетний искусственный сон и проснуться уже в окрестностях Центавры. Внезапно голос Наблюдателя прервал напряженную работу:

— Прямо по курсу быстро перемещающийся объект!

Взбудораженные астронавты собрались в Смотровой рубке и устремили взоры на огромные экраны.

— «Это» летит нам навстречу, — сказал Вычислитель. — В момент сближения расстояние между ним и «Ослепительным» будет минимальным.

— «Это» — что? — спросил Доктор.

— Пока неизвестно. Может быть, возвращается комета Галлея, но скорость... меня смущает слишком большая скорость объекта.

Через несколько часов стало ясно, что навстречу движется не комета и не заблудившийся астероид. Светящаяся точка на экране постепенно превращалась в сложное образование явно искусственного происхождения. Этого не могло быть, но это было — земляне боялись поверить в подобную удачу.

— Друзья! — взволнованно произнес Главный Навигатор. — Вероятность такого события приближается к нулю. Нам немыслимо повезло. Это — звездолет!

— Ура-а! — восторженно закричали люди. — Не успели вылететь и сразу... Вот это да!

Главный Навигатор сказал:

— Пора приступить к Контакту. Помощник, принесите инструкции. Выходит, ученые не зря столько лет бились над ними.

А ведь кто-то из вас говорил, зачем брать на борт лишний груз!

И в сторону неожиданно появившейся светящейся точки земной корабль начал подавать информацию о содержании теоремы Пифагора, схему атома водорода и закодированные правила игры в «крестики-нолики». Одновременно «Ослепительный» приступил к торможению, чтобы не разминуться с чужим звездолетом. Тот же, напротив, даже не попытался уменьшить собственную скорость. Он будто не замечал приближающихся землян. Еще миг — и пришелец промчался мимо, не ответив на отчаянные сигналы изумленных людей.

Ошарашенный экипаж долго не мог прийти в себя и до хрипоты обсуждал происшествие, выдвигая самые невероятные гипотезы о причинах загадочного поведения встреченного звездолета. В разгар спора раздался истошный крик Наблюдателя:

— Слева по курсу корабль!

Наступая друг другу на ноги, земляне кинулись в Смотровую рубку. Этот звездолет имел совершенно иную конструкцию, но поступил столь же странным и необъяснимым образом — безмолвно пролетел мимо. Когда его кормовые огни погасли, Главный Навигатор задумчиво пробормотал:

— Что-то нам уж слишком везет. К чему бы это?

Его спутанные мысли были прерваны новым криком Наблюдателя.

Лишь восьмой из проносившихся звездолетов пожелал откликнуться. По приемному экрану сначала пошли полосы, потом какие-то темные пятна, но изображение вдруг прояснилось, и люди увидели перед собой улыбающееся лицо инопланетянина.

— Привет, ребята! — сказал он на ломаной космолингве. — Размигались вы на всю Галактику. Случилось что?

Настала историческая минута. Главный Навигатор вышел из оцепеневшей кучки землян и, тщательно выговаривая слова, торжественно обратился к пришельцу с формулой приветствия, выработанной усилиями многих выдающихся ученых:

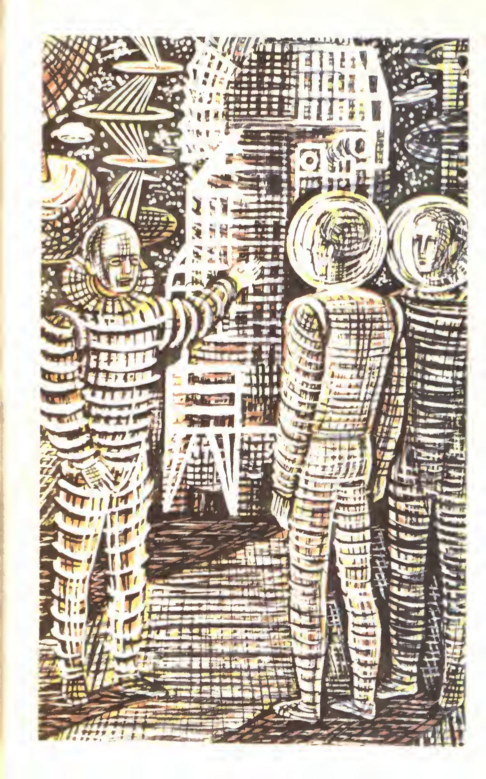
— Земляне приветствуют тебя, посланца дружественного разума! Наша планета...

Инопланетянин довольно бестактно прервал Главного Навигатора:

— Слушайте, где вы откопали такую жестянку? Глядите, попадетесь Смотрителям — они с вас семь шкур спустят за нарушение!

— Достойный пришелец... — попытался продолжить Главный Навигатор, но представитель Неземного Разума махнул рукой:

— Значит, все в порядке. Простите, я спешу — груз скоропортящийся. Как-нибудь потом поговорим. Счастливо!

Пилот следующего звездолета заорал без всяких предисловий:

— Да вы там что, с ума посходили? Разве здесь можно останавливаться! И кто только таких в космос пускает...

Главный Навигатор начал оправдываться, но его не стали слушать и потребовали незамедлительно очистить трассу. Землянам пришлось повиноваться. Они свернули с почему-то запретного участка, а потом целый месяц блуждали в грязной диффузной туманности.

Понемногу дошло до экипажа, что открытый космос представлял собой оживленное пространство, которое во всех направлениях пересекали невидимые дороги. Равнодушные братья по разуму спешили по своим делам, и никому не было дела до растерявшихся людей. Только после долгих безуспешных просьб один встречный пилот вспомнил, что для новых цивилизаций вроде бы существует специальный отдел и даже указал его приблизительный адрес. Нужная планета была совершенно недосягаема для такого допотопного, по космическим меркам, звездолета, как «Ослепительный», но, наученные горьким опытом, земляне выбросили сигнал бедствия, после чего Аварийная Служба взяла их на буксир и быстро доставила в указанное место.

На пустынной планете стояло одно-единственное строение. Вокруг него возвышался целый лес звездолетов самых неожиданных форм и размеров. К строению от космодрома протянулась длинная очередь, состоящая из утомленных ожиданием гуманоидов в немыслимых для человеческого глаза одеяниях.

Не обращая внимания на презрительные взгляды, которые инопланетяне бросали на скромный по сравнению с другими кораблями «Ослепительный», земляне пристроились в хвост молчаливой очереди и запаслись терпением. Их попытки завязать разговор с братьями по разуму не увенчались успехом —те принимали независимо-гордые позы и бормотали что-то про собственное величие и могущество.

Только через три дня земляне постучали в дверь с полустертой надписью «Заведующий». Им крикнули сдавленным голосом:

— Входите!

За облупленным столом отчаянно тосковал давно не бритый и поминутно зевающий молодой инопланетянин.

— Новая цивилизация?.. И чего хотите? — сквозь очередной зевок произнес заведующий, не двигаясь с места.

— Видите ли, — вежливо ответил Главный Навигатор, — мы бы хотели установить Контакт...

— Ну ладно, будем считать, что установили. И что дальше?

— Дальше? — растерялся Главный Навигатор. — Я не знаю, но...

— Месторасположение? — вяло протянул заведующий.

Земляне, перебивая друг друга, объяснили.

— А-а, провинция! Не дождались вызова и решили проявить инициативу? Похвально. Вам надо заполнить вот этот формуляр: указать возраст, уровень развития, степень притязаний, количество особей, ну и так далее. Я вас зарегистрирую. Данные по вашей планете пойдут в Галактический Совет. Там их изучат и обсудят на очередном заседании и, если вы окажетесь достойными, то цивилизация Земли станет полноправным членом Ассоциации. А после такого решения Совета можете, если что понадобится — энергия там, транспорт, локальные преобразования пространства, — подавать заявку по установленной форме. Вот так-то.

— Скажите, — робко спросил Помощник, — а когда наши данные будут рассматриваться в Совете?

— Когда? Какое у вас исчисление? А, понятно. Этак приблизительно через четыреста земных лет, не раньше.

— Неужели нам придется так долго ждать? — поразился Главный Навигатор.

— Видели очередь? И все хотят побыстрее. А таких отделов, как этот, по Галактике несколько сотен. Так что четыреста лет — это минимум.

Совершив все необходимые формальности, заведующий нехотя поднялся:

— Ну что ж, поздравляю вас с предварительным вступлением в нашу дружную космическую семью. Желаю успехов в благородном деле освоения Вселенной. До скорой встречи в Совете.

Когда удрученные земляне подходили к «Ослепительному», их догнал пронзительный вопль заведующего:

— Это что, ваш корабль?!

— А чей же еще! — грубо буркнул Главный Навигатор.

Заведующий стремительно скатился со ступенек и, отмахиваясь от обеспокоенной очереди, помчался к земному звездолету.

— Подлинник? — бормотал он, колупая ногтем потемневшую обшивку. — А впрочем, что я спрашиваю. Антиквариат. Ух ты...

Экипаж «Ослепительного» мрачно смотрел на суетящегося заведующего. Посланцам гордой Земли все еще приходилось пить из чаши унижений, но они решили терпеть до конца.

— Послушайте, — вдруг умоляюще обратился заведующий к Главному Навигатору. — Сделайте одолжение старому коллекционеру. Я ведь чувствую, вам все равно. А у меня тут сверхскоростной корабль, — последняя модель, не чета вашей, с позволения сказать рухляди. Давайте меняться?

Столпившиеся вокруг инопланетяне злобно глядели на землян и наперебой предлагали свои звездолеты.

— Эти у меня есть, отстаньте! — кричал заведующий. — Ну как, согласны?

Земляне с восхищением смотрели на сверкающий корпус предлагаемого корабля. Вычислитель хотел открыть рот, но Главный Навигатор вдруг решительно сказал:

— Мы не желаем меняться. Мы слишком привыкли к своему звездолету. Да и условия нас не устраивают.

— Чего же вы хотите? — нетерпеливо приплясывая, спросил заведующий. — У меня с собой больше ничего нет!

Главный Навигатор снисходительно усмехнулся.

— Мы хотим, чтобы вопрос о принятии Земли в Ассоциацию рассматривался не через четыреста лет, а уже в этом году. Кроме того, нам нужна гарантия того, что он решится положительно.

— Но это невозможно! — затопал ногой заведующий. — Это противоречит инструкции!

— Мы не настаиваем, — жестко сказал Главный Навигатор. — Пойдемте, друзья. Надо готовиться к отлету.

— Стойте! — закричал заведующий. — Я согласен!

Провожаемые завистливыми взглядами братьев по разуму, земляне взошли на новый «Ослепительный». Главный Навигатор сел за пульт управления и огляделся по сторонам.

— Какие будут приказания? — спросил Первый Пилот. — Курс на Землю или на Центавру?

— Какая там Центавра! — высоко вскинул голову Главный Навигатор. — Нас ждет триумф на Земле! Мы спасли честь самой великой цивилизации Космоса. Земляне всегда были только первыми!

Владимир КУЛЬЧИЦКИЙ

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТРУЛЬ

Лауреат Нобелевской премии Энрико Линсен вот уже несколько месяцев не покидал своего жилища. В последнее время Линсен чувствовал себя вполне удовлетворительно, но в Исследовательском центре не торопились подключать ученого к делу, считая, что Линсен еще не окреп после автокатастрофы. Вскоре Линсен понял, что оказался выставленным за двери Центра, правда, со всеми почестями. В Центре не могли простить Линсену его подписи под Воззванием к ученым мира прекратить любые исследования по высвобождению колоссальных энергий из легких элементов.

Но Линсен был даже рад вынужденному безделью. Целыми часами он ровнял белый песок на тропинках небольшого парка, стриг ручной косилкой траву на газонах, рыхлил землю под могучими папоротниками, фонтанами выбивавшимися из-под земли. Линсен много сделал для того, чтобы все вокруг напоминало далекую родину, которую еще в прошлом веке покинули его предки, оставив в финских лесах скромную усадьбу и небольшое поле, которое, должно быть, давным-давно заросло ольхою и березняком. Свое жилище Линсен построил по образцу старых усадеб финских помещиков. При строительстве возникли трудности с черепицей. Оказывается, ее нигде не производили. Но во время очередных маневров, проходивших на Балтике, Морское ведомство скупило черепицу с нескольких хуторских построек и преподнесло в качестве презента преуспевающему ученому, чьи невероятные открытия укрепляли международные амбиции американских генералов и политиков.

Линсену нравилось смотреть издалека на свой дом: готический треугольник крыши, узкие стрельчатые окна; бросались в глаза каменный забор, тяжелые ворота и бревенчатый подъемный мост, переброшенный через небольшой ров. В неспокойное время, когда даже на улицах Городка Ученых можно было услышать автоматные очереди, куда лучше чувствовать себя за полуметровой стеной из красного кирпича, нежели в изящных виллах из стекла и металла, в которых жили творцы земных солнц. В последнее время уютная крепость перестала спасать старого ученого. Он все острей начинал ощущать свое одиночество. Линсена уже не радовали вечера, когда он, уютно устроившись у камина, неспешно шелестел газетами, которые рассказывали о бурях и невзгодах стремительной жизни, щадившей маленький замок и его обитателя.

Ради науки Линсен не заводил семьи. И вот теперь, когда он изредка видел играющих детей, его охватывала непонятная печаль. Ему хотелось подойти к детям, погладить их по голов-

кам и спросить, кто они и откуда? Как воспринимают этот мир? Что чувствуют, когда видят солнце? Чего они хотят? Какой сделают землю? Разумеется, старый ученый не задал ни одного из этих вопросов: дети были чужими и далекими, как прожитая жизнь. С некоторых пор Линсен стал ловить себя на том, что при виде детворы ему перехватывает горло, становится трудно дышать. Он неожиданно начинал представлять, что произойдет, если вспыхнет над землей «фиолетовое солнце», сброшенное с военного спутника. Ученый гнал от себя видения конца света и, успокоившись, радовался, что нет у него ни детей, ни внуков. Свой век уже почти дожит. На посиделок и врачей денег хватит. Что произойдет потом, уже не так важно...

В один из осенних вечеров, когда Линсен особенно остро ощущал свое одиночество, он не без содрогания прочел в «Нью-Йорк таймс» о самосожжении буддийского монаха, выступившего против войны. Линсен долго смотрел на фотографию пожилого и совсем лысого человека. Лицо монаха было изборождено глубокими морщинами. Неподвижный взгляд не позволял угадать характер самоубийцы. Не лицо, а маска. Рядом помещался другой снимок. Монах облил себя бензином и вошел в огонь. Собственно, был виден только многометровый столб огня, взметнувшийся в небо. Фигуру монаха нельзя было различить, и обозначились распростертые руки, от которых поднимались вверх огненные крылья...

Да, костер, который изобрел Линсен, способен сжечь целые страны и народы. Ученый стал задумываться над своей странным образом прожитой жизнью, вызывать картины далекого прошлого в своей памяти. И вдруг перед его глазами возникло существо, чем-то похожее на монаха-тибетца. Сначала Линсен счел, что бритоголовое создание в серебристо-розовом хитоне — плод его воображения, галлюцинация, усиленная игрой огня в камине. Но вот складки ткани зашевелились. В полутьме пронзительно сверкнули глаза, и существо далеким, не совсем внятным голосом произнесло: «Разрешите пройти к Вам?»

— Но вы уже в моем доме?! Мало того, вас не могли остановить ни охрана, ни прислуга. Кто вы такой?.. — забеспокоился Линсен. — Денег дома не держу, ценностей не имею.

— Спокойствие, спокойствие, — раздался низкий голос. — Опасность угрожает не вам, а вашей планете.

— Что вы хотите этим сказать?

— Слушайте внимательно. У меня мало времени. Я — Звездный Патруль.

«Наверное, сумасшедший»,— подумал Линсен и хотел было взяться за колокольчик, чтобы вызвать прислугу.

— Не отвлекайте свой разум! — уже властно и твердо произнесло существо.

Линсен вздрогнул: «Это пришелец, читающий мысли!» В ту же минуту ученый ощутил странную тяжесть во всем теле. Вис-

ки налились свинцом. Мозг пронзила острая боль. Линсен как бы вновь пережил миг уже позабытой автокатастрофы.

Боль утихала. А затем ученый ощутил, как в его разум входит огромный поток необычайной информации. Казалось, Линсен проговорил с пришельцем всю ночь, но когда ученый перевел взгляд на стрелки часов, оказалось, они передвинулись только на десять минут. За это время Линсен успел побывать в различных мирах Вселенной.

Теперь Линсен знал, что его ночной гость действительно пришелец из космоса. Что на отряды Звездных Патрулей возложено предотвращение самоуничтожения жизни на планетах. Оказывается, такое уже случалось. Знал Линсен, что на околоземной орбите сейчас находится корабль, который ожидает своего посланца. Корабль отправляется в другой конец Вселенной, чтобы предотвратить войну миров, вспыхнувшую по неизвестным пока причинам. Две планеты с высоким уровнем цивилизации могут разнести друг друга до состояния звездной пыли. Узнал Линсен, что в состав Звездных Патрулей могут входить жители разных планет. Но, как правило, Звездные Патрули рождаются в космических кораблях... Ночной гость Линсена еще помнил свою планету. Жизнь на ней затухала. Но жители далекого мира сумели доставить в свою звездную систему новое голубое солнце.

— Выходит, у вас не было ни дня, ни ночи? — спросил Линсен.

— Да, но потом мы поняли, ночь нужна. Жизнь должна постоянно соприкасаться со своей противоположностью. Сон есть тренировка ухода в небытие. Мы вернули ночь. И теперь на горизонте у нас сияло сразу два солнца — голубое и разовое.

— Вы, наверное, тоскуете по своей родине? — спросил Линсен.

— И да, и нет. Я видел много прекрасных миров. Сохранить на них жизнь — высшая цель разума. Теперь моя родина — Вселенная.

— А как вы попали в Звездный Патруль?

— Я был болен и мог уйти навсегда... Звезды излечили меня.

— Вы тогда были молоды? — не переставал интересоваться Линсен.

— Да. Но к звездам можно уйти в любом возрасте, если поставить целью служение жизни. Тогда открывается вечность.

Разговор перешел на земные дела.

— Я согласен: планету надо спасать. Она на грани взрыва. Но как это сделать?— вздохнул Линсен.

— Будьте внимательны!— И с этими словами пришелец достал из складок своей одежды небольшой предмет, напоминавший книгу. Ночной гость подошел к телевизору, выключил его из сети и присоединил к телевизору неизвестный прибор.

На экране замелькало лицо президента. Появились советники и эксперты. Проплывали двери, коридоры, холлы. И вот

Линсен явно увидел кабинет шефа. Здесь Линсену когда-то вручали чек на крупную сумму за изобретенное им оружие. В кабинет вошли генералы. Один из них, высокий и худой, с постоянно трясущимися руками был хорошо знаком Линсену. Это доктор химических наук Миллер, создатель сильнейших психогенных газов. А вот и шеф. Коренастый крепыш. Голова посажена прямо на плечи. Недаром его прозвали «техасским бычком». Взгляд исподлобья. Нижняя челюсть подчеркнуто выдвинута вперед. Во рту дымится сигара.

Линсен настроил звук в телевизоре. «Так, господа, — говорил шеф, потирая руки, — сейчас мы будем присутствовать при историческом моменте. Мы подписываем контракт с нашими фирмами на производство «фиолетового солнца», которое мы — ха-ха-ха! — зажжем над Сибирью, чтобы нам стало немножко потеплее!»

— Это конец! — воскликнул Линсен.

— Придумайте какую-нибудь небылицу. Стихи, например! — сказал ночной гость.

— Зачем?

— Скорей! — скомандовал Звездный Патруль.

— На поляне снова белая трава. Милая корова, ты всегда права, — неожиданно для себя зарифмовал первый раз в жизни ученый случайные слова.

— С поэзией у вас не очень...— улыбнулся Патруль.— Теперь смотрите!

Четким шагом к шефу подошел майор внутренней службы и раскрыл папку с текстом договора. На экране крупным планом возник текст. Но что это?! Вместо слов об обязательствах и общих суммах дохода стали появляться строчки сочиненной Линсеном нелепицы. Буквы документа сползали к краям листа, и только в самом центре красовалось удивительное творение Линсена.

— Что вы мне принесли, Билл?— заревел «техасский бычок».

— Текст договора, шеф! — прищелкнул каблуком молодцеватый майор.

— Какой сумасшедший печатал эту... эту...

— Маргарет Хотгарт, — поспешил ответить майор.

— Немедленно тащите эту... как там у нее напечатано... Сюда!

Через некоторое время в кабинете показалась красивая женщина в элегантном темном костюме. Очки в золоченой оправе придавали ее веселому из-за слегка вздернутого носика лицу значительность выражения секретарши высокого учреждения.

— Что вы напечатали?— бушевал шеф, и его затылок наливался кровью.

Маргарет села за машинку и перепечатала договор. Но стоило документу оказаться в руках военных, как вновь происходило необъяснимое: опять возникали глупые стишки в раз-

личных вариантах. Чаще всего менялись слова в двух средних строчках. То появлялось «милая трава», то — «белая корова», и — наоборот. Ужас сковал искаженные лица. Секретарша прикладывала к вспотевшему лбу платочек, но не выдержала — упала в обморок.

Изображенное на экране так развеселило Линсена, что он смеялся до слез, пока, наконец, не обратил внимания на ночного гостя. Крупные морщины изрезали неподвижное лицо. Оно напоминало маску, выражающую страдание и боль. Безволосый череп, отсутствие ресниц и бровей, будто их опалило огнем, делали ночного гостя похожим на мумию. Увидев эти перемены, Линсен осекся и замолчал.

— Срок действия аппарата — полтора года, — отчетливо выговаривая каждое слово, произнес Патруль. — За это время никто не сможет подписать договор о войне... Есть у нас еще более мощное устройство, но мы обязаны доставить его к враждующим мирам. Это пока все, чем может помочь землянам Звездный Патруль. Остальное человечество должно довершить само. Прощайте! Мы спешим! — и этими словами ночной гость будто впитался в стену и исчез.

Когда оцепенение прошло, Линсен еще раз заглянул в газету. Ученый поймал себя на том, что буддийский монах чем-то очень похож на ночного гостя. Линсен поспешил выглянуть в окно в надежде увидеть хотя бы слабый след удаляющегося корабля. Но за окном шел мелкий дождь, после которого в сосновом бору появляются маслята, наливается огнем папоротник, и прилетающий с севера снег гасит этот последний костер уходящей осени.

Борис МАЙНАЕВ

СЫН ДЕЛЬФИНА

1

Двигатели «Весты» не развивали нужной тяги. Обшивка покрылась оспинами метеоритных ударов. После аварии вблизи Соана вышел из строя Большой позитронный мозг. Сегодня, через десять лет почти слепого полета, Риф и сам не мог бы объяснить, как ему удалось вывести корабль к родной звезде. Она встречала своих сыновей молча. И только когда «Веста» прошла внешнее галактическое кольцо спутников наблюдения, внутренняя связь ожила.

— Высший Совет приветствует экипаж «Весты»,— зазвучал бесстрастный голос автомата.— Диспетчер дальней космической связи просит командира отключить ручное управление. Дальше корабль поведут с Центрального навигационного пункта.

Риф пробежал пальцами по пульту и откинулся на спинку кресла. Командир волновался и не знал куда деть руки: впервые за много лет звездолет вел кто-то другой. Космонавт повернул кресло внутрь отсека и увидел, что весь экипаж впился в обзорный экран. В верхнем углу его сверкала голубая капелька.

«Как-то встретит нас дом после стольких лет полета?» — Общее нетерпение охватило и командира. Он с трудом заставил себя отвернуться от экрана. Надо было отвлечь и успокоить экипаж.

— До чего прекрасна наша планета,— широко улыбнулся Риф.— Но лучше всего — океан...— Он помолчал.— А вы знаете, что меня в молодости звали Сын дельфина?

Космонавты недоуменно переглянулись.

— Я сейчас покажу вам небольшой отрывок из семейной хроники. — Риф вставил в гипногог шарик памяти.

— Надеть шлемы, — привычный командирский голос заставил экипаж выполнить распоряжение...

Какой-то посторонний звук нарушил утреннюю тишину, и Джон Стэнли проснулся. Но прежде чем он открыл глаза, на лицо легла мягкая ладонь, от которой исходил едва уловимый аромат роз.

«Дороти», — теплая волна поднялась в груди, и Стэнли несколько раз моргнул.

— Ой, ой, щекотно, — зазвенел в комнате голос жены.

Стэнли протянул руки и крепко обнял жену.

— Колокольчик ты мой, утренняя зорька, — зашептал он, ласково целуя маленькое ушко Доротеи.

Она уперлась руками в широкую грудь мужа и, имитируя его рокочущий бас, сказала:

— Капитан, уже утро, и вам пора приступить к своим служебным обязанностям, а не нежиться в кровати жены.

— К черту службу, к черту весь белый свет, никого не хочу видеть, кроме тебя.

Он сжал ее сильнее. Руки Доротеи подломились, и Джон зарылся лицом в складки шелкового пеньюара на ее груди.

— Милый, единственный мой, — прошептала женщина, — я бы никуда не отпустила тебя, но звонят из штаба — сам министр хочет говорить с тобой.

Стэнли еще раз прикоснулся губами к бархатной коже и вскочил.

— Что там могло случиться? Бешеный Майк никогда не звонит своим офицерам, — сказал он, поспешно запахивая халат.

— Ты не прав, Джон, называя его так, — возразила Доротея. — К тебе адмирал относится с уважением.

— Министр хочет вас видеть сейчас же, — прозвучал в трубке голос дежурного офицера.

— Буду через двадцать минут.

2

— Вам, как всегда, везет, капитан, — встретил Стэнли адъютант министра и открыл перед ним дверь кабинета главы военно-морского ведомства Виолии.

В слегка затемненной глубине комнаты, кроме хозяина, сидел небольшой человечек в штатском. Стэнли это удивило. Адмирал всегда принимал своих офицеров без посторонних. «Так легче делать из этих интеллигентов настоящих пиратов», — ходила среди моряков его присказка.

— Доктор Бидли, — буркнул министр, представляя своего гостя.

Стэнли понял, что Бешеный Майк сам несколько стеснен его присутствием в кабинете.

— На первый взгляд, задание, которое я решил поручить вам, — начал, откашлявшись, адмирал, — покажется легким. Да так оно и есть, но вот степень секретности делает его чрезвычайным. Ведь, если хотя бы намек просочится в прессу, или, не дай бог, о нем узнает противник, в мире поднимется такой шум, который может стоить шефу президентского кресла. Мы здесь решили, что о самом задании вас проинформируют в море. В этот поход вместе с вами идет доктор Бидли, он и расскажет обо всем. — Министр опять поморщился, и Стэнли понял, что это решение принял не он и самому министру не

нравится такая постановка вопроса. Весь флот знал, что адмирал делит человечество на две части. Людьми в его понятии были только моряки.

— Кстати, — продолжал хозяин кабинета, — в этот раз вы идете не на своем крейсере, а на «Дафне». Я приказал установить на нее несколько пушек и пулеметов.

Стэнли вспомнил небольшое океанографическое судно, ходившее под военно-морским флагом, и представил себе, как нелепо будет выглядеть на нем вооружение.

— Вам потребуется команда из двадцати человек, — адмирал протянул Стэнли лист бумаги. — Прошу внести в список тех моряков, которые умеют держать язык за зубами. Дополнительные инструкции здесь, — он вручил офицеру пакет. — Вы вскроете его только после выполнения задания. Через два часа корабль должен выйти в море. Мой вертолет доставит вас на «Дафну».

Большие, не по возрасту ярко-голубые глаза адмирала внимательно осмотрели лицо Стэнли.

— Я знаю, что уже несколько лет этот день вы проводите вместе с женой, — виновато загудел его голос. — Поэтому нынешний поход будет для нее несколько неожидан. Вы можете воспользоваться моим телефоном, чтобы успокоить супругу.

— Благодарю. Она всегда помнит, что я — моряк, — Стэнли не хотел говорить с женой при посторонних. Он решил, что позвонит ей с корабля.

— У меня одна просьба, — сказал он после некоторой паузы. — Ровно на пять минут мне необходимо выйти из здания, чтобы купить цветы. Уже шесть лет я... — Стэнли замолчал, подыскивая нужные слова.

— Да, я знаю, — министр нажал кнопку вызова адъютанта. Когда дверь открылась, резко бросил: — Немедленно достаньте венок из живых цветов и принесите сюда.

3

Ровно через три часа мощные двигатели вынесли «Дафну» на океанские просторы.

В кают-компании собрались офицеры. Стэнли коротко представил доктора и сел, приготовившись, как и все, выслушать столь необычное и секретное задание.

— Мы идем на ловлю дельфинов, — едва слышно прошелестел голос Бидли.

Стэнли задохнулся от ярости. Использовать военных моряков в такой роли — это мог придумать только идиот.

Офицеры стали недоуменно переглядываться. Кают-компания наполнилась шумом. Стэнли строго сдвинул брови. Чтобы там ни придумали в министерстве, он не потерпит, чтобы на его корабле обсуждали приказы командования. Моряки стихли.

— Я понимаю ваше недоумение, — невозмутимо продолжал доктор, — лучшие моряки флота — на рыбной ловле. На первый взгляд, такое мог придумать только сумасшедшей. Но это не так. Командование решило доверить вам это задание как раз потому, что вы считаетесь самыми дисциплинированными офицерами Виолии. Министр заверил президента, что только вы в состоянии сохранить тайну похода. Мы решили отловить несколько десятков дельфинов, чтобы обучить их способам опознания и уничтожения подводных лодок противника. Вы знаете, что современные средства борьбы с субмаринами малоэффективны. Мы швыряем сотни миллионов на систему оповещения и обнаружения, а противник преспокойно рассматривает в перископы ножки наших девчонок на океанских пляжах. — Бидли раскраснелся. Его голос приобрел твердость, глаза засверкали.

«Смотри, какой увлекающийся человек, — подумал Стэнли, — а с виду бескостная рыба».

— И только дельфин, умный и неуловимый, стремительный и бесстрашный, может распознать чужую лодку, приложить к ее борту мощную магнитную мину и уничтожить противника, — продолжал доктор. — Если добавить, что вся наша программа сто́ит намного меньше одного ракетного залпа крейсера, то вы поймете, какие перспективы открывает это живое оружие.

Бидли замолчал. Склонив голову, он изучал лица офицеров и как будто ждал аплодисментов. Моряки не проронили ни звука.

Одни, как и капитан Стэнли, смотрели с нескрываемым презрением на тщедушного человека, предлагавшего им заменить честный мужской бой мышиной возней. Другие еще не до конца поняли, в каком деле им предлагают участвовать.

Доктор еще раз внимательно осмотрел аудиторию. Он не понимал офицеров корабля. До этого, где бы он ни рассказывал о своих планах, его встречали восторженность, удивление, зависть, а здесь, сейчас, он не видел ни того, ни другого, ни третьего. Тогда доктор повернулся к командиру.

Стэнли воспринял это движение как конец сообщения.

— Итак, — начал он, поднявшись.

— Я не закончил,— резко прервал капитана гость. Подобного никогда не случалось на борту корабля, которым командовал Стэнли. Командир вспыхнул от ярости, но, вспомнив, что перед ним сугубо гражданский человек, сдержался и снова сел. Напряженная тишина повисла в воздухе.

— От вас требуется только одно, — продолжил свою странную речь доктор,— помогите мне поймать несколько десятков дельфинов, поместить их в две специальные клетки и доставить на нашу островную базу. За участие в операции и молчание каждый из вас будет произведен в следующий чин. Приказ об этом уже подписан министром.

«Вот что имел в виду адъютант, когда говорил о моем везении, — подумал Стэнли. — Итак, я почти адмирал. Почему поч-

ти, ведь он сказал, что приказ уже подписан. Странно, я почему-то не ощущаю радости».

— Капитан, — услышал Стэнли. Перед ним с листом бумаги в руках стоял доктор Бидли. — Я тут обозначил координаты мест, где чаще всего обитают дельфины.

— Штурман, проложите курс через эту точку, — и капитан черкнул на листе пару цифр.

— Все свободны, — отпустил своих офицеров Стэнли. Он стоя наблюдал, как они, тихо разговаривая, выходили из кают-компании.

«Как хорошо информирован этот доктор, — подумал вдруг Стэнли, — он даже знает, что я требую, чтобы в море ко мне обращались «капитан», а не «командир».

4

Едва заметная дрожь трясла стальное тело корабля. «Дафна»мчалась к намеченному месту. Стэнли стоял в боевой рубке. Заходило солнце, крепчал ветер, срывая пенные брызги с верхушек волн. Океан потемнел и глухо бормотал что-то.

— Капитан, место, — доложил штурман, выбираясь из тесной конуры своего стола.

— В машине, стоп! — скомандовал Стэнли.

Дважды звякнул под рукой вахтенного офицера телеграф, и высокий бурун исчез за кормой корабля.

Стэнли вдруг почувствовал тяжесть в теле и, едва поднимая ноги, вышел на мостик. Потом вернулся в рубку и протянул руку к сирене. Два скорбных вскрика нарушили предвечернюю тишину. Командир взял венок и медленно прошел на бак. Держась за леер, он низко свесился за борт и выпустил из рук цветы.В этот момент океан судорожно вздохнул и приподнял нос корабля. Венок, кувыркаясь, полетел с высоты двухэтажного дома в море. Всхлипнула, истекая слезами на борту корабля, океанская волна и отнесла цветы в сторону.

Капитан пристально смотрел в серую воду. В ней, покачиваясь, как падающий лист, медленно исчезал венок. Неожиданно его парение приостановилось. Стэнли вздрогнул и наклонился ниже. Ему показалось, что из глубины кто-то внимательно всматривается в его лицо. Непонятный страх шевельнулся в груди моряка. Он отпрянул от борта, но тут же опомнился, резко повернулся, поднялся на мостик и, приказав вахтенному вести корабль по курсу, ушел в свою каюту.

5

Экипаж знал, что уже несколько лет в этот день командир вместе с женой выходит в море и, поминая кого-то, по морскому обычаю опускает в воду цветы. Разные высказывались пред-

положения, но никто из моряков не знал истинной причины семейной скорби.

Когда Стэнли проходил по палубе, старпом случайно поймал его взгляд, и такая боль полыхала в глазах капитана, что, потоптавшись с минуту на мостике, старший офицер решил спуститься к командиру.

Тот сидел в глубоком кресле и держал в руках старинную оловянную кружку.

— Спасибо, Дик, что пришел разделить со мной мое горе,— чуть слышно прозвучал хрипловатый голос капитана. — Хочешь?— и он пододвинул к помощнику чайник. Помолчали. Стэнли отхлебнул несколько глотков из своей тяжелой кружки и, словно продолжая прерванный разговор, неожиданно начал:

— С пяти лет все в семье звали меня «счастливчик Джон». Это прозвище прилипло ко мне после того, как мы с братом на пари забрались на крышу старого курятника. А он возьми и развались. Брат сильно разбился. Кур погибло множество, а меня хоть бы поцарапало. Я и сейчас помню дрожащие пальцы отца, который долго ощупывал мои руки и ноги, потом передал плачущей матери. И, успокаивая ее, засмеялся: «Счастливчик»! С тех пор, уже тридцать пять лет, я ношу это прозвище.

Чем-то мрачноватым веяло от капитана, и Дик Лесли решил, что его надо отвлечь от воспоминаний.

— Джон,— сказал он,— вашей судьбе можно позавидовать. Ведь с сегодняшнего дня вы единственный сорокалетний адмирал флота Виолии. Недаром в коридорах штаба поговаривают, что министр давно хочет видеть вас главой военно-морских сил.

— Флот, — задумчиво произнес Стэнли. — Уже триста лет все мужчины нашего рода носят морскую форму. В доме деда собрался целый арсенал шпаг и старинных пистолетов, при помощи которых разные Стэнли утверждали флаг Виолии на морях и океанах планеты. Не думаю, что все они были добрыми людьми. Но сколько надо было всадить ядер в корабль, чтобы он пошел ко дну? Не одну сотню. Да и то, если стреляют меткие канониры, а сейчас — один ракетный залп и... Когда я поднимался на борт нашего крейсера, дед пригласил трех редакторов своих газет и заявил им, что Джон Стэнли-пятый, то есть я, непременно будет командовать всем флотом страны. А я с каждым днем начинаю тяготиться своей принадлежностью к военно-морским силам Виолии. Мне иногда кажется, что все мы — сборище сумасшедших, которых кто-то запер в пороховом погребе. Вы видели, с каким удовольствием этот сморчок говорил о том, как дельфины будут топить лодки противника. А ведь в них такие же люди, как мы. Люди, которых он жаждет убить. Вы знаете, что такое тонуть?! Я дважды оставался один на один с океаном. Человек перед ним, как маленькая капелька воды, наделенная разумом. Играя, океан медленно вылизывает ее своим холодным соленым языком. В ярости — глотает в одно

мгновенье, как это случилось с моим сыном. — Стэнли судорожно сглотнул комок, застрявший в горле, и перевел дыхание. — На земле хоть остается камень, к которому можно припасть щекой, а здесь...

«О каком сыне он говорит?» — подумал старпом. Он, как и весь флот знал, что «счастливчик Джон» не имеет детей. Красавица Доротея, чья фигура потрясала воображение всех мужчин, которые хотя бы раз видели ее, не рожала. Злые языки офицерских жен и репортеров скандальной хроники не переставали молоть о том, что на деньги, истраченные Стэнли на безуспешное лечение жены, можно было купить целый гарем.

— Это было семь лет назад, в первый день зимы, — уставясь в чайную гущу, задумчиво продолжал капитан. — После боев в заливе меня отпустили домой, и мы с женой полетели в горы, на старое ранчо деда. Этот день я запомнил на всю жизнь. Тихо падал снег. Огромные пушистые снежинки дрожали на ресницах Доротеи и светились в ее волосах. «Ты похожа на сказочную принцессу», — сказал я. Она засмеялась. Ее губы щекотали мое ухо, а горячее дыхание туманило сознание. От счастья я ничего не слышал. Тогда она взяла меня за руку, подвела к огромной деревянной скамейке, усадила и стала что-то писать на снегу. Я с трудом оторвал взгляд от маленькой голубой перчатки и к своему изумлению прочел: «Джон, у нас будет ребенок!»

На какое-то мгновенье мне показалось, что от радости я теряю сознание. Дик, у вас их трое, вы можете понять мое состояние в тот миг...

На следующий день я позвонил в штаб и попросил отпуск на год. В музыке и счастливом ожидании летели дни, недели. Чем меньше оставалось времени до того дня, когда я должен был стать отцом, тем мрачнее становилась Доротея. Она вбила себе в голову, что или с ней, или с малышом произойдет что-то ужасное. Врачи объясняли это слишком долгим ожиданием ребенка. Мы делали все, но успокоить ее было невозможно. Вдруг, когда до родов оставалось меньше месяца, она захотела в море. Я пытался отговорить жену — бушевали весенние штормы, — но врач сказал, что несколько дней морской прогулки не повредят, только посоветовал взять с собой акушерку.

Капитан замолчал. Его обычно невозмутимое лицо исказила гримаса боли. Хрупкая тишина опустилась в каюту. Лишь едва уловимая дрожь могучего корабля говорила о том, что совсем рядом, за стальными переборками, работают люди.

— Моя яхта полностью автоматизирована, и я легко справлялся с ней один, — опять заговорил Стэнли, — поэтому мы вышли в море втроем. Я, Доротея и миссис Кэрол — акушерка.

На второй день нас настиг шторм. Океану хватило трех часов, чтобы превратить красавицу-яхту в развалину. Кое-как мне удалось выбросить плавучий якорь и спасти корабль. Когда ветер стих, я спустился вниз.

В каюте творилось что-то невообразимое. Разболтанная об-

шивка пропускала воду. Ее уже набралось столько, что небольшие волны плескались в углах.

Два широких кожаных ремня удерживали Доротею на кровати. Ее голова запрокинулась. По бледному лицу катились крупные капли пота. Губы вспухли и почернели. В страхе и ярости я проклял тот час, когда согласился с беременной женой выйти в море.

Акушерка сказала мне, что вот-вот начнутся роды и поэтому нужно вызывать помощь.

Я кинулся к рации. Эта новомодная дрянь работала, но так, что меня никто не слышал. Оставалось только одно — идти в сторону берега и уповать на господа бога. На огрызке мачты я укрепил полотнище запасного паруса. Свежий ветер лихо погнал нас в сторону суши. Разошлись тучи, и я определил свое место. До берега было миль сто, но мы находились на самом перекрестке морских дорог, и во мне шевельнулась надежда.

Вдруг внизу дико закричала Доротея. Я кинулся в каюту.

— Похоже, сын капитана Стэнли родится прямо в море, — встретила меня миссис Кэрол. — Идите наверх, когда понадобится, я позову вас.

Я вернулся на палубу и стал пускать в небо ракеты, но вокруг было пусто. До рассвета оставалось часа четыре. Ветер стих, и легкий туман опустился на море.

...Капитан прервал свой рассказ, откусил кончик сигары и долго раскуривал ее.

— Она почти беспрерывно кричала, — выдохнул облако дыма капитан, — и вдруг стихла. Я бросился вниз, но не сделал и двух шагов, как услышал детский крик. Это был сын. Мой сын. Понимаешь, маленький Стэнли! Старушка обтирала его какими-то тряпками, а он орал что было сил. Я толком даже не рассмотрел его, сверху послышался вой турбин корвета.

В густой предрассветной синеве сторожевик несся на мою яхту, как слепой, ошалелый бык. Я успел дважды выстрелить из ракетницы, прежде чем понял, что на корвете все спят, доверившись автоматам.

«Раздавит», — сообразил я и бросился к Доротее.

Едва слетели пряжки ремней, удерживавших жену, как страшный удар потряс наше суденышко. Острый таран боевого корабля с хрустом развалил яхту на две части. Эти скоты не могли не почувствовать удар, но даже не замедлили ход...

— Вы нашли их, капитан?

— Зачем? — устало произнес рассказчик. — Это мог сделать любой корабль нашего флота. Ведь каждый день и час нам вбивают в головы, что завтра — война, что прибрежные воды буквально кишат подводными лодками противника. Эта истерия довела до того, что большая часть наших моряков в любом незнакомом предмете на воде готова видеть врага. Вспомните случай с беднягой Смитом, который «нашел» подводную лодку противника в бассейне своей загородной виллы. Мы тогда много

смеялись, а сейчас я думаю, что через несколько лет сам стану глубинными бомбами очищать от субмарин собственную ванну.

— Вы правы, капитан, — в раздумье произнес Лесли, — во время боев в заливе я видел, как быстро наши парни теряют все человеческое. Мне даже пришлось пристрелить одного, чтобы остановить резню раненых пленных.

Моряки замолчали. Стэнли вспомнил, что говорил ему о Дике командующий: «Он прекрасный моряк, знающий и толковый офицер, но слишком добр, поэтому может быть лишь исполнителем.

Значит, вот в чем дело. Если бы Лесли не вмешался или, наоборот, сам начал бы стрелять в раненых, ему бы доверили корабль, а так — нет...»

— Похоже, меня немного контузило во время крушения, — вновь начал Стэнли, — потому что я пришел в себя уже в воде. Первое, что я услышал, был голос Доротеи. Она звала меня. В непроглядной синеве я едва рассмотрел обломок какой-то доски, за который, видимо, схватился при столкновении. Кружилась голова, и временами пропадал слух, но Доротея была где-то рядом, и я поплыл на звук ее голоса. Через несколько метров я буквально наткнулся на нее. Жена держалась за большой квадрат палубного настила, который вполне мог служить спасательным плотиком для нас двоих.

Но только я вытащил ее из воды, как Доротея бросилась назад, и я едва удержал ее.

— Джон, ты слышишь?— закричала она.— Там наш мальчик,— и стала рваться из моих рук.

Откуда взялась сила в ее тонких руках? Она чуть не сбросила меня в море.

— Джон, — тормошила меня Доротея, — Джон, поверь мне, он совсем близко.

Похоже, я хорошо ударился головой, потому что только тогда вспомнил о сыне и акушерке.

— Ого-го-го, — закричал я во всю мощь своих легких, — миссис Кэрол, отзовитесь! — но ответа не было.

Доротея тоже затихла. Тело ее дрожало от напряжения. Вытянув шею, она вглядывалась в пустынные волны.

— Послушай, — вцепилась в мою руку жена, — его голос удаляется от нас, надо плыть за ним.

Кроме всхлипывания волн у низкого бортика нашего плотика, я ничего не слышал. Но, чтобы не волновать Доротею, я достал из воды обломок доски и стал грести в сторону, куда указывала ее дрожащая рука. Стоя на коленях, жена помогала мне.

— Быстрее, быстрее, милый, — лихорадочно шептала она, взбивая ладонями воду, — там, там наш сын!

Я греб изо всех сил, шепча про себя молитвы, которым меня научила в детстве кормилица. У бога я просил одного — чтобы он сохранил рассудок моей Доротеи. Ведь в море, кроме меня и ее, никого не было...

6

Рассвет Стэнли встретил как всегда на мостике. Он стоял, глубоко вдыхая чистый морской воздух.

Едва первый золотистый луч упал на воду, океан вздохнул и радостно улыбнулся свету. Тысячи веселых солнечных зайчиков заиграли на его широкой груди, разбегаясь в стороны от тяжелой громады корабля.

Стэнли любил море. Широкая, бескрайняя гладь воспринималась им как огромное живое существо.

— Его невозможно смирить или загнать в клетку, — говорил Стэнли. — Даже венец природы — человек, и тот вышел из океана. Вышел, чтобы тут же загнать себя в тесноту пещер, домов и городов. Да и не только себя. Все, к чему прикоснулась человеческая рука, попадает в вечную кабалу. Только небо и море остались свободными. Я бы поднялся в небо, но не люблю его тишины и пустоты. Остается только одно — плавать в океане. Здесь, на утлом суденышке или на стальном корабле, ты все равно чувствуешь себя частицей этой громады...

Стэнли снял фуражку. Пригладил волосы и негромко сказал свое неизменное:

— Доброе утро, Океан!

В это время сзади что-то загрохотало по палубе. Капитан оглянулся и увидел спешащего на мостик старпома.

— Извините, капитан, доктор Бидли с самого утра просил разрешить установить на корме приспособления для ловли дельфинов. Я распорядился выделить для этого матросов. Вот они и шумят.

— Правильно сделали, — сказал Стэнли и надел фуражку.

— Капитан, — вытянулся в струнку помощник, — вчера я не решился обсудить с вами некоторые аспекты нашего задания, но доктор спешит, поэтому откладывать разговор нельзя.

— Я слушаю вас, Дик.

— Вы читали что-нибудь о работах профессора Ли?

— Нет.

—Он — мой друг и уже много лет изучает дельфинов. Нет в море существа умнее и добрее их. Да что там в море — вообще на земле. И самое, на мой взгляд, странное — никто из дельфинов никогда не причинял зла людям. Заметьте, и это при том, что их ловят и уничтожают все, кому не лень. Собака в ответ на удар может укусить, кошка — поцарапать, даже тишайшая корова и та, если ее разозлить, боднет рогами. И только дельфин уже многие сотни лет добр и терпелив, как бывает добр умный старший брат. Ли считает, что биополе дельфина спокойно проникает в наше сознание. Я плавал вместе с ними в бассейне и с первого раза ощутил какое-то дружеское отношение. Мне даже показалось, что кто-то прошептал на ухо: «Ты наш брат, ничего не бойся, мы защитим тебя от любой опасности, как уже защищали многих людей».

Лесли замолчал и посмотрел на корму, где среди моряков суетился доктор Бидли.

— А мы? — с горечью спросил он. — Хотим сделать из них живое оружие. Стою иногда на мостике и думаю — неужели мы рождены только для того, чтобы сеять страх, смерть и разрушения? И сегодня вместе со всей командой будем участвовать в новом преступлении против человечества? Ведь есть же и другие люди на земле...

— Вы предлагаете мне предать Родину?!

— Да нет же, я хочу спасти вашу честь и защитить дельфинов.

Стэнли молча шагнул к рубке и потянул на себя ручку двери.

— Еще минуту, капитан. Год назад Ли начал эксперимент, который пока держит в секрете. Он пустил в дельфинарий грудных детей.

— Что?! — остановился Стэнли.

— Да, да, грудных детей, — продолжал старпом. — И произошло чудо. Младенцы сразу же поплыли и теперь спокойно держатся в воде рядом с дельфинами. Здесь же едят и спят. Причем сон их в морской воде, как говорит профессор, глубже и спокойнее, чем на земле. Он считает, что вода защищает детей от тяжести земного свода, а мощное биополе животных снимает чувство опасности перед морем. И это не все. Несколько месяцев назад Ли уговорил принять участие в эксперименте одну свою беременную лаборантку. Она прошла специальную подготовку, включающую в себя гипноз. Женщине удалось преодолеть страх перед водной опасностью и переключить подсознание на то, что роды будут проходить в воде.

— Да вы с ума сошли! — вскричал Стэнли. — Ребенок тут же захлебнется и утонет. После родов ребенок отключается от материнской системы жизнеобеспечения. Он начинает дышать своими легкими. Неужели ваш профессор об этом не знает?

— И тем не менее. Ребенок родился в море. Он появился на свет на глазах большой группы дельфинов. У одного из них в это же время родилось свое дитя. Надо сказать, что дельфиньи роды похожи на человеческие. Сам Ли был потрясен тем, что едва освободившись от связи с матерью, ребенок поплыл. Через несколько секунд дельфины бросились к нему и на какое-то мгновенье подняли из воды, потом снова опустили.

Профессор объяснял мне, что мозг дельфинов воспринял сигнал тревоги, когда стало не хватать кислорода. Животные помогли мальчику перевести дыхание. С того дня прошло уже два месяца. Все это время малыш почти не выходил из воды.

— Что же он ест?— недоверчиво спросил Стэнли.

— Молоко двух матерей. Своей и дельфиньей. Причем Ли делал анализ. Ребенок прекрасно переваривает молоко животного. И еще, с первого же дня малыш научился ездить на дельфине.

— Верхом? — насмешливо дернул щекой Стэнли.

— Нет, зачем же. Сработал хватательный рефлекс. Когда дельфины в очередной раз поднимали ребенка на поверхность, он ухватился за спинной плавник. И долго держался за него. Теперь это стало обычным способом передвижения. Ли потом проверил все в гидродинамической трубе. И нашел, что встречный водно-воздушный поток включил на чувствительном теле младенца тысячи микрорефлекторов, которые помогли новорожденному автоматически принять самую оптимальную позу. То есть сделали ребенка предельно обтекаемым. Профессор надеется, что такое смешанное воспитание даст мальчику возможность овладеть двумя языками и стать первым переводчиком между человеком и дельфином. Вы слышите, капитан, это первая тропа в океан. А наши военные хотят взорвать ее. Сейчас еще есть время остановить их. И вы можете сделать это...

По бескрайней лазурной глади мчался корабль. На его мостике стояли два моряка. Один из них прятал глаза от другого. Наконец, он тихо сказал:

— Извините, Дик, я — офицер и должен выполнять приказ.

Лесли опустил голову и сошел с мостика.

— Дельфины, — встретил командира вахтенный офицер.

Через несколько часов клетки, закрепленные по обоим бортам «Дафны», были полны, и корабль двинулся к секретной островной базе флота.

7

Стэнли проснулся в липком поту. Ему приснилось, что в клетках тонут маленькие дети, а он стоит на мостике и не может сдвинуться с места. Капитан нащупал в темноте зажигалку и закурил. Не успел он сделать и двух затяжек, как в коридоре раздались шаги бегущего человека, и в каюту ворвался полуодетый доктор Бидли.

— Капитан, — лихорадочно выкрикнул он, — клетки пусты, кто-то выпустил дельфинов.

— Может быть, замки ослабли?

— Нет. Все дверцы широко распахнуты. Это мог сделать только человек.

— Старпома ко мне, — распорядился Стэнли, едва за доктором Бидли закрылась дверь.

— Кто-то открыл дельфиньи загоны, — встретил своего помощника Стэнли.

— Значит, на борту есть еще один хороший человек, — глядя прямо в глаза капитану, ответил Лесли. — Хороший, но недалекий. Их ведь можно снова поймать. Или поручить это дело кому-нибудь другому. Нет, капитан, это не выход.

— Хорошо, пойдемте посмотрим, может быть, доктор сам допустил промах, а теперь пытается на кого-то свалить свою оплошность...

Мощные прожекторы высвечивали полупогруженные в воду овалы загонов. На каждом из них было по две сплетенные из толстой стальной проволоки дверцы. И все они были широко распахнуты.

— Капитан, чтобы добраться до этих защелок, нужно или пользоваться парадным трапом, или быть фокусником, — высказал мысль помощник. — Смотрите, между нами и клеткой расстояние метра четыре. Добавьте к этому высоту борта и скорость корабля. Нет, наши моряки этого сделать не могли.

— Тогда кто же открыл клетки, сами дельфины? Но они внутри, а замки — снаружи. Может быть, в экипаже есть ловкий человек, который набросил веревку на шпингалет защелки и открыл ее?

— С такой высоты на двухдюймовый выступ? Вы шутите, капитан.

— Тогда как же они выбрались оттуда?

— Может быть, другие дельфины постарались? Хотя нет. Ли утверждает, что им сначала надо несколько раз показать какое-то действие, только тогда они могут повторить его.

— Не хотите же вы сказать, что это проделки экипажа подводной лодки противника?

— Что вы, капитан!

— И тем не менее, дельфины из загонов выбрались. Дик, завтра, когда доктор Бидли снова наполнит клетки, проследите сами за тем, как он будет закрывать свои замки и выставьте часовых.

— У каждой клетки?

— Зачем? Один матрос вполне справится с наблюдением за обоими бортами. И пусть время от времени поглядывает на клетки.

8

Весь следующий день корабль метался по морю в поисках дельфинов, но их не было.

— У меня такое ощущение,— сказал появившийся в рубке доктор Бидли,— что кто-то специально распугал их. Неужели в главном штабе есть агенты противника?

— Которые открыли перед морскими обитателями перспективы своего строя и увели всю живность в свои территориальные воды,— пошутил Лесли.

Доктор зло сверкнул глазами, прошептал что-то про себя и выскочил на крыло мостика.

Только перед самым закатом моряки опоясали сетями большую стаю дельфинов и в течение двух часов наполнили клетки.

Лесли убедился, что Бидли лично закрыл каждый замок загона.

Освещенные мощными прожекторами дельфины шумно плескались за решетчатыми бортами своих новых домов. Время от времени то один, то другой поднимал голову из воды, и тогда над морем раздавались скрипы, свист, повизгивания.

— Первый раз слышу их речь,— обратился капитан к Лесли.

— Большую часть ее мы не воспринимаем,— ответил тот. — Они разговаривают при помощи ультразвука, источником и приемником которого служит сонар — небольшой локатор.

— Сонар и биополе вместо нашего языка?

— В море это лучше. Так же, как плавники и хвост. Я смотрел рентгенограмму передних плавников дельфина. Она напоминает кисть человеческой руки. Ли говорит, что специалисты считают грудной плавник атрофированной конечностью, видоизменившейся с того времени, когда дельфины жили на суше. Руки ему в море не нужны, а при необходимости их с успехом заменяет длинное узкое рыло. Им дельфин нажимает на клавиши, рукоятки, играет с мячом, удерживает и передает различные мелкие предметы. Это животное рождено, чтобы быть верным другом и помощником человеку, а мы,— Лесли с ненавистью посмотрел на прохаживающегося по палубе доктора Бидли,— хотим сделать из него убийцу.

— Идите отдыхать, Дик,— устало поднес руку к козырьку фуражки Стенли.

9

Разбудил Лесли звук автоматной очереди.

«Часовой»,— подумал офицер, лихорадочно облачаясь в мундир. У входа на палубу он догнал капитана.

Поднятый по тревоге экипаж в считанные секунды занял места по боевому расписанию. Маленькая «Дафна» погрузилась в темноту и приготовилась к бою.

— Человек. Из моря вышел человек,— дрожащим голосом докладывал часовой.— Маленький, голый человек. Он раскрыл клетку и выпустил дельфинов. Я испугался, закричал. Он увидел меня и прыгнул в море. Тогда я начал стрелять.

— Попал?

— Не знаю.

— Вахтенный,— резко бросил Стэнли,— что горизонт?

— Чист.

— Акустик?

— В воде только рыбы и дельфины.

Стэнли повернулся к часовому и впился глазами в его лицо.

Матрос стоял, вытянувшись в струнку, и смотрел на своего командира.

— Отбой боевой тревоги! Свет на палубу!

Одна клетка был пуста.

— Черт знает что,— в сердцах воскликнул Стэнли.— Маленький. Голый. Прыгнул в море. А горизонт чист. Непонятно. Еще одного часового к борту. Смотреть в оба. Стрелять без предупреждения.

Он еще раз внимательно всмотрелся в дельфинов, плавающих в клетке. Они явно были взволнованы. Стэнли готов был поклясться, что прочел это в их глазах. Животные то и дело разглядывали людей на палубе корабля.

— Удивительно, какой умный взгляд у этих животных,— сказал Стэнли, отходя от борта.— Лесли, я на мостик, смените меня в три часа.

Ночь прошла спокойно.

10

С первыми лучами солнца моряки увидели дельфинов. Их гибкие светло-серые тела мелькали по обеим сторонам корабля. Поведение животных было необычно. Они не прыгали и не резвились. Вдруг один из них, резко изменив путь, направился к клетке. В бинокль было хорошо видно, как стремительное веретенообразное тело, с каждой минутой увеличивая скорость, несется к кораблю.

— Смотрите, капитан,— обратился к командиру Лесли,— при такой скорости дельфин не оставляет ни малейшего следа на воде. Многие специалисты связывают эту суперобтекаемость со свойством дельфиньей кожи.

— Что он собирается делать,— вскричал Стэнли,— не таранить же нас?

— Не знаю, все это совсем не похоже на обычное поведение животных.

Мощный удар головы дельфина потряс загон. Его пленники засвистели на разные лады. Но храбрый освободитель, похоже, их не слышал. Он замер вблизи борта, едва шевеля плавниками.

— Удар, наверное, оглушил его,— взволнованно предположил Лесли,— и не удивительно. Взрослые дельфины развивают скорость до 30 узлов в час.

— Дверца выдержала, но проволока сильно погнулась,— отнял бинокль от глаз Стэнли,— Еще удар, другой...

В ту же секунду, словно услышав человека, к клетке понесся другой дельфин.

— Капитан,— взлетел на мостик доктор Бидли,— меня удивляет ваша позиция стороннего наблюдателя. Они ведь вышибут дверь. Прикажите открыть огонь.

Стэнли кивнул вахтенному офицеру. Потом, взглянув на Лесли, добавил:

— Только в воздух.

Глухо залаял крупнокалиберный пулемет, выглядевший по-

сторонним предметом на исследовательском судне, и дельфины отплыли от корабля.

—Я много лет работаю с ними,— задумчиво сказал доктор.— Ежегодно их отлавливают тысячами и не было случая, чтобы животные пытались освободить своих товарищей. Странно...

11

Бидли спустился на палубу и отдал распоряжение закинуть сети. Он во что бы то ни стало хотел заполнить вторую клетку. Но как только разноцветные поплавки запрыгали по воде, дельфины отошли дальше. Трижды по просьбе Бидли «Дафна» давала полный ход, пытаясь окружить стаю, и трижды животные легко выходили из западни.

— Остался единственный выход, адмирал,— обратился доктор к Стэнли.

Тот не любил, чтобы в море его называли по званию, но в этот раз только поморщился.

— Я понимаю вас,— продолжал Бидли,— но предлагаю вашей артиллерии взять на себя лишь роль загонщиков. Дайте залп перед стаей. Дельфины непременно попытаются выйти изпод огня. Так пусть ваши стрелки загонят их в сети.

Стэнли какое-то время раздумывал, потом решительно надвинул фуражку на глаза и приказал вызвать на мостик начальника артиллерии. Сжав зубы, капитан в двух словах объяснил офицеру задачу и вышел из рубки на крыло мостика.

Зазвенели колокола, и через мгновенье загрохотали пушки. Лес водяных столбов вырос на пути дельфинов. Они заметались, но выход был один — плыть в спокойную воду, окруженную с трех сторон разноцветными поплавками.

Лесли смотрел на море. Он стоял в рубке, уперев взгляд в штурманский стол. Старпом не мог видеть разгоряченные азартом охоты лица начальника артиллерии и доктора Бидли. Артиллеристу так понравилась роль загонщика, что он командовал, отложив в сторону бинокль, прикидывая расстояние на глаз. Лесли неожиданно увидел это и в ярости крикнул:

— Вам приказали стрелять по воде, а не по дельфинам.

— Я так и делаю,— молодой офицер схватился за бинокль.

— А я говорю — вы не туда стреляете,— не снижая голоса, продолжал Лесли. Он поднес к глазам окуляры, и штурман, внимательно следивший за старшим офицером, вдруг увидел, как тот побледнел.

— Человек за бортом,— прошептал Лесли и выхватил из рук артиллериста микрофон.

Но едва он успел раскрыть рот, чтобы произнести слова команды, как в рубке раздался мощный командирский бас:

— Прекратить стрельбу! В машине — стоп!

Напряженная тишина повисла над кораблем.

— Где вы видели человека, Дик?

— Там, капитан, прямо среди разрывов.

Многократно приближенная оптикой, перед глазами Стэнли текла вспененная взрывами морская гладь. Неожиданно какая-то тень мелькнула в окулярах. Капитан повел биноклем в ее сторону и замер. Прямо в центре недавнего разрыва из воды показалась человеческая голова.

— Вот он, вы видите, капитан? — взволнованный голос Лесли нарушил тишину.

— Вижу.

Вода обнажила шею, плечи, грудь.

— Боже, как он там оказался? — растерянно забормотал артиллерист.

Человек повернул голову в сторону корабля.

— Доротея! — вскрикнул Стэнли и, шагнув вперед, ударился биноклем о стекло боевой рубки.— Нос, подбородок, родинка на верхней губе,— лихорадочно забормотал он.

— Мальчик верхом на дельфине,— удивился Лесли.

— Сын,— выдохнул Стэнли.— И тут же рявкнул: — Полный вперед!

— Лесли! Лесли! Ты помнишь, я тебе рассказывал... Шесть лет назад. Это вылитая Доротея. До чего похож, даже страшно. И волосы — черные, блестящие. Боже мой, неужели такое возможно?! Сын. А где он жил эти годы? Лесли, я схожу с ума. Может быть, дельфины? Ты говорил, они могут выкормить ребенка?

— В машине, самый полный! Выжмите все, на что способны!

Дельфин, на котором сидел мальчик, плыл как-то неровно, рывками. Ребенок качался, клонясь то в одну, то в другую сторону. Неожиданно животное изменило курс, и все увидели, что из правого плеча мальчика алой лентой струится кровь.

— Он ранен! — закричал Стэнли и в ярости повернулся к артиллеристу.— Ты убил его!

— Я выполнял ваш приказ,— твердо ответил офицер.

Дельфин вдруг выпрыгнул из воды. Моряки увидели широкую рваную рану на него спине. Животное плыть больше не могло. Его хвост едва шевелился.

Стэнли рванул с шеи галстук.

— Быстрее!

Но корабль словно замер среди бескрайнего океанского простора.

Неожиданно мальчик всплеснул руками и упал в воду. Капитан вскрикнул.

Едва черноволосая головка коснулась воды, как из глубины вынырнули два дельфина и, приподняв мальчика на своих спинах, понеслись к горизонту. Они спешили к месту, где целебная вода быстро лечила различные болезни и раны стаи.

Стэнли, вытянувшись, следил за ними.

— Ну же, сын, подними голову, подними,— как заклятье шептал капитан.— Живи, где хочешь,— в море, на суше, но только живи. Слышишь, сын, живи!

Мальчик не шевелился. Дельфиньи хвосты со страшной силой рубили воду. Она струилась сквозь тонкие пальцы и омывала поднятое к небу лицо.

Корабль дрожал от напряжения, но расстояние между ним и стаей как будто не сокращалось.

Лесли искоса взглянул на Стэнли. Губы его шевелились. «Может быть, молится?» — подумал офицер. Но неожиданно услышал:

— Будь проклят тот день и час, когда я надел военную форму, превратившую меня в зверя,— говорил капитан.— Я во второй раз убил своего сына...

Ночь стремительно опускалась на море. Расстояние между животными и кораблем медленно сокращалось. Оранжевый солнечный диск тонул в океане. Минута, другая, третья. Золотистые лучи в последний раз обняли мальчишескую головку, лежащую на гибкой дельфиньей спине, и ночь упала на море.

Стэнли, не отрываясь, вглядывался в чернильную темноту, но ни ребенка, ни стаи не было видно...

12

Тишину рубки решился нарушить штурман, выделявшийся из всего экипажа своим педантизмом.

— Извините, капитан, вы не задали курс.

Стэнли с трудом оторвал бинокль от лица и повернулся к говорившему.

Лесли поразила перемена, происшедшая с командиром за этот час. Гладкое до сих пор лицо его было покрыто морщинами, а голубые глаза потеряли свой блеск.

— Курс? Домой.

— Капитан,— шагнул вперед доктор Бидли,— я разделяю ваше горе, но вы забыли, что выполняете правительственное задание.

— Задание? — тихо повторил Стэнли. И вдруг привычный бас командира заставил всех выпрямиться.— Помощник, отдайте распоряжение выпустить дельфинов. Радист, соедините меня со столичным пресс-центром. Я не хочу больше участвовать в этом преступлении.

— Да как вы смеете? — завизжал доктор.— Сумасшедший! Властью, данной мне правительством, я отстраняю вас от командования судном. Вы арестованы,— выхватил он из кармана пиджака маленький пистолет.

Лесли удовлетворенно крякнул, широко размахнулся и с удовольствием ударил в челюсть доктора Бидли. Тот выронил оружие и опрокинулся навзничь.

— Пресс-центр? — зарокотал в эфире капитанский голос.— Говорит адмирал Джон Стэнли-пятый. Я хочу сделать заявление.

...Легкий туман пробежал перед глазами, в ушах зазвучала ласковая мелодия, и гипногог отключился.

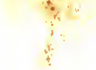
Звездолетчики увидели перед собой обзорный экран, в центре которого весело помаргивал голубой шар. Земля.

—Так отец потерял меня второй раз,— голос Рифа звенел от волнения.— Опять встретились мы с ним только через пять лет, когда Ли расшифровал язык дельфинов. За это время в стране произошли важные события. Пал кабинет министров. Страна подписала Всемирную Хартию о разоружении... Я в это время учился. Мне понадобилось несколько лет, чтобы заново стать человеком,— командир помолчал.— Потом был объединенный космофлот. Высшая школа астронавтики. Я успел ко второму выпуску... Теперь вернусь туда преподавателем.

На пульте управления вспыхнула зеленая панель.

— Есть причаливание,— бесцветным голосом доложил автомат.

— Вот мы и дома,— Риф Стэнли встал. Голубое небо заглядывало в иллюминаторы и отражалось в ясных блестящих глазах космонавта.

Анатолий ***МАЛЫШЕВ***

ТРАНСМИГРАНТ

> Поклонники целесообразности, милые фаталисты рационализма все еще дивятся премудрому «кстати», с которым являются таланты и деятели, как только на них есть потребность, видавши света, сколько способностей, готовностей — вянут, потому что их не нужно.
>
> А. И. Герцен. *Былое и думы.*

БУДНИ РАБОТНИКА ТРАНСМИГРАНТА

Прошло, наверное, около часа, пока я дожидался Христоперского — веселое занятие в осеннем холодном коридоре!

Многие наши сотрудники судят о человеке только по первой встрече: если не могут уговорить на трансмиграцию сразу, то больше никогда к нему не возвращаются. Трансмиграцией мы называем переселение людей на другие планеты.

Я подхожу к человеку многократно, не считаясь с личным временем, когда интуитивно чувствую, что из него выйдет толк в сфере освоения Галактик. Обычно человека трудно вырвать из стойкого круга жизненных связей, этого своеобразного психологического аквариума, именуемого бытовой экологической нишей. Такого человека нужно основательно встряхнуть, замутить гладь аквариума, чтобы понял: он использует свои способности не там, где его ждет наибольшая отдача, наилучший результат. Обидно, когда рутинное существование вовлекает в свой ритм подобную личность.

Вот Христоперский! Считается хорошим математиком. А у меня есть данные, что он может сыграть важную роль в освоении новой планеты в Сплюснутой Галактике. Именно поэтому я неоднократно возвращаюсь к этому человеку. Мне хочется, чтобы он увлекся перспективами освоения, понял, что там нужны именно такие люди, как он. Но Христоперский остается равнодушным. Лучше бы он возненавидел меня. И от ненависти, от нежелания встречаться со мной — подписал бы контракт. Ненависть, как любовь, — мощный стимул!

У меня на покорение, завлечение или вербовку, можно называть по-разному, уходит пять-шесть месяцев. Это небольшой срок, хотя план требует двух-трех месяцев. Интересно, кто составляет эти планы? Чего, к примеру, стоит один только подход к человеку с подобным предложением! Представьте,

к вам подойдет работник какого-то Трансмигранта и скажет, что работаете вы не на своем месте, способности ваши пропадают втуне, и вообще, вы живете не так, как надо! И что вы на это ответите?! Нет, сколько душевных сил, сколько изобретательства, сколько энергии требует моя работа! Сколько перевоплощений в буквально отрицающие друг друга ипостаси приходится принимать мне...

Я сильно продрог, когда наконец пришел Христоперский. Открыв дверь, он протянул мне пять рублей.

— Как всегда? — спросил я. Он кивнул. «Как всегда» означало: двести граммов голландского сыра, два батона, бутылка кефира и пачка сахара.

— Зверски устал,— сказал Христоперский, когда я принес из гастронома продукты.— Меня скоро доконает новая ЭВМ. Выкидывает столько вариантов — с ума сойти! Можно ли при такой массе вариаций составить единственную изящную программу биогенеза? — Он раздраженно бросил пиджак на спинку стула.

Я сочувственно кивнул:

— Знаешь, Вася, хоть это и не в моих интересах, я бы посоветовал тебе дать посмотреть эти варианты какому-нибудь дилетанту, профану. Взгляд со стороны иногда дает такой эффект! Бывает, посторонний взгляд иногда замечает то, что для целенаправленного, но утомленного внимания — пустое место. Поговори-ка с соображающими людьми.

— А где мне взять такого? Все шарахаются: никто не хочет ассистировать эвээмщику. Хотя... Послушай, Николай Борисович! — Вдруг радостно воскликнул он, больно хлопнув меня по плечу.— Вот ты бы и посмотрел! Где уж мне найти большего профана, извини, соображающего дилетанта, чем ты?

Сначала я хотел обидеться, но сразу оценил: Христоперский злится! Ага! Скоро он возненавидит меня!

Я согласился посмотреть вариации ЭВМ, мое согласие завершит подготовку Христоперского к трансмиграции.

Мы поджарили яичницу с колбасой.

Вася доел последний кусок колбасы, вздохнул:

— Поскорее закончить бы программу биогенеза. Раньше мне хоть Нина помогала.

Это удача! Нина, двоюродная сестра Христоперского, отсутствует. Ох, как она мешала моей работе, сколько раз свое деловое обаяние и красноречие я безотчетно тратил на нее: она понравилась мне с первого взгляда.

Работа в Трансмигранте очень тяжелая, чего только не приходится переносить: оскорбления, насмешки. Тот же Вася, к примеру. Однажды так толкнул меня с лестницы, что я вывихнул при падении левую руку.

И вот сегодня, когда не было Нины — Христоперский примирился с моим существованием.

— Вот что, Васенька,— деланно-безразличным тоном пред-

ложил я.— Давай посмотрю твои программки биогенеза, а ты уж подпиши контракт!

— «Программки»! — взорвался Христоперский, с ненавистью глядя на меня.— А! — Вот сейчас он должен бы крикнуть: «Пропади все пропадом!», но вдруг взял себя в руки: — Завтра. Нина приедет, тогда мы договоримся, Николай Борисович!

Нежелателен приезд Нины. Радостное ожидание ее взгляда заставило меня вздрогнуть: великий космос, неужели и мое сознание, специально тренированное, поддается неконтролируемому обаянию женственности?

Я решительно вытащил гербовую бумагу и протянул Христоперскому:

— Вася, вот бумага — нужна твоя подпись! — Я говорил грубо, властно, привычно напористо, и он подчинился, подписал контракт.

Облегченно вздохнул:

— Уф! Устал я от тебя, оказывается! То-то легко мне сейчас! Будто от кошмарного сна очнулся.— Он вскочил, опрокинул стул.— Теперь все кончено. Больше никогда не увижу твоей рожи! О радость!

Я сложил подписанный контракт.

Вот так всегда. Мне скорее было грустно от одержанной победы. Не будешь же сейчас объяснять Васе Христоперскому, сколько души вложил я в это дело. И ведь — для его же пользы! И так с каждым, кого мне приходилось вовлекать в Трансмигрант. Чтобы убедить физика Митропольского, знакомиться мне пришлось не только с фундаментальными основами физики, но и с его многочисленной родней. А химик Митрофанов? Как я блуждал в джунглях углеводородных циклов! Да и сейчас — разве не пришлось мне ради Васи врубаться в эти занудные языки программирования, всякие там «Алголы», «Фортраны» и «Коболы»?

Я попросил у Христоперского вариации программ, выданных ЭВМ. Циклы биогенеза. Вспомнив уроки Митрофанова, предложил скрестить две программы — получилось удачно. Вася даже застонал и хлопнул себя по лбу:

— Клянусь Зодиаком — так просто! Как же я сам этого не увидел?

Он заинтересованно продолжал:

— Однако, Николай Борисович, ты не так-то прост! А я тебя рьяным службистом считал, и только. Сцепить именно эти две программы! Тут соображать нужно.

— Ну, а я что тебе говорил? Взгляд со стороны и никаких премудростей!

Я заспешил, торопливо глянул на часы.

— Подожди, подожди, Николай Борисович, я тебе сейчас такое расскажу — не поверишь!

Но я спешил на Вокзал Времени: достаточно появиться Нине, и Христоперский, чего доброго, аннулирует контракт. Нужно было сделать главное — встретить Нину и ни в коем случае не допустить ее к Васе. Если б я знал, что главным было — выслушать его, и кто знает, как повернулась бы тогда моя жизнь...

ПРЫЖОК ПО ВРЕМЕНИ

На вокзале постоянно дул ветер. Редкие встречающие терпеливо стояли за прозрачными силикатными щитами. Я поджидал Нину.

Перед входом на перрон висела предупредительная надпись:

«Граждане!

Помните!

Пространство вокруг перрона не оберегается службой времени!

Не выходите за силикатные козырьки!

Возможна аберрация Времени.

Всегда:

Помните о своих родных и о своем времени!»

Движение воздуха странно возбуждало. Я вдруг ощутил в каждом мускуле огромную физическую силу, требующую немедленного применения.

Из крутящегося за силикатным щитом воздуха донесся испуганный женский голос:

— Помогите! Ради бога!

Старомодный оборот призыва — ради бога! — вот что поразило меня. Нарушая правила, я поспешно перепрыгнул за терминатор Службы времени и увидел девушку с огромным баулом. Сильный ветер дул ей навстречу, не давая выйти на перрон. Но как она попала на эту опасную промежуточную полосу, опоясавшую Вокзал Времени? Я быстро выхватил из рук девушки громадный баул, пригибающий ее к бетону:

— Бегите за мной!

Но было поздно.

Никакого бетона не стало и ветра — тоже. Я опустил баул на шоссе, раздраженно ворча:

— Ну вот, теперь намаемся, пока найдем выход на перрон. Нельзя же быть такой растеряхой! Как это вас угораздило на промежуточную полосу?

Девушка едва не плакала, утверждая, что именно на этой полосе брат велел ждать, а сам куда-то ушел, и его уже давно нет. Она испугалась.

Нужно было поскорее выбираться на перрон, а это целая проблема. Один раз попал я в такую ситуацию в Норильске — целый день потерял, пока нашел выход. А ведь нас специально обучали, как пользоваться вокзалами.

Физиономия у меня, наверное, была достаточно красноречива, потому что девушка испуганно спросила:

— Это так опасно — полоса?

— Летаем уже в Мифические Галактики, а у себя на Вокзалах Времени порядка навести не можем!

Перекосившись на одну сторону — ох и баульчик! — я на ощупь тащился вдоль уже невидимого терминатора и объяснял:

— Я в физике поля — слабоват. Предполагается, что в полосе перехода от Вокзалов Времени к естественной земле происходит релаксация поля времени и истечение энергии неизвестно куда. По крайней мере, пока мы не знаем — куда.

— Релаксация? — встревожилась девушка.— Чем она грозит?

— Извините, это значит — ослабление напряжения.— И тут только я разглядел ее. Эффектна! — Как вас зовут?

— Матрена...— прошептала она.

Я чуть не выронил баул. Хоть убей, не подходило это имя к соломенноволосой, сероглазой, причудливо одетой девушке в новейшей суперсинтетике.

Тут гудронированное шоссе кончилось, дальше была грунтовая глинистая дорога. Я поспешно повернул назад.

Гудронированное шоссе исчезло.

— Кажется, мы попали в переплет, дорогая Матрена!

— Чем он опасен? — озабоченно поинтересовалась она, тряхнув соломенными волосами. И — восхищенно: — Как вы можете без отдыха нести такой тяжелый груз? Руку еще не вывернули? У вас в Трансмигранте все — такие силачи?

Вот тут я почувствовал тяжесть баула, пальцы бессильно разжались. Как будто ветровая энергия, побуждающая к движению, иссякла. Матрена хихикнула. Я вытер платком вспотевший лоб.

Похолодало. Пошел мелкий снег.

— Послушайте, откуда вы знаете, что я работаю в Трансмигранте? Впрочем, это уже не важно. Скажите ваше настоящее имя! — Хотя я уже знал, кто это.

— А вы не догадались? — она стерла с лица грим и сняла парик.

Нина. Однако! На Вокзал Времени, допустим, проходим по спецразрешению, но на полосу, чего ради ее потянуло?

— Я не могла смотреть, как вы, Николай Борисович, мешали работать Васе. Все сманивали на какую-то Сплюснутую Галактику. Вася стал сам не свой. И я решилась — освободить его от вас. Сберечь для общества великий математический талант моего брата.

— Ерунда! Через день-два мы вернемся к себе, я уже бывал в таких переделках. Опыт у меня есть.

— О нет! Теперь ничто вам не поможет! — Она показала на баул.

— Вы хотите сказать...— «Спокойствие, выдержка»,— гово-

рил я себе. Так и есть: портативный хроноскоп, академический. Но стрелка индикатора на нуле.

— Я за вами следила. Когда вы подбежали ко мне, я рванула ручку куда-то далеко в прошлое, а потом вернула на нуль.

— Потрясающе! — «Спокойствие»,— убеждал я себя.

— Я даже не знаю, в какое время мы попали, забыла посмотреть! — Она разрыдалась. Слезы смывали тушь с ресниц и траурными полосами прочерчивали лицо.— Это все из-за вас забыла посмотреть. От злости!

И смех и грех. А у меня даже злости на нее не было: устал, таская баул. Вот женская логика: сама совершила глупость, а обвиняет меня. Выход, конечно, был, я никогда не расставался с личным микрохроноскопом. Только нужно точно установить время, в которое мы попали: век, год, месяц.

— Хорошо хоть Васеньку от вас оградила...

Хоть мне и жаль было ее, я не удержался от парфянской стрелы:

— Хлопоты ваши, дорогая Нина, напрасны. И жертва — бесполезна. Подписал Вася Христоперский контракт!

— Господи! — Она закрыла лицо ладонями. Как будто по стеклу ногтем скребнула — опять старомодный оборот.

По заданию Трансмигранта несколько раз путешествовал я в прошлое, но всегда в четко установленное время и после специальной подготовки. Сейчас я чувствовал себя несколько не в своей тарелке. А каково Нине? Мне, в общем, все-таки привычно.

Наступила темнота, снег прекратился, усиливался мороз.

— Идемте, Нина! Надо искать жилье. Замерзнуть можно.

Мы пробирались через лес, сыпался с веток снег. На опушке леса осмотрелись. Неподалеку было селение.

— Я схожу в поселок, Нина, разузнаю, а вы пока спрячьтесь вон там в кустах.

Не успел я отойти и ста шагов, как Нина закричала:

— Николай Борисович!

Увязая в снегу, я побежал назад.

Несколько человек в красных кафтанах окружили Нину, она вырывалась и звала меня на помощь.

Сзади хрустнула ветка, меня ударили по голове, и я упал.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Тысячелетия существовало человечество, и тысячелетия не знал человек своего организма. Человек постиг механическое свойства своего тела и на их основе создал сотни приспособлений, облегчающих труд, начиная от рычага и кончая подъемным краном. Но он даже не подозревал о могучих возможностях, которые подспудно таились в нем: в его собственном мозгу.

Физиологи установили, что природа при создании человека шла по пути чрезвычайной экономии, приспособив для выполнения различных функций одни и те же органы. К примеру, она совместила органы деторождения с органами отброса почечной деятельности. Очень экономно! Тогда почему природа оказалась вдруг безумно щедрой, задействовав для работы всего десять — пятнадцать процентов мозговых клеток, а остальные обрекла на безделье. Запас? Но для чего нужен такой огромный, не функционирующий запас?

Подспудно таящиеся возможности человека, оказалось, и были связаны с этими запасом. Еще задолго до нашей эры, в мистическом созерцании, пыталась реализовать эти возможности буддийская йога, и не без успеха. Йога добилась сохранения жизнеспособности человека при крайнем дефиците жизненных средств и при чрезвычайных, катастрофических нагрузках на его нервную, эндокринную и дыхательную системы. Это были зачатки управления организмом посредством психики.

В школу Трансмигранта подбор учеников как раз и осуществлялся на основе умения руководить и перестраивать свое тело через психику. Из каждого набора в двести — триста человек к концу десятилетнего обучения выходило десять — двадцать специалистов, которых забирала служба Трансмигранта. Эти умели манипулировать своим телом. Остальные распределялись в сфере образования, здравоохранения, бытового обслуживания — преподавателями, психологами, консультантами. Они тоже были мастерами своего дела. Я попал в число тех, кого природа одарила более щедро.

Когда меня ударили сзади по голове, я упал, только на миг потеряв сознание. Очнувшись, я сохранил, как нас учили в школе, состояние «живой смерти»: ни пульса, ни дыхания.

Кто-то меня приподнял, ощупал.

— Готов он, Прошка! Ну и трахнул ты его!

— Брось его! Готов, так готов!

— Да одежда, глянь-ко какая! Небось, немец? Жалко бросать такую одежду. Сыму я!

— Брось, кому сказано!

Их было человек пять, понесли сопротивляющуюся Нину, скрылись за холмом, раздались крики, свист.

Прежде всего нужно было вернуть себе силы, затем установить времяпребывание. Только вжившись в экологическую пространственно-временную нишу, можно было подумать об освобождении Нины. Задала она мне внеплановую работенку!

Честное слово, сначала я даже позлорадствовал: вот, сама втравила, теперь прочувствуй! За неделю я думал управиться.

Восстановив нормальное кровообращение и сердцебиение, я встал, пощупал ноющий затылок: вздулась огромная шишка. Пришлось сосредоточиться, чтобы шишка рассосалась.

За холмом была дорога, по следам саней я и зашагал к деревне.

Дождавшись, когда совсем стемнело, прокрался кустами к крайнему дому. Я должен узнать время, в которое попал. Время! Какой век? Без этого знания ничего не сделаешь. Мне, в общем-то привычному к таким трансмиграциям, было очень неуютно, нехорошо. А каково Нине?

Я постучал в слюдяное окошко избы. Мужской голос спросил, что мне надо. Я объяснил, что — немец, что дорогой ограблен. Мой русский далекого будущего, видимо, очень смахивал на произношение иностранца.

В избе, в углу, отгороженном двумя досками, стояла корова и облизывала теленка. Несколько детей, мал-мала меньше, играли в другом углу, под иконами.

Я попросился у мужика переночевать, предупредив, что заплатить нечем.

Мужик махнул рукой:

— В беде нехристь не поможет! Жена вот у меня померла, если б не соседи, хоть об стенку. С детьми!

На мой вопрос, что это за деревня, он ответил: «Россохватка».

— Вечером, еще не стемнело, боярин Россохватский в Москву отъехал. Да и немку какую-то с собой повез. Одежда, вот как у тебя. Как бы не его людишки тебя и пограбили?

На другой день, обрядившись в тряпье, которое смог дать мне сердобольный мужик (свою одежду я спрятал в котомку — слишком необычной она была), я пристроился к большому обозу продовольствия и фуража, отправляемого к Россохватскому в Москву.

Дней шесть тянулся обоз к Москве. Я узнал, что ныне царствует царь Федор Иоанович, а правителем у него — Борис Годунов.

Волею случая я попал на такое перепутье русской жизни, которое было определено в истории как пора Смутного Времени.

БОЯРИН РОССОХВАТСКИЙ

Аксиомой Трансмигранта было: начинать активные действия, только вжившись в экологическую пространственно-временную нишу. В Москве мне пришлось начать рассыльным в Посольском приказе. Я подолгу отирался возле голландского посольства, руководимого Ван-Кулем. После языковых выкрутас Сплюснутой Галактики все земные языки стали для меня чуть ли не родными.

Ван-Кулю, пожалуй, по душе пришелся мой голландский: слышать милый родной язык с антверпенскими интонациями, пробуждающими воспоминания о чистых, ухоженных улицах далекого любимого города. И где? В дикой варварской Московии, из уст холопа, рассыльного! Благорасположение купца Ван-Куля простерлось до того, что он даже усыновил меня

под именем Николауса Ван-Куля. Это произошло после ночного грабежа, когда я спас его от московских «шишей», пытавшихся выкрасть его для получения выкупа. Надо сказать, что выгляжу я моложаво, а при желании могу сойти и за двадцатипятилетнего. Приемный отец и представил меня русскому двору, познакомил с царицей Ириной.

То было время, когда ярко сияла звезда Бориса Годунова. Царица Ирина была убеждена, что, кроме ее брата Бориса, никому не дано спасти Русь и возвысить ее после разорительного царствования Ивана Грозного, после страшных лет опричнины. Царица помогла мне заключить несколько торговых соглашений на мачтовый лес в Подмосковье.

По торговым делам мне удалось попасть в Россохватку, наконец-то установив, что там находится Нина.

Я сидел в гостиной боярина Россохватского, завершив с ним обсуждение дел о купле строевого леса. После чего отобедали.

Галантно отодвинув блюдо с туфлеобразными говяжьими языками, я сказал опасные слова:

— Спасибо, откушал! Прилагаю все свои силы, чтобы не избежать благостной возможности собеседования с вашей женой.

«Где же Нина? Как мне ее увидеть, как договориться?»

Боярин боднул меня взглядом. В Москве много говорили о неожиданной женитьбе Россохватского на какой-то немке, безродной, неведомо откуда взявшейся. Удивлялись. Оженился — Катыревым-Ростовским отказал, обида смертельная.

Видно было, что и сам боярин ошарашен своей женитьбой, пребывая как в понуждении, съезжая почти каждую неделю из Москвы к немке. Чародейство. Бесовская баба! Страдала гордость.

Россохватский плотно сидел в кресле, по-бычьи наклонив голову, исподлобья глядя на меня. Он походил на быка, грузный, тяжеловесный. Я пожалел Нину. Бедняжка, что она могла сделать? Чужое время, ни родных, ни знакомых, никого. Только и выход — замуж, как в омут. Мне во что бы то ни стало надо ее увидеть. Самый простой способ вернуться в свое время с минимальной затратой энергии — именно с того места, в которое забросило. Но как вызвать Нину?

Совершенно понятно, что думает сейчас Россохватский! Вот, мол, навязали немца. А все — Борька Годунов, вседерзый и окаянный шурин царя. Ну добро, отрядили торговые дела, пора и честь знать. А этот немец. С женой его познакомь! Ишь чего.

Я, изящно приподняв кружку с вином, велеречиво говорил:

— Желаю с вашей супругой беседу провести. Мнемонически она меня привлекает...

Россохватский гулко откашлялся. В дверях появился холоп.

— Ты, Ванька? Подслушивал? — Он схватил со стола плеть, глаза его выпучились, лицо налилось кровью, побагровело...

У меня была царская охранная грамота. Но что она здесь значила: боярин в своей вотчине — тот же царь, хочет — казнит, хочет — милует. Опасно и дальше злить Россохватского. Зачем я его провоцирую, зачем выбрал этот дурацкий тон в разговоре с ним?

Россохватский сильно, с оттяжкой, хлестал Ваньку, рубашка на плечах того поползла кровавыми лохмотьями. Ванька не сводил с хозяина преданного взгляда.

— Плеть покажи-ка! — с силой задержав его руку, строго сказал я Россохватскому. Опешив, он отдал мне плеть.

Несколько тонких сыромятин были любовно и тщательно сплетены, резная ручка блестела от частого употребления.

— Солидная вещь,— сказал я, возвращая плеть хозяину.— Только сыромятина гнилая, скоро порвется.

— Ах ты, немец! Ванька, врежь! — Он обрушил на меня дубовый стул, от которого я легко увернулся. Но сзади был Ванька. Он врезал.

БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Я очнулся в полутемном подвале. Сверху, между скрещенных досок, пробивался свет.

В подвале стонали и ругались. Здоровенный детина с исполосованной спиной, в кровавых рубцах, плевался кровью и жалобно мычал.

Сочувственный голос уговаривал:

— Митек, жуй! Нутро прогреется. Нутренности тебе отбили. На, коровий навоз жуй! Жуй да глотай! Сколько меня били — только навозом и спасался.

И тут я ощутил боль в плечевых суставах, шею сводило: Ванька постарался. Перед глазами все плавало — я пытался сосредоточить волю, чтобы заняться рагенерацией своего покалеченного тела.

Вдруг голову сжало, как тисками, отпустило, сознание стало четким, в полутьме я видел, как днем. Аварийная служба Трансмигранта! Она была начеку. На пульте, наверное, был кто-нибудь из старательных новичков, потому что после оценки ситуации через мои глаза, мне было внушено овладеть осознанным вниманием согнувшегося в предсмертных вздохах здоровенного детины.

— Митек! — позвал я.

Это было его счастье, что, среагировав на негромкий зов, он сразу встретился с моими глазами: ресницы его дрогнули, он разогнулся, изо рта потекла коричневая жижица пережеванного навоза.

Да, я оказался транслирующим организмом, передающим нервную энергию для оживления смертельно пострадавшего человека.

Я еще успел увидеть, как Митек, ожив, торопливо выплевывая навоз, бросился ко мне с низким горловым рыком. И тут Трансмигрант отключился.

Что и как происходило потом — не знаю. Я пришел в себя в избушке с низким прокопченным потолком. В углу, под святцами, горело несколько лучин, потрескивали серые волоконца сосны. Отчетливо вызвался наблюдающий шепоток:

— Очнулся!

— Ну! — радостно прогудело в ответ.

—Клянусь Володимерской богоматерию! — откликнулся старушечий голосок.— Владычица помогла: не зря мы его грязью-то натирали! Чуть не помер.

Надо мной склонилось лицо, заросшее густой рыжей щетиной. Это был Митек.

— Ну вот! — басил он.— Вот бабкины грязи — помогли. А ты, Харитон! Не житок, говоришь! Глянь!

— Митек! — громко позвал я — хрипящий звук вырвался из моих губ.

— Стой-ка! — Отодвинул Митька Харитон.— Што тебе, милок?

— Дай навозу! Навозу! — хрипел я.

Отчетливый старушечий шепоток запричитал, прощаясь с живой душой. Харитон вталкивал мне в рот навоз. Я имитировал жевание, сосредоточив волю на собственном безнадежном положении. Трансмигрант включился сразу...

Выход из забвения был — как мгновенное пробуждение от дурного сна...

— Ну и што я вам сказывал? — горделиво говорил Харитон. — Кто спас Митька и немца? А ить все — навоз! Жрите навоз — да будьте здравы! И жрем, а здоровше нас, русских, увидишь ли?

Митек осторожно держал ковш с водой у моего рта, прислушиваясь к хвастливым словам Харитона, обернулся ко мне, и взгляды наши встретились — его рука дрогнула, выплеснув воду мне на грудь...

— Ух и глазищи-то у тебя! — шепотом сказал он, и его сумрачное лицо просветлело.— Пей! Родниковая водичка.

— А уж как мы сбегли от Россохватского! — продолжал Харитон.— Копали целую ночь лаз, а уж как бегом бегли — один Христос знает. Вон Митек соврать не даст, чужерод нам бы и ни к чему. А Митек без него — ни шагу. Я кричу: бежим, скоро из Россохватки погоня. А он: без немца не пойду!— Ехидным был голос Харитона.—Бежать нужно, а Митек чужерода — на плечи. Сам-то еле на ногах стоит. Пошли, мне-то говорит!

Харитон рассказывал о злоключениях побега из Россохватки.

В избе было тесно, собралось человек восемь. Я лежал возле темного ночного окна. Под лучинами, на березовых поленьях

сидели двое. Один в ярком польском кафтане, лицо красивое, умное, с черными тонкими усиками над влажными сочными губами: женолюб. Второй — страшен, с рваными ноздрями, с обрезанными ушами. Оба сидели как судьи. Харитон будто оправдывался.

— Ну, кончай, Харитон. Сбегли — так сбегли! Молодцы! — сказал мужик с рваными ноздрями.— Ты лучше скажи, куда пропали наши из Дубиновки? Да кто ярыжек со стрельцами навел?

— Ты што, допрос, с меня сымаешь? — налился угрозой голос Харитона. — В Россохватке с Митьком тогда я был, пороли нас, понял? Ты, Гришка, воли много берешь! Меня с ярыжками равнять! Да кто ты такой?

— Я — убивец! — горделиво сказал Гришка с рваными ноздрями.— Мне стыдиться неча! А вот ты — тихая пиявка сладкососная, гнида болотная. Исподтишка творишь, за тридцать серебренников! Думаешь — не знаем?

Спорили, видно, уже не в первый раз, схлестывались старые обиды и подозрения.

Огромный серый кот сидел рядом на подоконнике, царапал стекло с морозными узорами, потом лизал, наверное, хотел пить.

Я думал: как же попасть к Россохватскому? Нужно забирать Нину и срочно возвращаться.

Неприветливо встретила меня моя прародина: систематическим членовредительством.

Тут сильная рука скомкала рубаху на моей груди и приподняла меня над лежанкой.

— А этот! — закричал Гришка с рваными ноздрями.—Немец вот этот! Это ведь ты, Харитошка, привел его сюда! А поклянись — не служба ли он царская?

Секунды три, приподнятый за рубашку, висел я в воздухе. Бить меня не будут, знал: Митек не даст. С грустью, сжимая волю в кулак, понял, что без применения специальных способностей не обойтись. Глянул в глаза Григорию. Его рука сразу разжалась. Очень мне захотелось, чтобы он принес ночной горшок, теплый, обогретый.

— Воды много выпил,— тихим, слабым голосом сказал я,— на двор хочется, да холодно. Поди-ка, Гришенька, ночной горшок мне принеси.

Гришка торопливо выбежал в сени, послышалась возня, бабий взвизг, потом он спешно появился с глиняным кувшином, от которого еще шел пар.

— Вот-тя,— ласково, упреждая мои движения, говорил он. — У бабы к разу и кипяточек был. Горшков нету, кувшинчик обогрели. Кувшинчик сойдеть? — с готовной предупредительностью хихикнул он.

В избушке стояла тишина.

Харитон испуганно смотрел на меня. Серый кот, как по

сигналу тревоги, с паническим «мяу» шмыгнул с подоконника под стол.

— Бог поможет! — кротко поблагодарил я Григория. Опустился на лежанку и умиротворенно позвал: — Кис-кис! Иди-ка сюда, мурлыка! Кис-кис!

Кот вынырнул из-под стола, взметнулся мне на грудь. Удовлетворенное утробное мурлыканье наполнило избушку примиряющим покоем.

Опытный старушечий шепоток заметил:

— Вон и мурлыка его признал! А мурлыка к чужому — ни-ни! И Харитон с Митьком да Гришка — вона для него стараются. Не иначе — божий человек!

«Божий человек, божий человек!» — зашептала избушка.

Круглое лицо Гришки кривилось. Он ошеломленно перекрестился, смотрел на меня, жалобно улыбаясь.

— Ты, Гришка, белены объелся? Продался Харитошке? — мурлыканье кота и тишину в избушке грубо нарушил властный голос: — Размурлыкались! Божий человек! — красавец в польском кафтане вскочил.— Не ты ли, Гришка, говорил, что Харитошка на службе Годунова? Намурлыкаешься под палачом! Крушить предателей надо! А тут друг друга лижут...

— Ты што, Прокофий! Што криком пошел? Иди — в Рязани у себя вопи! А здесь полюбовно надо! — укоризненно говорил Харитон.

— А мы, Ляпуновы, всегда за полюбовный разговор — да только за честный! Народили, прости, господи, божьего человека!

Прокофий Ляпунов выхватил одну лучину, поднес мне:

— Вы, братие, гляньте на ряшку своего божьего человека. Ишь отъел на божьих харчах!

— И верно! — радостно пробасил Митек.— Румянец во всю щеку! Дядь Харитон, а все твой навоз. Божий ты человек, Харитон!

Ляпунов ругнулся:

— Тьфу! Куда ни плюнь – все божьи люди!

А у меня румянец — не иначе: Трансмигрант перестарался при регенерации.

Я с любопытством, с каким-то тайным наслаждением смотрел на Прокофия Ляпунова, одного из будущих вождей народного ополчения в разгар Смуты. Единственный враг одолеет его — его собственный необузданный характер.

— А ну вас к богоматери! Лобызайтесь здесь! — Ляпунов выбежал из избушки.

Харитон крепко крикнул.

— Нельзя упускать Ляпунова! Нельзя!

Будто проснувшись, все кинулись следом.

БОЯРЫНЯ РОССОХВАТСКАЯ

Это была эпоха гибели московского престола Рюриковичей в бурях Смутного времени. На последнем Рюриковиче — царе Федоре Иоановиче — пресекся род, с которым шло становление централизованной Руси.

В Европе назревали религиозные войны — протестанты шли на католиков. Во Франции падала к закату царственная линия Валуа. В Германии нарождалась Тридцатилетняя война. В Польше скончался Стефан Баторий — самый заклятый враг Московского государства, отнявший у русских балтийские берега. Шла извечная борьба за передел мира.

Москва ежечасно ждала с юга нападения Крыма. В Казанском ханстве волновались черемисы. Правитель Годунов, отменный дипломат, вязал добрососедские отношения на границах — даже с шахом Аббасом, иноверцем, жаждущим прибрать единоверную Картлию и царя Луарсаба...

После ухода Прокофия Ляпунова Харитон решительно приказал всем собираться:

— Менять место будем, братушки! Знаю я этих хитрецов Ляпуновых, что Прокофия, что Захара. Митек, вздевай своего немца.

— Вот што,— сказал мне Харитон,— заедем мы сейчас в Россохватку. Дело у нас там незавершенное. Христопродавцу одному долг надо отдать. Все тихо-мирно. Только ты — как бы посланец Годунова, проездом в Москву, а мы — холопья твои. Переночевать нам, якобы. Ты уж на весь вечер боярина займи. Вот держи бритву, обрей щеки да подбородок, усики оставь.

Он внимательно наблюдал, как я брился. Улыбнулся заговорщицки:

— Таким тебя и мать родная не узнает... Однако, брат, вижу, никакой ты не немец. Чувствую, русак-то русак, да с заковыкой. Поди, из ведунов? Ведаешь волхвание, ведаешь! Эк ты Гришку-рваную ноздрю заковал. Я и сам немножко ведаю. Только куда мне до тебя! Я вот навозом лечу. Думал, поначалу, и тебе помог... Навоз — что! Просто под рукой он всегда. Я силу в себе чую — только не всегда она во мне. А вот как ты Митька ухитрился исцелить да Гришку заворожил — тут уж ведовство чистой воды! Слышал о таком, но сам впервой встретил.

Харитон напряженно ожидал ответа. В сущности, единственный приемлемый ответ он сам и подсказал — ведовство. У дохристианских славян были волхвы, гадатели, кудесники, ведуны, ведьмы: то, что родилось, быть может, у финнов и долго у них сохранилось. Финны верили, что отражением добра и зла является белая и черная магия: «Доброе, или белое божество проистекает из существа женщины, тогда как чернокнижие по своему характеру есть мужское».

— Из византийских книг,— ответил я,— толику почерпнул.

— Ого! Чернокнижки, значит! Вот бы глянуть!

— В Москве покажу. «Книги волхвования» называется...

На богатых санях с тройкой мощных белых жеребцов, с криками сопровождающих верхоконных влетели мы в Россохватку. С надрывным лаем ударились следом сторожевые псы.

На кондовом русском вел разговор я с боярином. Россохватский был не в духе, зевал, пучил глаза, борясь с сонливостью: ждал, когда же посланец Годунова отойдет ко сну.

Внезапно оживился и, доверительно склонясь ко мне, пожаловался:

— Намеднись немец-купец Николаус Ван-Куль из Москвы приехал, шиши умыкнули, прямо из Россохватки. Ты уж, гость дорогой, Борису Федоровичу покайся от меня: не уберег. Много ватажников развелось, стрельцов буду просить — охранять.

Распахнулась со стуком дверь, из соседней комнаты величаво вышла боярыня в тяжелом бархатном платье, с длинным шлейфом, волочащимся по полу.

Сначала Россохватский недовольно наморщился, но по мере приближения женщины лицо его принимало выражение безрассудного почтительного обожания.

— Цыпленочек! — капризно протянула боярыня.— Я жду, жду, когда же ты меня позовешь. Мне скучно! В Москву хочу! В Москву!— она топнула ногой, путаясь в подоле.— В глушь завез, ирод!

— Матушка! — упрекнул Россохватский.— Сколько уж раз говорено!

Я вскочил, поклонился, пытаясь встретить взгляд капризной боярыни. Она манерно-стыдливо прятала взор.

Жестокое разочарование! Это была не Нина! Как же так я напутал? Великий космос! Где ж теперь искать Нину?

Я растерянно лепетал любезности. Россохватский ревниво сопел. Беседа не удавалась. Боярыня скучала.

— Батюшки,— зевнула сладко она.— Баиньки хочется. Сидим здесь яко схимники. Ску-учно!..

Утром мы с Россохватским распрощались очень любезно. Даже боярыня вышла на крыльцо. И вдруг блеснули изумрудной зеленью ее глаза, мгновенно притушенные тенью прекрасных, быстро опустившихся ресниц.

Но я уже сел в сани, и тройка рванула.

В МОСКВЕ

Так это была Нина? Но что за игру в узнавалки она мне предложила? Сколько времени я нахожусь на Руси вовсе не по заданию, стремлюсь вместе с нею вернуться в свое время, а она играет со мной в кошки-мышки. Сторицей отплатила мне она за своего Христоперского. Удивительно, что Трансмигрант не дает мне никакого руководящего указания, а ведь аварийная

служба уже дважды приходила на помощь. Ни одного аварийного вызова — было предметом моей тайной гордости. На своей прародине — удосужился! — целых два. Ох, Нина, Нина: становилось понятно, что возвращаться в свое время она не хочет. Мне без нее — тоже нельзя. Квадратура круга!

Приемный отец Ван-Куль отбыл в Голландию, широкой торговли организовать ему не удалось: опередила Англия. Королева Елизавета, зная положение на Руси от своих агентов Боуса и Гудсона, вела собственноручную переписку с Борисом Годуновым, величала своим братом. Английским купцам было позволено торговать вольной торговлей, пошлины с их товаров — брать не велено. Ван-Куль уговаривал меня отправиться с ним, но мне удалось отговориться на более поздний срок.

Я жил в одной из боковых пристроек Кремля, подслеповатыми окошками выходящей на глинистый берег Москва-реки. В эту пристройку возле церкви Ивана Лествичника определили меня по просьбе царицы Ирины. Харитон с Митьком жили у меня под видом слуг, но занимались своими делами. Вот уже три дня, как они исчезли.

Вечерами я гулял вдоль берега Неглинной, проложившей свой извилистый путь среди особняков. Опричники в пору своего могущества строились в стороне. Особняки ставились капитальные. После падения опричнины здесь стал строиться и прочий люд.

Последнее время при дворе было нехорошо. Сильно заболел царь Федор Иоанович. В церквах молились за здоровье богоданного.

Ярыги Разбойного приказа с ног валились, распутывая нити назревающей свары: ожидался холопий бунт.

В тот вечер я вернулся домой поздно. Возле пристройки дремал холоп из Посольского приказа. Увидя меня, вскочил, сорвал с головы шапку, выпалил заученное:

— В Грановитой палате долженствует быть прием послам, торговым гостям и знатным русским семьям. Царь Федор Иоанович и царица Ирина всемилостиво просят купца Николауса Ван-Куля быть.

Передано было мне также небольшое письмо от царицы. Царица предупреждала: согласно доносу земских ярыг слугами у меня были признанные в разбойном мире лиходеи по имени Митька Хлоп и Харитон Лесовик.

На другой день я пришел в Грановитую палату. Мне повезло: знакомый приказный служка, работавший одно время у Ван-Куля по найму, указывал мне коренных русских бояр. Шуйские, Воротынские, Головины, Мстиславские, Колычевы, Голицины, Родовитые. Я смотрел на них с неприязнью: большинство из них ни за грош продали бы русскую национальную самостоятельность то ли польской куртуазной велеречивости, то ли римско-католическому стягу, то ли английской крепкой буржуазности. И какая историческая нелепость:

русский мужик, определивший направленность жизни нации, неоднократно спасавший государство, стоявшее на грани гибели в периоды иноземных нашествий и смут, окажется заточенным почти в трехсотлетнюю крепостную кабалу!

Иван Петрович Шуйский небольшого роста, но величавый, в ярком кафтане, обшитом золотом, стоял несколько впереди прочих бояр.

— Это ж по совету Ивана Петровича,— шептал мне приказный служка,— все бояре, гости московские и люди купеческие били челом государю о разводе с неплодной царицей. Наследник нужен, наследник!

Интересно, на много ли изменилась бы жизнь будущего государства Российского, если бы впоследствии утвердилась надолго династия Годуновых, вместо Романовых? Выиграла бы Россия, если бы у ее руля осталась динамичная, настороженная, хоть вполуха, но прислушивающаяся к рокоту народной нужды династия Годуновых? Могло не быть в последующие столетия засилия шлезвиг-голштинско-баварских императорских кровей на русском престоле. И только?

К Шуйскому подошел князь Василий Васильевич Голицин, тот самый, который будет приветствовать приход поляков и лично присутствовать при удавлении царицы Марии и садистском убийстве молодого царя Федора Борисовича, вдовы и сына Бориса Годунова. По его же наущению тело Бориса Годунова в Архангельском соборе и погребут вместе с зверски убитыми женой и сыном в бедном монастыре на Сретенке.

Но пока Борис Годунов — правитель. Сейчас все домогаются его внимания. Вот он вошел вместе с послами, и загудела Грановитая палата.

Служка, не отрываясь, смотрел на правителя, шептал мне:

— Что ж, муж он чудный и сладкоречивый, светлодушен и нищелюбив, но его легковерие изветам клеветников негодование вызывает. Много зол из этого ждать следует.

Он подозрительно огляделся: ой, как опасаться доносов следует!

Да, это легковерие изветам навредит Борису Годунову, не ему ли он будет обязан двусмысленностью памяти о себе? Ведь, и спустя столетия, считается, что закрепощение произошло именно в правление и царствование Годунова. Ему страшно не повезло в царствовании — три неурожайных года подряд: как будто и природа ополчилась на него. Ему чудовищно не повезло в памяти потомков: гений Пушкина сделал хрестоматийной истиной предположение современников о его участии в убийстве царевича Дмитрия.

Посредине Грановитой палаты на дубовых скамейках были разложены драгоценности: выставка даров Земли.

Даже в тусклом освещении полупритушенный блеск самоцветов вызывал в груди такое же томление, как мерцание звезд, на покорение которых спустя века устремится человечество.

Гости переходили от одной скамейки к другой. Здесь был и блеск голубовато-зеленого берилла, и тающая на глазах тяжеловатая зелень малахита, и ласковая голубизна бирюзы, и чернота природных кристаллов магнетита, и легковесная полупрозрачность благородной шинели, и скованная, загадочно блеснувшая в глаза тускло-желтым цветом, тяжесть человеческого черепа, пропитанного естественным золотом, с пурпурными зигзагами стилолитовых швов.

Я остановился возле черепа, немо вопрошающего пространство черными впадинами глаз. Услышал скорбный вздох, поднял голову. Скорбно вздохнула боярыня Россохватская.

— Решила: пора возвращаться,— сказала она.— По горло сыта стариной, какое жестокое время! Давай возвращаться!..

ПАРАДОКС ТРАНСМИГРАЦИИ

Остановившись у Вокзала Времени, Нина деловито вытащила из сумочки помаду, пудреницу и, глядя в зеркальные стальные стены, навела на свое лицо косметику.

Иронически поведя на меня взглядом, разочарованно заметила:

— Да, Николай Борисович, большего от вас ожидала, ваше поведение в Древней Руси было довольно примитивным. Дважды позволить себя избить!

— Зато ваше поведение — достойно удивления! — зло ответил я.— Вы прекрасно вписались в древнюю экологическую нишу. В роли боярыни Россохватской вы были просто сама собой!

— Благодарю,— она лукаво ухмыльнулась,— за высокую оценку моей работы!

Расстались мы возле дома Христоперского, Нина помахала рукой и крикнула: «До встречи!»

Я пешком пошел в Трансмигрант, размышляя, как лучше построить доклад. Отметился в контрольном отделе и засел в своем кабинете, не заходя к начальнику: нагоняй всегда успею получить. Запросил службу информации о Н. Христоперской. Прочел ее характеристику и — как обухом по голове: сотрудник института антропологии и археологии, член-корреспондент Академии наук, автор трудов по психологическим стрессам при вживании в чужеродные среды. Имеет право работы по особому каналу Трансмигранта. Так, теперь понятно: Вокзал Времени, все процедуры переходов, что такое релаксация она должна знать раз в сто лучше меня.

Да, но одного никак не пойму: для чего же она играла передо мной роль несведущей двоюродной сестры Христоперского? Для чего она спасала брата таким нелепым путем, когда

достаточно было ее жалобы на меня в превышении дозволенных мер?

Составил краткий отчет о внеплановой трансмиграции в Древнюю Русь.

Разгон мне начальник устроил крепкий: его возмутило, что меня так легко обвела вокруг пальцев сотрудница параллельного отдела.

Схлопотал нагоняй с непонятной формулировкой: «За сбой в работе». Что такое сбой?

Вышел на улицу — тоска, хоть снова в Древнюю Русь.

Я как-то автоматически побрел к знакомому дому Христоперского. В гастрономе машинально купил колбасы, сыра, кефира и один батон. Бутылку кефира засунул в карман, а свертки понес в руках. Итак — почему я иду к Васе Христоперскому? Нина у него не живет, так что — причина не она. Может быть, я сроднился с ним потому, что потратил гораздо больше времени именно на его вербовку. Может быть, потому, что многое испытал на своей шкуре в отдаленной прародине благодаря Васе?

В холодном коридоре тускло тлела электрическая лампочка.

Я прошелся несколько раз мимо закрытой двери его комнаты, усмехаясь про себя: ведь знал, что его нет дома, что именно мой контракт направил его на работу в новую солнечную систему в Сплюснутой Галактике, а все-таки пришел.

Дверь неожиданно приоткрылась, осторожно выглянул... Христоперский. С легкомысленными усиками, патлатый, как будто не веря, он глядел на меня.

— Ты ли это, Николай Борисович? — засомневался он.— Заходи, заходи! Я здесь третий день, все к тебе в Трансмигрант собирался: утвердиться. Третий день здесь в какой-то боязни, как будто без твоего разрешения нельзя здесь быть. Даже выглядывать боялся — истинное суеверие!

Как всегда, поджарили колбасу, поели, запили кефиром.

— Хорошо-то как! — сказал Вася, поглаживая свои гусарские усики.— Вот теперь я чувствую, осязаю: я вернулся домой, к себе, в свое время. Как это прекрасно, иметь свою точку во Вселенной!

Он закурил и спросил меня:

— Когда к прочим своим подопечным пойдешь, Николай Борисович?

— К каким прочим? — удивился я.— Кроме тебя, у меня никого нет.

— Как нет? А те самые, кого ты во время оно трансмигрировал? Давненько кое-кто вернулся, не иначе! В своей ли тарелке чувствует себя? Может быть, таится, так же, как и я? Подумай, существует такой субъективный фактор, как твое личное появление, которое может убедить его в реальности своего бытия. Вот — как меня! Я всего три дня на Земле, а мучился: только твое появление нормализовало мою психику!

Однако. Слова Васи озадачили меня, но в них могло быть и зерно истины: в Трансмиграции ещё много нерешённых проблем.

Дружески распрощались мы с Васей после того, как он рассказал свою историю. Под именем Мафо-популятора он работал в Сплюснутой Галактике.

— Занимался посевом органики на мертвых планетах. Были неприятности из-за женщин. В наш рациональный век — трудно найти пылкое чувство.

На другой день я пошел к физику Митропольскому, очень душевному человеку. По пути издевался над своей мнительностью: в делах, не связанных с ЭВМ и освоением планет, можно ли доверять Христоперскому?

Митропольский был дома.

Увидев меня, он резко переменился в лице:

— Вы! Рад вас видеть, оказывается. Даже как-то облегчительно! А я под фамилией Митрополитского занимаюсь здесь физикой поля,— извиняющимся тоном говорил он. — Вот не думал, что будет приятно снова встретиться с вами!

Я целый день просидел в домашней лаборатории Митропольского, знакомясь с его последними работами. Успешные исследования, даже дилетанту понятно.

— Что странно, Коленька, извините, Николай Борисович, моя переброска в созвездие Пса, а потом бегство оттуда — дали положительный сдвиг в моих работах. Точно-точно. Что-то есть в этих трансмиграциях, надо изучать. Но обязательно — возврат, возврат домой!

Да, Вася прав, человеку необходима своя точка во Вселенной. А теперь — неужели и другие, кому я содействовал в трансмиграции, ждут моего появления? Тогда — это чудовищная недоработка Трансмигранта: существование стольких одарённых людей находится в нелепой зависимости от нас, рядовых сотрудников, спровоцировавших их на трансмиграцию! Здесь какой-то парадокс!

В нерабочее время я обошел всех моих бывших подопечных: помнил их всех. Это оказалось для меня сильным потрясением. Не для всех, трансмигрированных мною, мое появление было знаком избавления, выходом из неопределенности своего бытия.

Большинство просто и откровенно не пожелало признать меня. Кто вежливо улыбаясь, а кто и негодуя,— уверяли, что я ошибся и что ни с какой службой Трансмигранта они дела не имели, и даже впервые слышат такое название.

Встреч-признаний, как с Христоперским или Митропольским, увы, было очень мало.

В результате двухмесячных хождений к бывшим своим подопечным я установил, что почти все они, по моему мнению, пребывающие в отдаленных Галактиках или на спецслужбах, находятся дома, на Земле.

Тяжко было на душе. Закончив эту невольную проверку результатов своей работы, я составил об этом докладную.

В сущности, только один положительный момент отметил я, моральное, так сказать, оправдание своей деятельности в Трансмигранте: почти все, с кем мне пришлось работать, поменяли свою профессию на рекомендованную мною, достигли более высокого положения на жизненной лестнице, полностью проявив свои способности. Пусть многие из них этого не поняли, но я-то вижу. Что такое выбор профессии? Разве это не случайность, не немимолетная прихоть, порождаемые спросом? Собственно, спрос или мода на профессию порождается жесткой необходимостью. Потребность в нужных специалистах удовлетворяется повышением ставок при безусловном нимбе славы и престижности. Это — слепой метод проб и ошибок в подборе специалистов. Аксиома: нет бездарных людей, а есть — лишь не нашедшие своего призвания.

Сдал докладную начальнику и попросил отпуск, ожидая, как всегда отказа: отдел загружен работой, потерпи, дорогой! А тот, пролистав мою докладную, даже не предложив присесть, подчеркнул что-то и подписал заявление без звука.

Как положено, на время отпуска мне выделили дачу в Подлипках. Я приехал вечером, от вокзала до дачи — шесть километров пешком. Сосны, смолистый запах, стук дятла. Тишина. Казалось бы, стандартный набор природных элементов, можно встретить в любом искусственном городском парке. Но здесь — естественность, первозданность: подлиповские леса живут тысячелетиями, отсюда совершенное ощущение самого себя необходимой частью природы.

Только пришел на дачу, телефонный звонок:

— Николай Борисович! Составляю новые программки — все чудесные, не знаю, какую выбрать. Прошу помощи просвещенного дилетанта. Можно завтра приехать к вам на дачу? — услышал я голос Христоперского.

Мне так хотелось побыть одному, но помочь человеку надо.

— Вася, ко мне от станции километров шесть топать.

— Знаю, Николай Борисович! Значит, до завтра!

НУ СПАСИБО, ВАСЯ!

Христоперский деловито вытащил из сумки кефир, колбасу и батон. Пока он готовил завтрак, я посмотрел все программы: старье.

— Вася, но все это — перепевы твоих старых программ. Разленился?— Он виновато развел руки. И тут меня осенило:

— Васенька! Да ты предлог выдумал, чтобы ко мне прийти! Зря я тебе рассказал о своих неудачах. Пожалел? Один, мол, Николай Борисович остался, посочувствует! Что, не так?

— Отчасти и так! А если честно, виноват я перед тобой,

Николай Борисович! Ведь Нина — не сестра мне. Твой начальник просил Нину сестрой представить, познакомь с Николаем Борисовичем, говорит, помоги эксперименту. Очень важно для Трансмигранта.

— Подожди-ка, Вася! Об этом ты мне и хотел рассказать, когда подписал контракт?

— Ну да! Но ты тогда и слушать меня не стал, убежал по своим делам!

— Мой начальник, говоришь, просил с Ниной познакомить? Что-то ты путаешь? За что же мне нагоняй был?

— Я вчера узнал об этом: за тебя обиделся! Ну и перезвонился кое с кем, очень с тобой несправедливо поступили.

— Ты хочешь сказать, что сегодня еще гости будут?

— Не знаю, но вполне возможно.

В дверь постучали.

— Вот! — смущенно сказал Вася.

— Ну спасибо, Вася! Удружил! Я отдохнуть хотел от людей, от суеты, просто поразмышлять, а ты!

Первым пришел Митропольский, потом еще шли гости, и все со свертками. Да Вася обзвонил! И где только он узнал номера телефонов?

Организовался кулинарный актив во главе с Васей — готовили по его рецепту шашлык. Ну и положение! И никак не выкрутишься — ведь люди с добром. Я тихо копил злость на Васю Христоперского.

Улучив минуту, когда Вася, запустив на полную мощность шашлычное производство, удовлетворенно отер пот со лба и удалился курить к окну, я подошел к нему и с нарочитым дружелюбием сказал:

— Я одного не пойму, Вася,— и тут я придал голосу максимум ехидства: — Как ты смог так прекрасно сыграть роль двоюродного братца? Я предполагал, конечно, в тебе наличие лицедейства, но такого совершенного — даже не подозревал!

— Я ненавидел тогда тебя, Николай Борисович,— попыхивал он сигаретой,— ты мешал моей работе. И мне казалось, что Нина — специальный наблюдатель, приставленный к тебе твоим шефом, что шеф недоволен твоими методами, фиксирует твои недостатки. Мне это было на руку, я хотел избавиться от тебя, и согласился. Ну, когда игра началась, вдруг обнаружились мои актерские способности, умение, как ты говоришь, лицедействовать. Поверь, я сам был удивлен. Вот ведь как: я сам не знал своих возможностей. Но это лицедейство помогло здорово в Сплюснутой Галактике. Помимо моих математических способностей, конечно! — отметил он, погладив свои усики.— Учти также, Николай Борисович, что женщины, как бы сотворенные из мрамора, вроде обоюдоуважаемой Нины — совершенно не в моем вкусе. Мне больше нравится туземка Футильда из Сплюснутой Галактики.

ПАРАДОКС «НАСТОЯЩЕГО»

— Ну и главное, Николай Борисович,— сказал начальник,— мы утвердили твою кандидатуру для ответственного путешествия в Древнюю Русь. Нина Христоперская согласна. Раньше ей очень не везло — и вдруг она открывает тебя. Несмотря на сбой, она считает, что лучшего партнера ей не найти.

— А мое согласие она спросила?

Начальник немного помолчал и продолжал:

— Прошу учесть, скачок в двенадцатый век. Это время Андрея Боголюбского, одного из первых зачинателей Руси!

— Хотел еще спросить, о каком «сбое» вы говорили?

— А позволить себя избить? Ведь это означает, что ты не до конца контролировал ситуацию. Вот тебе и нагоняй за это. Нет уж, ты — работник Трансмигранта, это значит, что ты сознательно владеешь каждым мигом своего бытия в любой экологической нише, даже не запланированной, абсолютно незнакомой! Ты знаешь, что такое миг?

Начальник разошелся. Я понял, что меня ждет его любимая лекция о парадоксе «настоящего». Придется слушать, хоть мы все в Трансмигранте знали ее наизусть...

— В нашем отсчете времени,— сев на любимого конька, говорил начальник,— настоящее существует в виде мига, мгновения. Фактически, настоящего, как такового, в нашей Вселенной, в нашем мире измерений, не существует. Иначе говоря, наше настоящее, являясь «мигом» — длительности не имеет. Каждая секунда нашего бытия сдвигает нас в будущее, становясь прошедшим. Существующим является только прошедшее, ибо будущее гипотетично, а настоящее не длится. Заметь, Николай Борисович, что мы живем в вертикальной плоскости прошлое — будущее. А если условно принять настоящее за горизонтальную плоскость? Ведь и раньше наблюдали, что в момент стресса, катастрофы, смертельного положения, сознание человека вдруг начинало длить миг настоящего: в этот миг — вставала вся жизнь. Моцарт мог свою симфонию, длящуюся в реальном бытии двадцать — тридцать минут, услышать полностью в один миг. Эти минуты были свернуты в кратчайший промежуток времени. Время имеет три вектора: прошлое — настоящее — будущее, с загадочным, на первый взгляд, свойством длительности настоящего...

— Знаю,— смиренно, как на уроке, ответил я.— Именно это свойство длительности настоящего и позволило сконструировать Трансмигрант.

Начальник рассмеялся:

— Все-то мы знаем! Ну что ж, Николай Борисович, давайте пригласим Христоперскую. Она для вас так и останется под этой условной фамилией.

Нина была в строгом черном костюме. Деловитая, целеустремленная.

— Нина Евгеньевна, поговорите с Николаем Борисовичем. Спросите, согласен ли он переселиться вместе с вами во времена Андрея Боголюбского?

— Дорогой Николай Борисович! Я вас спрашиваю: согласны ли вы совершить со мной очередное путешествие в Древнюю Русь? — она улыбнулась.— Прошу вас, не отказывайтесь, я уже вам простила, что в Смутной Руси вы связались с какими-то бродягами, с ватагой Харитона Лесовика. Это ни в коей мере не помешало вам проявить свое истинное дарование. Представляю, как развернутся ваши способности в двенадцатом веке!

Начальник постучал карандашом по хрустальному графину, наполнив кабинет нежным изумрудным звоном.

— Язвительности вам не занимать, Нина Евгеньевна,— сказал он.— К тебе, Николай Борисович, у меня личная просьба: согласись на это путешествие. Ты будешь осуществлять только функцию связи, ну, может, раз в полгода зайдет к тебе Нина. И все. Разносолов вам вместе не отведывать. Честно скажу: на вас большая надежда. Вам обоим легко удалось проникнуть в шестнадцатый век — с первой попытки. Да это единственный пока удачный случай в нашем эксперименте! Мы по шаблону искали родственные, созвучные пары. А тут удача в другом соотношении — в вашем противостоянии. Ну, друзья, удачи вам! Ведь вы первые приступили к главной задаче Трансмигранта — проникновению к истокам зарождения разума, к той Пражизни, о существовании которой интуитивно подозревали величайшие умы прошлого — Вернадский и Тейяр де Шарден. И мы знаем, что осуществить это проникновение можно только скачками. Заметьте, сначала шестнадцатый век, затем двенадцатый, второй век и так далее. И вы первые осуществите скачок в нашу Пражизнь. Знайте, с самого начала существования Трансмигранта — только познание Пражизни, было главным, академическим, заданием нашей организации. Мечта человека — это познание самого себя. Все остальные функции — это побочное, но, увы, такое побочное, которое позволяло проекту «Трансмигрант» существовать экономически, которое давало нам деньги, так как было прибыльно... Ну как, согласен — в Древнюю Русь?

— Ради вас,— сказал я нарочито бесстрастным голосом,— я согласен отправиться в двенадцатый век хоть с крокодилом. Если, разумеется, это нужно.

— Спасибо, Николай Борисович! Очень тронута! — прокомментировала Нина.

— Ну вот, вот вы и квиты,— заметил начальник. Итак, значит, решено! Еще раз хочу напомнить, что парадокс «настоящего» можно разрешить и в другом аспекте...

Я обреченно подумал, что шеф опять начал свою долгую любимую лекцию, посмотрел на Нину, и наши взгляды встретились. Мы сочувственно улыбнулись друг другу...

Наталья ***МУСИНА***

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОВЕРКА

Они медленно пробирались, то и дело глубоко увязая в сугробах. Мужчина шел впереди, держа под мышкой катушку с проводом. Девушка, стараясь попадать в его следы, — чуть сзади.

Послышался нарастающий гул. Мужчина и девушка одновременно остановились, провожая взглядами проносящиеся над ними самолеты с черными крестами на крыльях.

— Щас их шуганут, — произнес мужчина.

И тут же вокруг самолетов заплясали белые облачки разрывов.

Мужчина и девушка к тому времени уже дошли до столба, высившегося на небольшой заснеженной поляне. Девушка забралась на самую макушку, принялась медленно, видно, из последних сил, прикручивать проволоку. Закончив, она соскользнула вниз, прижалась к столбу и, обхватив его обеими руками, заснула.

Мужчина, заметив над собой развернувшийся точечный веер летящих бомб, перевел взгляд на девушку, громким, срывающимся голосом закричал:

— Ложись!..

Но девушка не слышала его. Уронив голову на руки, она спала.

Мужчина ткнулся ничком в сугроб.

Бомбы стремительно неслись к земле, к этой небольшой заснеженной полянке среди промерзших сосен. Их падение было неумолимым, а девушка, привычно слыша сквозь сон все происходящее вокруг, никак не могла заставить себя открыть глаза и тоже зарыться поглубже в сугроб, чтобы попытаться использовать последний свой шанс выжить...

В это мгновение небо прочертил тонкий яркий луч, и вокруг замерло все: и ветер, и самолеты, и бомбы. А луч образовал вокруг девушки едва заметное светящееся полусферическое облачко, которое стало быстро разрастаться, поднимаясь все выше. Вот оно коснулось замерших в небе бомб, и те бесшумно и мгновенно исчезли. То же самое произошло и с попавшими в эту зону самолетами.

Мужчина, так и не дождавшись неизбежных взрывов, поднял голову, недоуменно уставился на чуть светящееся, слегка подрагивающее облако. Протер кулаком глаза, но видение, растворив бомбы и самолеты, неожиданно исчезло, и он, обшарив взглядом вмиг опустевшее серое небо, поднялся, стряхнул с себя снег, потом посмотрел на девушку, прижавшуюся к столбу, командно закричал, дробя на кусочки непривычную тишину:

— Машка! Ефрейтор! Ты что, уснула там, что ли, свиристелка?! А ну — быстро ко мне!

Девушка вздрогнула, ойкнув, упала в сугроб, вскочила. Усталая и виноватая улыбка скользнула по ее губам. Она в растерянности стояла перед мужчиной. Тот судорожно спросил:

— Ты ничего не заметила?

Девушка потупила взгляд, смущенно переступила с ноги на ногу, негромко ответила:

— Простите, товарищ старшина, но я, наверное, действительно задремала немного там...— она кивнула в сторону столба и вздохнула.

Старшина проследил за ее взглядом, еще раз оглядел пустое небо, потом посмотрел на девушку, пробурчал:

— Набрали свиристелок на мою голову, а я возись с ними... Детский сад и только! — Покачал удрученно головой: — И что интересно: никому и не расскажешь, засмеют ведь. Со страху, скажут, привиделось такое... — Он недовольно встопорщил седые усы, расстроенный собственными мыслями, неожиданно набросился на девушку: — Ну, чего стоишь, как елка замерзшая? Докладывай. Коли связь в порядке, то пошли, щас кипяточку бы, горяченького...

* * *

Я тихонько засмеялась, выключила монитор, соединенный одновременно с компьютером и дисплеем, и почувствовала себя удивительно хорошо, так хорошо, что захотелось обнять всю вселенную со всеми ее планетами и звездами.

Засветился экран моего рабочего журнала, и на нем появилось изображение Фила. Что-то неуловимо изменилось в его лице. Или я увидела нечто такое, на что раньше не обращала внимания. Эта короткая мысль заняла у меня какое-то мгновение, поэтому я не сразу нажала кнопку приема.

— Почему ты задержалась с включением приемной кнопки? — недовольно спросил он. И, не дожидаясь ответа, чуть возбужденно проговорил: — Сана, мне необходимо срочно увидеться с тобой для очень важного разговора,— последние три слова он произнес подчеркнуто раздельно.

Откровенно говоря, мне в этот момент не хотелось кого-либо видеть. Но я знала, что Фил не будет беспокоить меня по пустякам, к тому же, кажется, догадывалась о причине его столь странного непривычного для меня возбуждения, поэтому лишь кивнула ему в знак согласия.

Раньше я обязательно начала бы подтрунивать над Филом, чтобы он со всей серьезностью объяснил мне всю важность предстоящего дела, потому что мне нравились его логические выводы, всегда и во всем безукоризненно точные. Но сейчас... Сейчас я ничего не сказала ему, только улыбнулась отрешенно и нажала кнопку отключения приема.

Потом я подумала, что такая озабоченность Фила вне всякого сомнения связана со мной, с моей работой!.. Ну, конечно же! Это же абсолютно логично: если мы уже виделись с ним сегодня и все было нормально, если ему именно сейчас необходимо увидеть меня для очень серьезного разговора, если я именно сегодня в конце концов не выдержала и вмешалась в судьбу этой девчушки, уснувшей у столба, это значит...

Это значит, что меня попросят из Аналитического Центра — вот единственно логичный вывод.

Я уже начала немного нервничать от казавшегося мне чересчур долгим ожидания, когда Фил наконец-то появился. По его сосредоточенному виду, сквозь который едва заметно проскальзывала совершенно не свойственная ему растерянность, мне сразу стало ясно, что дела мои отнюдь не соответствуют тому оптимизму, который я в себе поддерживала.

— Ну и что там такое случилось? — попыталась как можно спокойнее спросить я у Фила.

— Думаю, ты сама прекрасно знаешь, что случилось,— ответил он, усаживаясь в кресло,— действие совершила ты, причем, не посоветовавшись со мной.

— Неужели я настолько глупа, что должна советоваться с тобой абсолютно по всем возникающим у меня вопросам?

— Ты прекрасно понимаешь, что я не имею в виду абсолютно все возникающие у тебя вопросы.

Конечно же, сейчас был совсем не тот случай, когда я могла позволить себе шутить с Филом.

— Ты хочешь сказать, что у меня нет шансов остаться работать в Аналитическом Центре?

Фил посмотрел на меня, и в его взгляде я прочла легкое недоумение.

— Если бы существовала только дилемма быть тебе в Аналитическом Центре или подыскивать другую работу, я, скорее всего, просто ограничился бы разговором с тобой на эту тему по рабочему журналу и сейчас говорил бы то, что всегда говорю тебе при наших встречах. А так...

— Что же тогда? — перебила я его.

— Сана,— он поднялся, зашагал по комнате,— ты совершила огромную, не поддающуюся логике ошибку, вмешавшись в дела этой планеты Земля. Неужели ты не понимаешь, что они для нас — антимир, другое измерение? Они отвергают элементарную логику и, как ты сама уже убедилась, во многом именно поэтому обречены, что подтвердили и восемь до тебя проведенных проверок, и твоя собственная. Ты прекрасно справилась с заданием — я говорю это совсем не в утешение, а признаю свершившийся факт,— твой отчет привел в восторг самых взыскательных аналитиков. И какая же, прости за резкость, была необходимость прикасаться к этой планетке, когда мы не можем разрешить делать это без согласования с Высшим Советом даже самым опытным нашим испытателям, а тем более совершать поступок?..

5—2126

— Ты говоришь о той девушке?
— Да.
— Мне стало жаль ее...
— А меня тебе не жаль? Жалость, как и любое другое чувство, должна быть логически обоснована, иначе она элементарно вредна. Впрочем, я сейчас не намерен повторять тебе курс начальной логики...— Он перестал вышагивать по комнате, остановился напротив меня.— Я пришел сюда за тем, чтобы ты сказала мне однозначно: мы будем вместе или нет? Только,— он протестующе поднял руку, заметив готовую появиться на моем лице улыбку,— повторяю, ответ должен быть однозначным, сейчас, и навсегда. Поверь, у нас нет времени даже на двузначность. Своим необдуманным вмешательством в дела планеты Земля мы сократили время до мгновений. Я жду ответа, Сана.— Фил опустился в кресло, не сводя с меня пристального взгляда.
— А если я отвечу отрицательно? — мне откровенно не нравилась категоричность Фила.
— Такой ответ будет совершенно нелогичным.
— Это не ответ на мой вопрос!
— Я просто не предполагал, что ты можешь мне ответить отрицательно... Я думал, что...
— Ты так и не сказал, что ожидает меня после вмешательства в жизнь этой планеты,— вздохнула я,— но тем не менее обещаю подумать над своим ответом. А теперь, извини, я очень устала и хочу отдохнуть.

* * *

Когда Фил ушел, я опустилась на диван, поджала коленки к подбородку и, закрыв глаза, попыталась задуматься о своем положении. Но что-то мешало сосредоточиться... И вдруг поняла: я мешала сама себе! Да, так и есть: я с удивлением ощутила в себе чувство страха, чувство жалости, сострадания и еще самое, пожалуй, странное — чувство любви. И эти чувства заглушали во мне приобретенную с рождения логичность мышления, то есть, как объясняли нам, главное приобретение, позволившее нашему миру в конце концов успешно преодолеть эпоху опасных катаклизмов. Неужели все, что сейчас проиоходит со мною, только из-за прикосновения к этой девушке?
Зачем же я это сделала? Ведь когда впервые пришла в Аналитический Центр, то и мысли не было предпринимать что-то не соответствующее инструкции. Я спокойно анализировала на компьютере выданные технические характеристики планеты. Когда я убедилась, что изначально планета жизнеобеспечена практически до бесконечности, то, отдав карту своему Главному Руководителю, принялась за даль-

нейшие аналитические исследования. И почти сразу пропал интерес к этой планете. Даже наоборот, она вызывала у меня с каждым днем все большее отвращение, потому что появившийся на планете представитель разумного существа неожиданно начал использовать свой собственный разум фактически для уничтожения самого себя...

Это было настолько нелогично, что в первый момент я не поверила компьютеру, решила, что он что-то искажает. Поэтому, подключив монитор, начала уже рассматривать планету. И то, что увидела, заставило меня содрогнуться: к каким только изощренным способам не прибегали земляне, чтобы уничтожить друг друга! Здесь их разум поистине всемогущ и беспределен... Не выдержав, я пришла к Филу, взмолилась:

— Фил, миленький, помоги мне!

— Что случилось? — встревожился он, и я с удовольствием наблюдала за ним: нравится мне, когда Фил озабочен единственной мыслью помочь мне... Может, это эгоистично с моей стороны, но что поделаешь...

— Хочу в другом Центре работать. Я из-за этой планеты, которую исследую, скоро нервничать начну.

— Но ты так стремилась попасть именно в Аналитический, и, как видишь, мне удалось это сделать не без труда... Расскажи-ка лучше, что у тебя не ладится на этой работе, возможно, я смогу чем-нибудь помочь.

— Да все у меня ладится!

— В чем же тогда дело? Или это обыкновенный каприз?

— Да нет же, Фил, понимаешь, мне просто надоело. Мне надоело смотреть, как разумные существа уничтожают друг друга. Не сомневаюсь, они когда-нибудь придумают такое, что уничтожат сами себя вместе с планетой! А моя работа заключается только в том, чтобы наблюдать все это?

Я ожидала встретить сочувствие, но Фил вместо этого улыбнулся, что окончательно вывело меня из себя, и я вспылила:

— Нечего улыбаться! Сам бы повозился с этой планеткой, тогда я посмотрела бы на тебя...

— У меня было много времени, чтобы возиться, как ты говоришь, с такими планетками, как твоя Земля, так что я прекрасно понимаю тебя, Сана. А улыбаюсь потому, что мне очень приятно наблюдать, как совершенствуется твое логическое мышление. Ты еще не закончила анализ своей планеты, а уже абсолютно точно сделала вывод, что она обречена...

— Как это обречена? — искренне изумилась я. — Все мои анализы свидетельствуют о том, что планета Земля жизнеобеспечена практически до бесконечности...

— При условии, — подхватил Фил, — что она не уничтожит сама себя. А именно это произойдет, несмотря на биологическую

жизнеобеспеченность, когда разумные существа планеты придумают самое жестокое оружие. Есть еще вопросы?

Я отрицательно покачала головой.... А потом меня осенила неожиданная мысль, и я попросила:

— Фил, бесценный мой добровольный руководитель, если я действительно такая умная, как ты меня убеждаешь, и с дальнейшим анализом у меня проблем не предвидится, то определи, пожалуйста, на Главном Компьютере последний виток этой планеты. Мне хочется рассмотреть его повнимательнее, ведь это, наверняка, поможет в какой-то степени и общему моему анализу...

— Последним витком планеты Земля является четыре миллиарда семьсот тысяч триста шестьдесят четвертый,— подражая автоматическому голосу Главного Компьютера, произнес Фил.— Я обязан знать все, что тебе предстоит узнать в ближайшее время,— ответил он на мой удивленный взгляд.— Иначе мое стремление постоянно находиться рядом с тобой окажется явно нелогичным...— Он широко улыбнулся.— И разве до сих пор был хотя бы один случай, когда бы я оказался чего-то не знающим или отчего-то растерянным рядом с тобой, не знал бы, что тебе необходимо делать в той или иной ситуации?

— Все правильно,— я улыбнулась ему в ответ,— вот поэтому я и чувствую себя рядом с тобой совершенно спокойно и уверенно, и очень благодарна тебе, Фил.

... Четыре миллиарда семьсот тысяч триста шестьдесят четыре витка, и каждый виток — год. Год жизни. И практически нет ни единого витка, в котором разумные существа этой планеты не убивали бы, не калечили друг друга... Порою мне казалось, что они испытывают от этого самое настоящее удовольствие.

При помощи монитора я раздробила последний виток на тысячные доли, заложила их в компьютер, после чего тот выдал мне соответствующее количество кассет. Взяв наугад одну из них, я снова включила монитор.

* * *

На Земле стояла зима. Мой взгляд задержался на девушке. Сидя в сумрачной комнатке, по самую крышу зарытой в земле, она при свете фонарика что-то писала, время от времени отогревая коченеющие пальцы своим дыханием.

Я пригляделась к тому, что она писала, включив переводческий канал монитора, зачем-то непроизвольно приглушила бесстрастный голос-автомат.

«Милый мой, любимый, единственный мой Сережка! Мне так плохо здесь без тебя, а ты появишься только через две недели... Как долго тянутся дни! Не знаю, как я проживу это время, хотя обязательно должна прожить, потому что, если не проживу, тогда и тебя не встречу, а встретить хочу очень и очень... Я

так хочу сейчас, чтобы не было войны, чтобы я сидела, пусть в этой же самой прокуренной и сырой землянке, в которой сижу и пишу тебе письмо, но только чтобы никто не умирал вокруг. Позавчера похоронила Зойку, помнишь, она такие замечательные стихи писала?.. А вчера к нам прислали молоденького лейтенанта, а его даже никто не успел узнать по имени... Сереженька, Сережа, приезжай скорее, а то я не выдержу и расплачусь...»

Девушка продолжала торопливо выводить буквы, а я отвела взгляд, смутившись, как будто подглядела чью-то жизнь не на какой-то одной из исследуемых планет, а здесь, у нас, где каждому гарантирована прививка биологического поля защиты с первых же дней жизни... Интересно, что может означать это земное понятие —любимый? Судя по тому, с какой самоотверженностью девушка писала письмо этому Сереже, она должна быть абсолютно зависима от него, во всяком случае намного больше, чем я от Фила. Любопытно, как они встречались раньше, о чем говорили?

Я чуть сдвинула рычажок настройки и наведения. На планете появилось лето.

Введя в компьютер данные моей девушки, я через мгновение увидела ее на берегу какой-то тихой речки. Сзади к ней подошел юноша, закрыл ей глаза ладонями.

— Сережа! — воскликнула девушка, оборачиваясь.— Почему так долго?.. — Глаза у нее искрились от непонятной мне радости, и улыбка освещала ее лицо.

— Извини, пожалуйста...— Он развел руками.— Я был в военкомате,— и он опустил голову, словно боялся встретиться с ней взглядом.— Разве ты еще ничего не знаешь?

— Я все знаю! — засмеялась девушка.— Я знаю, что небо удивительно синее, листья удивительно зеленые, вода удивительно прозрачная и теплая, а ты удивительно хороший, хотя и чем-то удивительно озабоченный! — Она звонко засмеялась.— А еще я знаю, что развею твою озабоченность, потому что я — самая счастливая на земле! Ой, Сережка, да что ты в самом деле, ты даже ни разу не улыбнулся...

— Маша...— Юноша опять замялся, будто подыскивая слова, которых ему никогда не доводилось произносить.— Понимаешь, Машенька, произошло действительно ужасное...

— Разве в такой день может произойти что-то действительно ужасное, Сережка? Ты посмотри, какой день! — Она пыталась шутить, но выражение ее лица с каждым мгновением становилось все серьезнее и серьезнее.

— Война!

— Что?

— Война, Машенька...

Девушка медленно опустилась на траву...

Так я и оставила мою девушку и ее парня: она сидит на берегу, закрыв лицо руками, а он стоит рядом, подставив лицо упругому встречному ветру.

Они ни разу не произнесли этого слова — люблю, но мне почему-то казалось, что именно благодаря этому понятию глаза у девушки так искрились от радости... Не думаю, чтобы я ошибалась. Но главный вывод из увиденного мною на экране монитора заключался в другом: я поняла, что, оказывается, разумные существа, во всяком случае те, которых я видела, совсем не испытывают удовольствия от того, что уничтожают друг друга, как я считала раньше, когда исследовала планету с помощью компьютера. Естественно, от этого их поступки становятся еще нелепее и нелогичнее, но и этот вывод поможет мне при составлении отчета и значительно углубит его.

Затем я снова вернулась в зиму. Мне казалось, что если я увижу, как девушка встретится с парнем теперь, обязательно пойму, что они подразумевают под словом любовь.

Он должен был вот-вот появиться. Девушка грелась возле раскаленной добела железной печки. В комнату, где она сидела, то и дело входили и выходили какие-то озабоченные, неулыбчивые люди. Потом вошел седоусый мужчина, посмотрел на девушку, задремавшую от окутавшего ее тепла, почему-то вздохнул и, нахмурив брови, приказал:

— Ефрейтор Кириллова, марш на устранение обрыва связи на линии!

Девушка вздрогнула от неожиданного, резкого голоса мужчины, растерянно посмотрела на него, но в следующее мгновение подтянулась, поправила привычным, заученным движением ремень, стягивающий ее бушлат, коротко ответила:

— Есть устранить обрыв связи на линии!

Вытащив из-за пазухи варежки, она надела их, в углу комнаты взяла какой-то ящик на длинном ремне, катушку с проволокой и направилась к выходу.

Они шли друг за другом. Седоусый мужчина, держа под мышкой катушку с проволокой,— впереди, а девушка, стараясь попадать в его следы на снегу,— за ним. Шли медленно, отворачивая лица от колючего, со снегом, ветра. Девушка не поспевала за мужчиной, и тому приходилось время от времени останавливаться, поджидая ее.

Послышался нарастающий тревожный гул самолетов. Они пролетали над поляной, к которой вышли мужчина и девушка, потом повернули назад, сбрасывая бомбы.

Мужчина и девушка подошли к столбу. Девушка, поправив висевший на спине ящик, забралась наверх, принялась соединять оборванный провод. Закончив, она скользнула вниз, прижалась к столбу и замерла. Мужчина вдруг упал в снег. Одна из бомб упала точно в середину поляны, и в одно мгновение не стало ни девушки, ни мужчины, ни столба... Я поняла, что их совсем не стало.

Снова и снова я прокручивала на мониторе этот кусочек жизни планеты Земля, и каждый раз нелепый взрыв бомбы уничтожал и мужчину и девушку. Но ведь они, моя девушка

и ее любимый Сережа, сегодня должны были встретиться... И только потом, когда от бесконечного повторения этого кусочка лица мужчины и девушки, взрыв бомбы слились в моих глазах в одно черное пятно, только потом я поняла: они никогда уже не встретятся.

Никогда. Несмотря на всю нелогичность этого когда-то свершившегося на Земле факта.

И мне стало очень жаль ее, мою девушку. Я снова увидела ее глаза, искрящиеся от радости в тот яркий летний день на берегу тихой речки, и снова увидела ее глаза, бесконечно усталые, когда она пробиралась по заснеженной поляне.

Повинуясь какому-то безотчетному порыву, я нажала кнопку сверхмощного аппарата, и к Земле устремился луч, поразивший и самолеты, и бомбы...

Вот тогда-то на моем столе и засветился экран рабочего журнала, на котором появилось озабоченное лицо Фила, а потом состоялся весь тот разговор, продолжения которого, уверена, мы ждали оба с одинаковым нетерпением.

* * *

— И что же ты мне все-таки ответишь? — Фил, появившись у меня вновь, был предельно сосредоточен.

— Сначала ты мне ответь, что произошло в результате моего вмешательства в дела этой самой планеты Земля? — я даже сама удивилась, насколько спокойно чувствовала себя в этот момент.

Фил усмехнулся, похоже, уловив некоторую перемену, происшедшую во мне после нашей последней встречи. Потом, после некоторого размышления, заговорил:

— Ну что ж... Учитывая мое отношение к тебе, я отвечу первым на этот раз... Итак, что касается планеты Земля. Ты подарила жизнь какому-то разумному существу, которое по логике своего развития уже не должно ее иметь. Таким образом, все те расчеты, которые проводились до тебя по отношению к этой планете, потеряли всякий смысл...

— Нечего было давать мне на проверку много раз проверенное! — огрызнулась я.— Неужели нельзя было дать мне какую-нибудь другую планетку, от исследования которой была бы определенная польза, а не вред, как получилось с планетой Земля, если судить по твоему поведению?

— Ты удивляешь меня все больше и больше, Сана. Ты уже прекрасно знаешь, что проверка исследуемой планеты всегда является одновременной проверкой и того, кто этим занимается. До сих пор ты проходила все этапы блестяще, и вот... Ну да ладно, об этом потом. Продолжу свой ответ на твой вопрос, если не возражаешь.

Я милостиво кивнула.

— Так вот, самое главное, что мы теперь не знаем, во вся-

ком случае пока, последнего витка этой планеты. Компьютеру дано задание рассчитать ее жизнеобеспеченность при условии, что то разумное существо, которому ты дала жизнь, все еще находится в окружающий среде. И вот уже прошло столько времени после твоего поступка,— Фил посмотрел на часы,— а компьютер все еще продолжает вычисления, и это означает, что последний виток планеты отодвинулся в далекое и неопределенное будущее.

— Но это же хорошо! — обрадовалась я.

— Согласен, что было бы неплохо для продолжения наших исследований планеты Земля, тем более, что подобные варианты еще не встречались в нашей практике. Но, ко всему прочему, это связано непосредственно с тобой, Сана...

— Чепуха! — беспечно махнула я рукой.— Ну, пусть меня выгонят из Аналитического Центра, дадут другую работу, неужели только из-за этого ты затеял весь разговор?

— Во-первых, это совершенно противоречит логике, когда кто-то, добившись определенных высот в своем положении, потом идет на снижение общественного мнения о себе. Логика бывает только поступательно прямой, обратной не бывает, это закон нашего развития, который всегда подтверждался реальностью. Во-вторых, и это самое главное во всей этой истории, ты прикоснулась к антимиру!

— Прости, Фил, но это не антимир, поскольку у нас с ними есть общие биологические закономерности.

— Хорошо, выражусь точнее, ты прикоснулась к антиподу, и, мне кажется, большой разницы здесь нет.

— Ошибаешься, не такой уж он и плохой, этот антипод...— буркнула я.

— Сана!

— Прости... Договаривай.

— Я уже замечаю, что прикосновение к антиподу не прошло для тебя бесследно. Но, думаю, что это не необратимый процесс, хотя согласно закону сохранения логической энергии, то есть основы нашего существования, мы должны тебя... Впрочем, это уже не так важно, я жду твоего ответа.

— Ты не договорил.

— Я сказал все, Сана.

— Ты так и не сказал, что ожидает меня после прикосновения к антиподу.

— Это зависит от твоего ответа.

— И если я скажу: нет, тогда...

— Ты не можешь сказать «нет», потому что я всегда заботился и буду заботиться о тебе.

— Хорошо, а если я скажу: да, тогда...

— Тогда у меня единственный выход — вернуть планету Земля на ее круги, точнее, вернуть то, что спасла ты, и тогда планета останется внутри всех тех расчетов, которые много раз проверены и перепроверены. Думаю, стоит мне обратиться с

соответствующими выводами в Высший Совет, со мной согласятся. Наблюдать и рассчитывать продолжение планеты интересно, конечно, но непредсказуемость ее поведения представляет определенную опасность и для нас, поскольку нет гарантий, что, миновав критический виток, они не начнут уничтожать другие планеты. Уверен, эти логические выкладки будут достаточными для Высшего Совета.

— А если я все-таки скажу: нет...

— Я сделаю то же самое, только против твоей воли.

— Ты этого не сделаешь, Фил! — Я испугалась и за свою Марию, и за свое решение, поэтому сказала то, что во мне уже окончательно определилось: — Я очень тебя уважаю и очень благодарна за все, что ты для меня сделал, но я хочу любви, поскольку отношусь к существам разумного класса...

Я посмотрела на Фила и убедилась, что он с трудом сдерживает улыбку, а при последних моих словах засмеялся.

— Сана,— произнес он сквозь смех,— любовь — самое алогичное понятие, какое только может существовать в природе. Не сомневаюсь, что и на этой планетке Земля до последнего момента существовала любовь.

— Да...

— Вот видишь, я прав. Когда нет любви, тогда нет и ненависти, а значит, и невозможно уничтожение друг друга.

— Ты хочешь сказать, что планета фактически уничтожила саму себя только потому, что там существует любовь?

— Не существует, а существовала! Все это уже позади. Выживают только такие миры, как наш, где любое движение желаний или мысли прежде всего логически обусловлено.

— Фил,— попросила я, чувствуя, как начинает раскалываться голова,— дай мне времени подумать еще. Ты же сам видишь, что после прикосновения к этой планетке я немножко потеряла форму. Я отдохну, а завтра дам тебе окончательный ответ.

— Завтра будет поздно. У меня сейчас встреча с твоим Главным, потом я вернусь к тебе и ты дашь мне единственно логичный ответ. Кстати, учти, в противном случае ты будешь в соответствии с законом сохранения логической энергии трансформирована на ту планету, с которой у тебя произошло прикосновение.

Он ушел, а я... Я давно уже все решила, еще до последнего разговора с Филом. И он ничего нового мне не сообщил, я прекрасно знала и о возвращении на свои круги, и о трансформации, проще говоря — растворении в том, к кому прикасаешься на другой планете. Все это я знала и приняла решение. Мелькнула, правда, мысль, что, может быть, поступаю так потому, что во мне начались необратимые процессы, обусловленные прикосновением к антиподу, но это предположение вызвало у меня только усмешку: даже если это и так, то это мне нравится.

* * *

Утром, вдоволь налакомившись клубникой и черешней, все собрались завтракать — бабушка с дедом, их дочка с мужем, внук и две внучки.

— Бабуль,— неожиданно спросила самая младшая внучка,— а ты почему сегодня такая красивая?

Все засмеялись.

— А я почему-то молодость вспомнила. А теперь смотрю на нашего деда и думаю, куда же подевался тот красивый Сережа, из-за которого я и на фронт пошла, и всю войну отвоевала?..— Она улыбнулась и посмотрела на мужа.

— Так он же постарел просто! — воскликнула внучка, радуясь своей догадке.

— Понятно? — удовлетворенно хмыкнул дед.— А вот бабушка наша совсем не стареет, правда? — он повернулся к внучке.— Сегодня же вообще лет на двадцать помолодела!

Я тихонько засмеялась, посмотрела на дочку и внуков Марии и подумала, что Филу долго еще придется ждать, когда компьютер вычислит последний виток этой планеты.

Николай *НЕДОЛУЖКО*

МАСКИ

Тайна должна оставаться тайной,— Джон Глэй многозначительно постучал пальцем по своему лысому черепу.— Мне непонятна ваша обеспокоенность, господа. Я храню эту тайну не только для того, чтобы иметь свой маленький бизнес, но и для вашего же спокойствия. Только мой мозг способен осознать то, что здесь происходит и... может произойти везде. Я человек без нервов. Если хотите, человек-машина. Единственное, что осталось во мне, это некое подобие любопытства к шаткому сиюминутному благополучию цивилизованного мира.

— Господин Глэй, когда-то, очень давно, вы оставили у себя моего бортмеханика Макса Лепо, радиста и проводника. Что с ними? — спросил Вандерберг.

— Они погибли. Несчастный случай,— хладнокровно ответил Джон Глэй.

— Жаль, они были настоящими парнями.

— Да, но несколько любопытными,— машинально подтвердил Джон Глэй и постарался тут же сменить разговор.— Вандерберг, меня тревожат частые замены экипажей. Продукты, одежду, необходимые детали для завода и вывоз нашей продукции, по договору, должен производить один экипаж — ваш экипаж, Вандерберг!

— Что делать? Время быстротечно.— Вандерберг — седой, широкоплечий мужчина, с темным от загара лицом — сокрушенно развел руками.— Те, кого вы привыкли видеть, уже не могут летать по состоянию здоровья.

— Время стремительно,— согласился Джон Глэй.— Тем более я должен знать, что ничто и никто не помешает осуществить планы нашей фирмы. Я ученый. Я создал завод, и он должен работать!

— А каковы планы фирмы? — спросил стоявший у окна молодой человек, с великолепной золотистого цвета шевелюрой, обрамляющей его утонченное лицо.

— Судя по вашему произношению и виду, вы относитесь к одной из групп славянских народов,— взгляд Джона Глэя, казалось, впился в лицо говорившего.

— Да, я русский,— спокойно подтвердил молодой человек.— Врач по профессии, сын советника Юргина.

— Русский? — Джон Глэй перевел взгляд на Вандерберга.— Каким образом он появился в вашем экипаже?

— По настоянию нового правительства,— Вандерберг почувствовал, как все его тело наполнилось леденящим ознобом, точно на него глядел не человек, а огромная ядовитая змея.

— Нового правительства?! Новому правительству не выгоден контракт с нашей фирмой?

— Я этого не сказал. Но Виктор Юргин не только врач, он еще и журналист, интересующийся этнографией. Правительство обязало его собрать сведения о племени Мако, живущем в Райском оазисе.

— Это мои люди. Они работают на меня и в свою очередь получают от меня все необходимое. Только мое согласие может позволить Юргину ознакомиться с жизнью племени Мако, кстати, почти полностью подверженному деградации.

— Но вы, конечно, позволите встретиться с представителями этого племени,— с нескрываемой иронией, твердо произнес Юргин.

Вандерберга обдало жаром. Ему рассказывали о мужестве и хладнокровии русского. Но говорить таким тоном с Глэем?.. Они дали ему столько информации: новое правительство, врач, журналист, этнограф... Информация заставит Джона Глэя раскрыться, но она же, заставив его действовать незамедлительно, может послужить причиной гибели всего экипажа. Джон Глэй постарается сделать все, чтобы тайна Райского оазиса осталась тайной.

— Назовите остальных членов экипажа, коротко охарактеризуйте каждого,— Джон Глэй вновь обратил свое внимание на Вандерберга.

— Второй пилот француз, родился в Париже. В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году эмигрировал в Америку. В восемьдесят седьмом, подписав контракт с вашей фирмой, перебрался в Африку... Штурман — англичанин. Родился и жил в Африке. Сын профессионального охотника. Возраст — тридцать лет.

— Хорошая компания,— Джон Глэй на секунду задумался, в его маленьких черных глазах промелькнула искорка удовлетворения.— Надеюсь, они здоровы? — спросил он.

— Совершенно здоровы,— поспешно заверил Вандерберг.

— И все холосты?

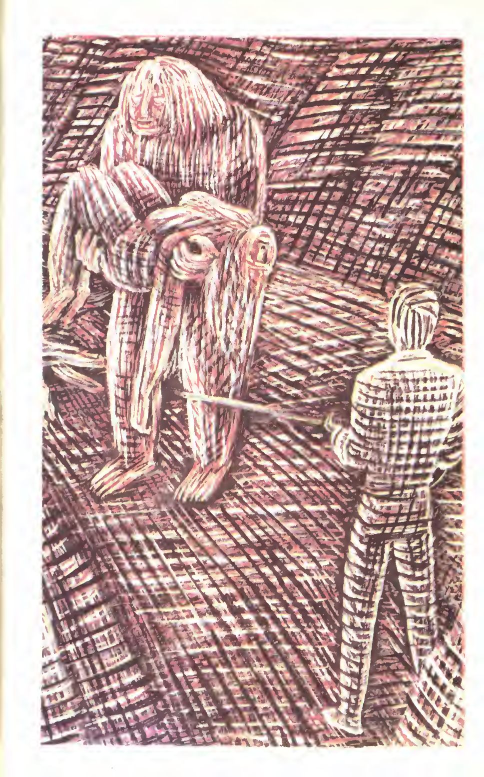
— Ведь это непременное условие подписанного нами контракта.

— Все совершенно здоровы... Странно, в этом проклятом богом мире еще есть совершенно здоровые люди,— Джон Глэй медленно приблизился к Юргину.— Почему вы так уверенно заявили о том, что я позволю вам встретиться с кем-нибудь из племени Мако?

— Маленькая тайна привлекает к себе малое количество людей, большая — большое. Судьба племени Мако заинтересовала только меня.

— А новое правительство?

— Почему бы правительству не пойти навстречу сыну представителя дружественной страны?

— Да, действительно, почему? И почему бы мне не впустить вас туда, где открыты двери? Господин Юргин, в Райском оазисе нет больших тайн. Вам необходимо встретиться с племенем Мако, вы встретитесь. Но,— Джон Глей попытался изобразить на своем длинном горбоносом лице некое подобие улыбки,— вам, как этнографу, вероятно, известно, что белый человек буквально напичкан вирусами, против которых у него выработался иммунитет.

— Вы хотите сказать?..

— Я хочу сказать, что даже элементарный вирус гриппа может убить чернокожих.

— Как же вы организуете встречу, если прямой контакт невозможен? И как вы и ваши люди поддерживаете с ними связь?

— Стерильность, только стерильность. Есть два варианта: первый — мы помещаем вас в барокамеру и транспортируем в ней в лагерь чернокожих, где вы, в меру своих способностей, знаками, попытаетесь объясниться с ними; второй вариант — вы пройдете вакцинацию, затем сдадите все необходимые анализы и только затем сможете вступить в непосредственный контакт... Вы задумались. Может быть, не стоит рисковать? Должен предупредить, чернокожие весьма агрессивны, и малейшая ваша ошибка может спровоцировать нападение.

— Я согласен на вакцинацию,— твердо сказал Юргин.

— Похвально, молодой человек. Значит, доверяете мне. Что ж, постараюсь сполна отплатить вам за доверие.— Джон Глэй подошел к стоящему в центре кабинета мраморному столу, нажал на вмонтированную в крышку треугольную черную кнопку.

Послышался едва слышимый скрип.

За спиной Вандерберга развинулась двухстворчатая переборка зала.

— Что это, лифт?— осевшим от волненья голосом спросил Вандерберг.— Послушайте, Джон Глэй, моя жизнь застрахована на очень крупную сумму, и если что-нибудь случится...

— Вы восхитительно наивны, мой друг! — Джон Глэй усмехнулся.— Если понадобится, я возмещу убытки страховой компании. Не волнуйтесь, должен же кто-то сопровождать Юргина?

— Мне необходимо переговорить с остальными членами экипажа.

— Чуть позже вам предоставится такая возможность.

Юргин, увидев появившихся в дверях зала двух верзил с бесстрастными, как у идолов, лицами, спокойно вошел в лифт.

— Советую не медлить, Вандерберг,— Джон Глэй выдвинул верхний ящик стола, сунул туда руку и добавил. — Очень советую!

Вандерберг покорился.

Как только двери лифта захлопнулись, Вандерберг, почувствовав прохладную струю воздуха, бьющую через вентиля-

ционный раструб, выхватил из кармана носовой платок и наглухо заткнул отверстие.

— Напрасно стараетесь,— Юргин прижался спиной к стенке лифта. — Вряд ли Джон Глэй решится отравить нас в лифте. Разве вы не заметили той стерильной чистоты, которая наведена не только во всем здании, но и в лифте?.. Умирая, человек оставляет за собой грязь... Как тихо работает подъемник. Впечатление полета на дельтаплане.

— Прямым курсом в ад,— на Вандерберга подействовало хладнокровие Юргина, и он сумел взять себя в руки. — Виктор, вы, действительно, надеетесь вырваться из этой мышеловки?

— Я надеюсь на благоразумие и холодный расчет Джона Глэя,— Юргин предупреждающим взглядом указал на маленькую закрепленную над головой Вандерберга металлическую коробку.— Надеюсь на гений хозяина. Наша смерть привлечет к райскому оазису внимание прессы, правительства.

— Ваша? Да. — Вандерберг понимающе подмигнул Юргину. — Моя — нет. Я одинок, и меня никто не будет разыскивать. Скажите, вам действительно интересна судьба племени Мако? Или?..

— Без всякого «или». И не судьба, а только то, что такое племя существует. Этнография — мое хобби. Возможно, я одним из первых смогу описать Мако. Все остальное меня не интересует. Мне незачем вторгаться в тайны господина Глэя. Это неэтично и небезопасно. Вы неточно информировали господина Глэя; я не журналист, а писатель. У меня нет необходимости копаться в дерьме, чтобы выудить сенсацию. Будем довольствоваться тем, что предложит хозяин. Вы согласны?

— Я слишком дорожу своей шкурой, чтобы не согласиться с вами,— проворчал Вандерберг.

— Ну вот и прекрасно.

— Замечательно!— Джон Глэй выключил магнитофон и устало опустился в кресло. Некоторое время он молчал, о чем-то думал. На его изрезанном морщинами лице, казалось, жили только маленькие страшные глаза, как-будто нарочно вставленные создателем в мрачную маску, чтобы хоть как-то оживить ее. — Замечательно,— наконец повторил он, останавливая тяжелый взгляд на одном из стоявших навытяжку телохранителей. — Что вы скажете, Вуд?

— Что я скажу? — продолговатое бледное лицо Вуда вытянулось еще больше. — Что я скажу?.. Мне очень не нравится... Очень!

— Что вам не нравится, Вуд?

— Вандерберг сказал, что экипаж здоров. Разве такое может быть?

— Разумеется, нет.

— Но он сказал!

— Он заблуждается. На земле не может быть ни одного полностью здорового человека. Цивилизация сделала свое дело. Но их еще возможно, как производителей, использовать на «ферме». Сегодня ты сделаешь нескольким женщинам уколы... Нам необходимы дети. Из них мы вырастим людей, способных завершить наше дело.

— Они растут очень медленно. Будь моя воля, я уничтожил бы весь экипаж и этого русского.

«Если бы ты знал, кто твой отец, то натворил бы бед,— подумал Джон Глэй. — Ты слишком долго работал на заводе и даже противогазы не смогли уберечь твой мозг от разрушения... Явное расстройство психики».

Джон Глей встал, медленно прошелся по залу, остановился у окна. Лучи солнца окрасили его лицо в багровый цвет. У Вуда затрепетали ноздри, как у гончей, почувствовавшей приближение к подранку. Он почти реально ощутил темп погони — бешено заколотилось сердце. Багровый цвет напоминал цвет крови. Не хватало реальной жертвы... Вуд сунул руку в карман, где лежал пистолет. Его глаза вспыхнули огнем... В этот момент Джон Глэй повернулся к нему и спросил:

— Что с вами, Вуд?

Вуд застонал и опустил глаза — теперь лицо Джона Глэя было мертвенно серым.

— Свет,— угрюмо пробормотал Вуд. — Все, на что он падает, приобретает цвет крови.

— Да, странный закат. Весьма странный. Сменился ветер... Дым завода преломляет лучи солнца, поэтому столь странный цвет. Наденьте маску.

— Вы хотите послать меня на разгрузку самолета?

— Нет, на «ферму». Кстати, Вуд, почему для своих забав вы выбираете белокожих? В последний раз вы нещадно избили Розалину.

— Разрешите идти?

— Идите. Можете делать уколы по своему усмотрению. Да, и пришлите ко мне Глорию.

— Вашу жену?

— Мою бывшую жену,— бесстрастно ответил Джон Глэй. — Я хочу поговорить с ней.

Когда телохранители ушли, Джон Глэй распечатал принесенный Вандербергом мешок с корреспонденцией. Отобрал несколько газет, довольно внимательно просмотрел их; ни в одной из статей не было и намека на продукцию его завода.

— Они до сих пор ничего не знают, ничего! — удовлетворенно сказал Джон Глэй, опускаясь в кресло. Его взгляд остановился на оконном проеме. Преломленный свет заходящего солнца проник в глубину его глаз, и они, казалось, сами начали источать кроваво-яркий свет.

Легкое дуновенье ветра, проникшего в приоткрытую дверь, а затем негромкий возглас испуга, заставили Джона Глэя медленно повернуть голову.

— Что? Что случилось? — недовольно спросил он, презрительно окинув взглядом замершую у порога женщину. — Что случилось, Глория?

— Ты похож на вампира. Твои глаза... Они наполнены кровью!

— Неужели? Ну это не так страшно. Я похож на вампира. Зато ты выглядишь неплохо. Ты еще не жалуешься на здоровье?

— Нет, не жалуюсь,— торопливо согласилась Глория. — Джон, в течение пяти лет я не видела тебя. Мне бы хотелось узнать, где наш сын... моя дочь?

— Занятно. Тебя интересуют такие мелочи? Разве вас плохо кормят? Обижают? Не дают дышать очищенным воздухом? Ты неблагодарна, Глория. А ведь ты родила всего двоих, и только за нежелание рожать больше, тебя надо было давно отправить на завод.

— Ради всех святых, не делай этого, Джон! Не превращай меня в животное. Вспомни, когда-то я родила тебе сына.

— Мне — сына, Вандербергу — дочь.

— Но ты сам приказал сделать мне возбуждающий укол!

— Естественно. На заводе нужны были надсмотрщики, люди, способные управлять станками. Все, кроме тебя, соглашались принимать мужчин, которых с таким трудом удавалось заманить сюда. Каких невероятных усилий и средств требовалось для того, чтобы никто не пытался узнать о дальнейшей судьбе ваших любовников...

— Значит, Вандерберг тоже работает на заводе?

— На «ферме» восемнадцать женщин, но только две интересуются своими детьми.

— Джон, я умоляю тебя,— Глория опустилась на колени. — С тех пор, как у меня отняли сына и дочь, я ничего не знаю о них. Прошло столько лет!

Джон Глэй внезапно откинулся на спинку кресла, его синегубый рот раскрылся, и хохот, похожий на взлаивание дикой собаки, всколыхнул все его рыхлое тело:

— Она, она не узнает своего сына... Ха-ха-ха... Твой сын — Вуд!

— Не-ет! — Глория в ужасе закрыла лицо руками.

— Как видишь, и от тех, кто считался почти здоровым в цивилизованном мире, родился неполноценный. Вуд — садист. Именно поэтому он избивает Розалину. На белой коже цвет крови очень эффектен.

— Джо-он! — поднимаясь, простонала Глория. — Джон, что ты наделал? Ты лишил себя будущего!

— Будущее? Месть — вот мое будущее. Да, месть! Развитие цивилизации непременно приводит к непомерному желанию взять все, чем обладает природа. Природа стала пищей ненасытного потребления, она дробится, умирает, разлагается в наших зубах. Возникает непреодолимый хаос смерти, разрушение всего живого.

— Джон!..

— Ты не видела меня пять лет, но и раньше я ничего не рассказывал тебе о твоих детях. Зачем? Мы все заложники. Я один из немногих, кто понял и до конца осознал крах гармонии.

— Ты убийца, Джон.

— Убийца? Разве может мертвец быть убийцей? Но если даже так? Кто из нас лучше? Я — предвидящий и ускоряющий крах цивилизации, или вы — самки, поставляющие убийц? Я сохранил вам здоровье. Все эти годы вы пользовались только очищенным воздухом, не отравленными лучами солнца... Вы почти здоровы и сегодня, ты и твои подруги должны доказать это. Постарайтесь не противиться. Иначе вам придется дышать той мерзостью, которой дышит весь мир.

— Неужели только месть заставляет тебя жить? Ты всегда был крайне религиозен. Простит ли бог твое преступление? Тебе придется отвечать, Джон!

— Бог? Если он допускает то, что происходит на земле, значит, это необходимо,— Джон Глэй на некоторое время задумался, потом нехотя поднял глаза на поникшую Глорию и сказал: — Возможно, я не прав и поэтому оставляю за собой единственный шанс оправдаться. Я сохранил вам здоровье лишь для того, чтобы оставить на земле несколько пар особей, способных выжить.

— Значит в тоннеле есть дети, и они здоровы?

— Да! — Джон Глэй гордо вскинул голову. — Сегодня ты убедишься в этом. Жди Вуда, он проводит тебя.

...Все, что произошло на «ферме» и в тоннеле, Джон Глэй узнал двумя часами позже, когда, выполнив приказание, вернулся Вуд.

— Ну? — спросил он, как только за спиной Вуда захлопнулись двери лифта. — Как прошла вакцинация?

— Женщины подняли бунт. Розалина... Мне пришлось отходить ее плеткой.

— Надеюсь, ты сделал уколы не всем?

— Ну почему? — Вуд, вытащив из кармана шприц и пачку ампул, положил на стол. Отступил на шаг, заметив, как рука Джона Глэя скользнула в ящик стола. — Лекарства много. Я даже сделал укол вашей старухе... А Флора... Она совсем не сопротивлялась.

— Кретин! Ты оставил детей без воспитательницы! — Джон Глэй выхватил из ящика пистолет, направил его в лоб Вуда. — Я размозжу тебе череп!

— Не убивайте,— глупо улыбаясь, Вуд попятился к двери. — Флора уже взрослая. Она должна рожать. На заводе почти некому работать.

— Почти некому работать? — Джон Глэй опустил пистолет.

— Я хочу спать,— нервно вздрагивая плечами, Вуд открыл дверь и вышел.

«Неужели я ошибся в расчетах? — думал Джон Глей. — На заводе почти некому работать, а оттуда, из внешнего мира,

все еще прилетают почти совершенно здоровые люди... Я ненавижу всех, кто требовал от меня создания все более мощных отравляющих веществ. Но, по моим расчетам, отходами производства уже отравлены земля, воздух, вода. Почему я должен умирать первым? Я хочу увидеть начало всеобъемлющего разрушения. Мой мозг использован, выжат именно для этого! Возмездие должно настигнуть и уничтожить цивилизацию с ее алчной всепожирающей экономикой. Мои боссы хотели уничтожить отдельные народы, я могу уничтожить всех!

Ничем иным, как больничной палатой, Юргин не мог назвать то помещение, куда его втолкнули; все вокруг было стерильно чистым — белые простыни, белая наволочка на подушке, окрашенная светлой краской тумбочка. Он вспомнил, что и люди, сопровождавшие его и Вандерберга, каждого в отдельной палате, были одеты в белые халаты и маски. Но вот толкнули его явно металлическим предметом, возможно дулом пистолета... «Пожалуй Вандерберг был прав, когда заявил новому правительству, что на заводе Джона Глэя создаются отравляющие вещества, дестабилизирующие психику людей,— думал Юргин. — Над ним самим был произведен опыт. Профессор Ленч, обследовав Вандерберга, а затем проведя с ним беседу, сделал заключение — на пациенте был опробован мощнейший гормональный возбудитель».

Юргин прикоснулся пальцами к внутреннему потайному карману, где у него лежали таблетки профессора Ленча. «Как жаль,— подумал он,— мне не удалось передать одну из этих таблеток Вандербергу. Мне не удалось... Вандерберга поместили в соседнюю палату. Для чего нас разъединили? Возможен ли контакт с ним?»

Юргин подошел к двери, нажал на ручку. Тотчас сработал зуммер. Прошло несколько минут, наконец дверь распахнулась, и на пороге появился человек в маске.

— Я хочу пить,— сказал Юргин.

— Подождешь,— дребезжащим голосом ответил охранник и медленно, словно ему приходилось делать неимоверное усилие, закрыл дверь.

«Где находится пункт охраны? — думал Юргин, тщательно изучая обшивку двери. — Охранник появился через пять минут. За пять минут можно пройти довольно приличное расстояние!»

Возле дверной ручки Юргин обнаружил тоненький проводничок, прикрепленный к микроконтакту. Сигнализация оказалась примитивной. Юргин подошел к стоящей возле кровати тумбочке, достал из кармана перочинный нож, отрезал узенькую полоску клеенки, которой была покрыта тумбочка, вернулся к двери и вставил полоску между контактами. Затем, нажимая на ручку, вновь толкнул дверь. Зуммер не сработал, но и дверь не открылась. Тогда он, чуть изогнув нож, вставил его в замочную скважину и стал осторожно прощупывать механизм. Замок открылся.

Юргин осторожно потянул на себя дверь и выглянул. Тоннель рядом с палатами не был освещен, лишь где-то вдалеке тускло светилась одна-единственная лампочка. Как видно, на заводе не хватало энергии. Что ж, темнота была на руку Юргину. Не колеблясь, он подошел к соседней палате, прислушался; из палаты доносились приглушенные стоны, шум борьбы.

Снаружи палата открывалась без ключа. Не последовало и сигнала тревоги, как видно, сигнализация была подключена во все палаты параллельно, и Юргин вновь поразился примитивности системы.

Едва он переступил порог, как кто-то едва различимый в полумраке, метнулся ему навстречу. Он отклонился, и нападающий пролетел мимо. В красном свете маленького плафона Юргин успел заметить, из-под маски, на плечи нападавшего, спадали длинные пышные волосы. Это была женщина, и она вновь готовилась к нападению.

— Что здесь происходит, Вандерберг? — невольно спросил Юргин.

Из опущенной руки женщины с легким звоном упал нож. Секунду все стояли неподвижно.

— Вандерберг?! Вандерберг умер!.. Убейте меня... Я не хочу... Я не могу больше терпеть... Убейте, разорвите меня на куски! Иначе я убью вас! — женщина потянулась к оброненному ножу.

— Держите ее,— Вандерберг ногой отбросил нож в сторону.

— Не трогайте! Не смейте, мерзавцы! — женщина сопротивлялась до тех пор, пока ее намертво не прикрутили простынями к кровати.

Вандерберг сорвал с женщины маску, склонился, вглядываясь в ее искаженное ненавистью лицо:

— Глория! Джон Глэй вновь решился проделать это... Я убью его!

— Попробуем дать ей таблетку профессора Ленча,— сказал Юргин, протягивая пилоту пакетик.

— А как это сделать? Впрочем, давайте... И выйдите, черт возьми! Я не хочу, чтобы вы видели, что с ней произойдет. Она не безразлична мне.

Едва Юргин успел вернуться в свою палату и, не раздеваясь, улегся в кровать, как и без того слабый свет плафона начал тускнеть. Красная точка лампочки мигнула и исчезла. Обостренным слухом он уловил мягкий щелчок замка. Дверь распахнулась и тут же захлопнулась. Послышалось легкое торопливое дыхание. В кромешной тьме нельзя было увидеть приближавшегося человека, только слышалось все учащающееся дыхание.

Юргин отодвинулся к стене. Шорох одежды выдал его. Он понял это в тот момент, когда, после секундной тишины, вновь услышал и ощутил горячее нервное дыхание. Он ощутил его на своем лице! Сжался в комок, сунул руку в потайной карман,

где у него лежали таблетки. Свободной рукой попытался оттолкнуть нападавшего, но, почувствовав под ладонью маленькую упругую грудь, с ужасом, стыдом и отвращением отдернул руку. Чем яростней сопротивлялся Юргин, тем настойчивее становилась женщина.

Он изловчился и свободной рукой, вторая все еще находилась в кармане, с силой отбросил женщину.

Она упала на пол. Наступила тягостная, томительная тишина.

Юргин спрыгнул с кровати, нажал на кнопку подсвета наручных часов и склонился над женщиной. Бледный лучик света выхватил из черноты голову незнакомки.

— Все та же маска,— прошептал он. — Боже мой! Неужели я убил ее?

Нащупав на маске кнопки, растегнул их. Опустился на колени, припал щекой к губам; почувствовав легкий прерывистый вздох, вложил в приоткрытый рот одну из таблеток, потом поднял женщину и осторожно опустил на кровать.

Прошло несколько минут. Все происходящее казалось Юргину чем-то нереальным, ужасным. И только услышав тонкий протяжный стон, он отступил на шаг и прижался спиной к стене.

— Что со мной? — раздался нежный, слабый голос. — Где я? Где же я?!

— Успокойтесь,— вынужден был отозваться Юргин. — С вами не произошло ничего дурного.

— Кто вы? — с ужасом и отвращением спросила женщина.

— Как вы себя чувствуете?

— Кто вы? — уже требовательно произнесла незнакомка. — Что со мной? У меня болит все тело...

«Таблетка подействовала»,— с облегчением понял Юргин и уже спокойно сказал:

— Извините, но вы потеряли сознание. Вы потеряли сознание, как только вошли сюда. Я вынужден был перенести вас на кровать... Скажите, вы ничего не помните?

— Что я должна помнить?

— Кто привел вас сюда?

— Оставшийся в тоннеле охранник... Мерзавцы! Они сделали мне укол! О, негодяи! Весь мир состоит из негодяев. Вы воспользовались моей слабостью!

— Скорее вы хотели воспользоваться моей растерянностью,— холодно возразил Юргин.

— Я?.. Хотела?.. О, ужас! Простите меня. Судя по вашему голосу, вы потрясены... Непонятно... Какая нестерпимая горечь во рту!

— Как вас зовут?

— Флора,— подумав, ответила женщина.

По тому, как прервался ее голос, Юргин понял, что она плачет.

— Успокойтесь,— он осторожно присел на краешек кровати. — Поверьте, с вами не произошло ничего дурного.

— Это все равно произойдет, или вы станете убийцей.

— Убийцей? Не понимаю, зачем Джону Глэю дети? Он производит над ними опыты?

— Весь мир отравлен. Мы единственные, кто еще может родить здоровых детей. Мы — единственные!.. Когда они подрастут, Джон Глэй заставит работать их на заводе.

— Вас обманули. На земле еще очень много вполне здоровых людей.

— Если у меня не будет ребенка, Джон Глэй отправит работать на завод.

— Это так страшно?

— Оттуда не возвращаются. Джон Глэй не может давать чистый воздух всем... И вы тоже будете работать на заводе. Тот, кто узнал тайну, перестает быть человеком. Только Джон Глэй может позволить вам дышать чистым воздухом, но для этого надо выполнять все, что он потребует.

Постепенно все сказанное Флорой теряло незримую оболочку тайны. Юргин понял — здесь, в Райском оазисе, работает завод-убийца. Токсичные вещества, выбрасываемые в атмосферу, губят все живое. Предположение экологов, по настоянию которых он и оказался в логове Джона Глэя, подтвердились. Но так ли все трагично, как об этом говорит Флора?

— По тоннелю можно пройти к заводу?— осторожно спросил Юргин.

— Да,— машинально ответила Флора.

— Я вынужден оставить вас на некоторое время.

— Но вы не сможете выйти отсюда. Сработает сигнализация. Вас убьют! Не смейте бросать меня, я боюсь темноты!

— Что же делать? Мне необходимо встретиться с товарищем. Ждите меня. Если удастся поговорить с товарищем, вернусь, и мы обсудим дальнейшие действия.

Воспользовавшись ножом-отмычкой, Юргин с предельной осторожностью вышел в тоннель.

...Вандерберг ждал его. Едва Юргин оказался в его палате, как он шагнул ему навстречу и заключил в объятья.

— Я знал, вы настоящий человек! — волнуясь, заявил он. — Вы человек действия. Вам ничего не надо, кроме достижения цели.

— Довольно сумбурно,— Юргин с трудом освободился из объятий Вандерберга, посмотрел на спокойно сидящую на кровати женщину и с удивлением заметил:

— Странно, в вашей палате вновь зажгли свет. Почему?

— Джон Глэй знал, что мы близки с Глорией, и наша встреча может принести для него только желаемый результат.

— Но маска?

— Маски надели на женщин, чтобы они не узнали друг друга.

— Но единственной женщиной, которая могла находиться в тоннеле, была моя и ваша дочь, Вандерберг,— Глория горько улыбнулась. — В действиях Джона Глэя и его помощников почти полностью отсутствует логика. Но Джон Глэй и его сын... единственные, кто менее всего поражен красным дымом. Очень давно, когда Глэй был моим мужем и я работала на строящемся заводе, он объяснил, что завод будет выпускать начинку для бомб... Уже спустя два года после пуска завода, Джон Глэй перестал быть мужчиной. Он возненавидел весь мир, мир, неукоснительно скатывающийся в пропасть.

— В пропасть?

— А разве это не так? — с содроганьем воскликнула Глория. — Я читала вырезки из газет, которые приносил мне Джон Глэй. Экономическое соперничество стран, неудержимая гонка потребления приведут к полной деморализации человечества. Вырублены леса, загрязнены океаны, разрушается озоновая оболочка. Человечество морально обанкротилось. Оно убило природу и теперь погибает само.

— Но это не совсем так,— возразил Юргин. — Вот мы — здоровые люди...

— А вы уверены, что здоровы? Над землей не осталось ни единой частицы чистого воздуха. Дети рождаются уродами. Пройдет десять — двадцать лет, и на земле не останется ничего живого.

— Глория, вы ошибаетесь. Вас обманули. Джон Глэй специально подтасовывал факты. Вы читаете книги?

— Книги? Я забыла, как они выглядят.

— Чудовище! — простонал Вандерберг. — Я убью его... Глория, надо выбираться отсюда... Вы улетите со мной и еще сможете увидеть леса, океаны...

— Неужели Джон Глэй обманул всех, кто с ним работал? Но его завод? Склады почти полностью наполнены отравляющими веществами... Он обманул нас, Вандерберг?

— Да, Глория, да! Ты не знаешь. Сменилось правительство. Теперь завод не принадлежит частным предпринимателям. Люди должны узнать, что производила фирма Джона Глэя.

— Но вы не выйдете отсюда. Тот, кто узнает тайну Джона Глэя, навсегда останется на его заводе. Дня два вы проработаете в цехах без масок. Этого достаточно для того, чтобы вы стали счастливыми.

— Счастливыми?

— Джон Глэй уверяет, что только тот становится полностью счастливым, у кого остаются всего два желания — принять пищу и подышать чистым воздухом.

— Глория, нам надо попасть на завод. Мы должны увидеть все своими глазами.

— Маски и баллоны с чистым воздухом находятся в бункере на выходе из тоннеля. Бункер охраняется одним человеком.

Вандерберг и Юргин переглянулись.

— Если вы не успеете вернуться до утра, нас уничтожат. — Глория поджала под себя босые ноги и теперь казалась маленькой и беспомощной. — В бункере вы наденете халаты и маски. Пароль — «Мир и счастье тебе».

Как только они вышли из палаты, Вандерберг остановил Юргина, положив ему руку на плечо:

— Таблетки подействовали на мою дочь?

— С вашей дочерью все в порядке,— Юргин глядел туда, где горела одна-единственная лампочка. — Послушайте, Вандерберг, вам не кажется, что вся сигнализация, аппаратура подслушивания, замки — слишком примитивны? Джон Глэй и его сообщники уже не способны создать более совершенные системы. Или отсюда просто нет выхода?

— Отсюда прямой выход в ад,— невесело пошутил Вандерберг. — Интересно, где сейчас мои парни? У них нет таблеток Ленча.

— У них есть главное — способность мыслить. Думаю, Джон Глэй приказал сделать уколы только женщинам. Кто он сам? Маньяк, убежденный фанатик, решивший «осчастливить» всех живущих на земле?

— Я убью его! — с яростью произнес Вандерберг. — Такие не должны жить!

— Тише! — предупредил Юргин, подталкивая пилота к изгибу тоннеля. —— Ложитесь. Счастье наше, что рядом с палатами нет освещения. Пропустим охранника мимо себя.

— Надо свернуть ему шею,— горячо прошептал Вандерберг. — Это так просто.

«Бедняга! — с ужасом подумал Юргин. — Кажется,он сходит с ума».

Ему с огромным трудом удалось уложить Вандерберга на холодные плиты тоннеля. Закрыв ладонью его рот, наблюдал за приближающимся охранником, который, в своем белом балахоне, надвигался на них, как привидение.

Охранник постоял возле палаты Вандерберга, а затем медленно двинулся туда, где был расположен лифт. В темноте послышалось бреньчанье ключей. Затем с лязгом открылись и захлопнулись двери. Протяжно заныла лебедка лифта.

— Скорее бы все кончилось... Это ужасно!.. Вуд сделал уколы своей матери и сестре...

— Вандерберг, вам необходимо вернуться в палату,— неожиданно сказал Юргин. — Отдайте мне фотоаппарат.

— Нет,— подумав, ответил Вандерберг. — Вы не умеете обращаться с ним. Пойдем вместе. Что? Вы думаете, я схожу с ума? Нет, я возбужден и только. Не удивляйтесь, здесь все противоестественно. Здесь создан мини-макет того, что через несколько десятилетий произойдет с землей и со всеми живущими на земле.

— Если мы не остановимся,— возразил Юргин.

— Возможно ли остановить развитие экономики этого стремительно развивающегося молоха? В угоду ей ставятся на карту природа, сущность всего живого. Парадокс, но стремясь обогнать друг друга в развитии, целые страны, действительно, движутся к пропасти. Яд струится над землей. Отравлен воздух, вода, отравлено все человечество. Мы боимся атомной войны, но в то же время создаем нечто более ужасное. Сиюминутные блага разрушают будущее!

— У нас нет времени для споров,— Юргин с ожесточением встряхнул за плечи пилота. — Необходимо действовать.

— Действовать? Во имя чего? — Вандерберг тихо рассмеялся. — Мы все — заложники необузданных желаний.

— Дверь вашей палаты открыта! — почти с ненавистью сказал Юргин. — Можете оставаться в этой могиле. Каждый выбирает свой путь.

— Подождите,— Вандерберг догнал Юргина. — Не смейте отрекаться от меня. Я болен, отравлен, но поверьте, я должен использовать последний шанс!.. Видите свет? Вероятно, там и находится охранник.

Юргин на ходу провел ладонью по влажной стене тоннеля и приложил ее ко лбу. «Бедняга Вандерберг! Он даже не понял сразу, что единственный человек, охранявший бункер с баллонами чистого воздуха, поднялся в лифте».

— Где же охранник? — горячо прошептал за его спиной Вандерберг. — А-а, так его нет? Что же мы стоим?

Юргин не успел удержать пилота. Вандерберг совершенно открыто подошел к освещенному входу бункера и толкнул дверь.

«Если бункер оснащен сигнализацией, мы пропали!» — Юргин с минуту выждал, а затем прошел внутрь бункера.

Вандерберг уже натягивал на плечи халат. Юргин обратил внимание на то, что ряды баллонов с прикрепленными к ним масками разделены невысокой перегородкой. По показаниям манометров стало ясно, что баллоны, находящиеся справа, использованы. Их было достаточно много.

— Одевайтесь быстрее! — приказал он. — Быстрее, черт возьми! Сюда могут прийти за воздухом... Вы берете не тот баллон!

— Зато вы неправильно надели маску,— огрызнулся Вандерберг.— Надевайте, как надевают противогаз.

«Вполне разумное наставление»,— подумал Юргин, поправляя маску. Внезапно его внимание привлекла появившаяся перед ним тень. Он поднял голову и замер; в проходе бункера стояли два закутанных в белые балахоны человека.

— Хэлло! — сказал один из них.

— Хэлло,— немеющими губами ответил Юргин.

— Вы пришли на двадцать минут раньше.

— У нас кончился воздух.

— У вас кончились мозги! — сказал второй, направляя на

Юргина пистолет. — Босс запретил приходить раньше... Что-то мне незнаком твой голос, парень. Назови пароль!

— Мир и счастье тебе,— спокойно ответил Вандерберг.

— Брось, Вилли,— стаскивая с себя маску, сказал стоявший перед Юргиным человек. — Эти парни из дальних цехов. Видишь, они даже не потребовали ответа на пароль... Вечный покой вам!

— Какого черта? — удивился Вилли. — Они не берут пакеты. Надо сказать боссу, что в дальних цехах началось... Им необходим отдых. Что ты делаешь, Макс?

— Достаю пакеты,— человек, которого Вилли назвал Максом, подошел к металлическому ларю, откинул крышку и достал два набитых чем-то пакета. — Возьмите. Я провожу вас к люку.

— Ты с ума сошел, Макс? — лениво пробормотал Вилли. — Эти обезьяны сами найдут дорогу.

— Выйдите из бункера,— еле слышно прошептал Макс, подтолкнув Юргина в плечо.

Вандерберг, а за ним и Юргин вышли из бункера. Пройдя несколько шагов, они заметили, что тоннель сужается. Скоро тоннель сузился настолько, что Вандерберг, раскинув руки коснулся сразу обеих стен.

— Что случилось? — тихо спросил Юргин.

— Мы в западне. Глядите, там впереди проход перекрыт стальным щитом.

— Идите вперед,— послышался позади Юргина спокойный голос.

Вандерберг обернулся, медленно опустил руки, замер. Юргин чуть отклонился в сторону. Теперь у него была возможность мгновенно развернуться и напасть на стоявшего за ним охранника.

— Снимите маску,— так же спокойно попросил охранник. — Не бойтесь, с вами не произойдет ничего плохого... Нет, не вы. Пусть снимет маску ваш товарищ.

— Я? — Вандерберг положил мешавший ему пакет под ноги и медленно стянул с себя маску.

— Вы не узнали меня, командир? Я Макс Лепо, бортмеханик. Неужели вы забыли меня?

— Лепо?!

— Как видите, командир.

— Ты очень изменился, Макс. В бункере я тебя не узнал.

— Прошло столько лет. В живых остались вы и я. Вы — потому что Джону Глэю нужен был пилот, я — потому что безропотно выполнял роль охранника и никогда не работал в цехах. Командир, правда ли, что вся земля уже заражена отходами производства? Джон Глэй...

— Макс,— прервал Вандерберг,— мы должны проникнуть на завод, взять пробу воздуха, сфотографировать работающих там людей и вернуться. Завод уже не принадлежит известной тебе фирме. Многое изменилось.

— Я ждал этого дня. Я ждал! Я нашел способ. Все можно уничтожить. Джон Глэй еще не знает, что продукция его завода уже никому не нужна? Ведь это так, Вандерберг?

— Да.

— Командир, если вы вызовете подозрение, скажите только одно слово — «меч» — и вас не тронут. Это пароль, которым пользуются приближенные Джона Глэя... Возьмите перчатки. Вы забыли надеть перчатки... Как хорошо, что единственная связь между внешним миром и Райским оазисом поддерживается самолетом. Иначе я бы не увидел вас.

— Макс, мы улетим отсюда вместе.

— Нет, командир, я конченый человек. Запомните код шифрограммы, когда я буду открывать люк.

— Макс, а как ты узнал меня?

— На вашей руке татуировка. Вы забыли надеть перчатки, командир.

Когда люк отодвинулся в сторону, Юргин не выдержал, оглянулся; Макс стоял, опустив голову, по его бледному лицу катились слезы.

Довольно скоро Вандерберг и Юргин заметили, что тускло освещенная дорога, по которой они шли, изменила свое направление. Теперь они поднимались круто вверх. Минут через двадцать они вышли из тоннеля и оказались в мертвой роще. В слабом свете поднимающейся луны роща казалась чудовищной декорацией. Ни единого листочка не было на ветвях. Черноглянцевые деревья, черная земля под ними.

На выходе из рощи дорогу пересек ручей. Юргин остановился на огражденном перилами мостике и спросил Вандерберга:

— Вы сфотографировали рощу?

— Да,— тяжело дыша, ответил Вандерберг. — Юргин, вы идете слишком быстро. Тяжело дышать. Может быть, посидим у ручья?

— А вы уверены, что на это у нас есть время? Надолго ли хватит воздуха в баллонах?

— Какое странное облако! Оно похоже на медузу с желтыми щупальцами.

— Это дым. Впереди завод. Обратите внимание вон на те вросшие в землю черные кубы. Соберитесь с духом, Вандерберг. Неизвестно, что нас ожидает.

— Быстрее к деревьям! — дрогнувшим голосом сказал Вандерберг. — Кто-то идет нам навстречу. Бог мой!

— Пароль? — раздался впереди приглушенный маской голос, и тут же луч электрического фонаря упал на стоявшего впереди пилота.

Юргин заметил, что вся крупная фигура Вандерберга както неестественно вздрагивает и раскачивается, словно его бьет током.

— Пароль?!

— Меч! — ответил потрясенный не менее своего спутника Юргин.

Теперь и он разглядел, кого гонит перед собой верзила охранник. Две согбенные, изможденные до предела, совершенно голые женщины, еле передвигая ноги, направились к Вандербергу.

— Стоять! — рявкнул охранник и дважды взмахнул зажатым в левой руке хлыстом. — Послушайте вы, любимчики босса, спрячьте пакеты за спины, они вам еще пригодятся.

Он полоснул лучом по лицам женщин, и те отступили. Темнокожая принялась неловко растирать ушибленное место, а ее белокурая подруга вдруг тихо рассмеялась и стала кокетливо накручивать тонкими, как прутья, пальцами спутанные волосы.

— Снимайте,— попросил Юргин Вандерберга. — Где фотоаппарат?

— Микровспышка может насторожить охранника.

— Для него мы — любимчики босса только.

— Развлекаетесь? — охранник кнутовищем оттеснил женщин с дороги на тропинку. — Не вздумайте курить, это вам дорого обойдется.

— Он подумал, что я чиркнул зажигалкой,— Вандерберг провел ладонью так, словно пытался содрать с лица маску. — Эй, куда вы ведете бедолаг? И почему они без масок?

— Зачем маски таким красавицам? — охранник захохотал так, что запрыгал подвязанный к его поясу пакет. — К... красавицы! Ах-ха-ха-ха! Примадонны!.. Они устали и желают отдохнуть. Шевелитесь, красавицы... Они полностью счастливы! Желаете, можете посмотреть, где они отдыхают? Довольно занятное зрелище!

— Можно,— Вандерберг нервно оттолкнул руку Юргина и зашагал вслед за охранником.

Охранник поднял фонарь так, что пятно света заскользило впереди женщин. Вначале они испугались, а затем, протягивая к нему руки, заковыляли намного быстрее. Их движения были настолько неуверенно шатки, что они то и дело теряли тропу, бились о торчащие из земли камни, вскрикивали, раня ноги, и вновь тянулись к светлому бегущему от них пятнышку. Это было похоже на игру дьявола, который потешался над потерявшими разум людьми.

Стыд, отвращение к самому себе за то, что не смог уговорить пилота остаться в палате, заставляли Юргина двигаться позади этой печально-отвратительной группы. Он надеялся, что Вандерберг опомнится, придет в себя, как это было в тоннеле.

Тропа повернула круто направо. Впереди что-то булькало. Пахнуло горячим воздухом.

«Вероятно, мы приблизились туда, где живут эти бедняги,— подумал Юргин. — Но где строение? Неужели они живут в пе-

щере?.. Впереди какой-то провал, именно оттуда поднимается горячий воздух».

Луч фонаря замер. Замерли и женщины, не решаясь коснуться этого единственно светлого на черной земле пятна. Охранник засунул руку в пакет, вытащил из него что-то и бросил, стараясь попасть в круг света. Это был кусок мяса.

Женщины с визгом вцепились друг в друга, каждая пыталась оттащить соперницу от лакомого куска. От неимоверных для них усилий, выперлись под дряблой кожей кости, и казалось, вот-вот прорвут ее.

— Прекрати! — хрипло выдохнул Вандерберг.

— Так вы не хотите развлекаться,— разочарованно пробормотал охранник и носком ботинка сбросил мясо туда, откуда поднимался горячий воздух.

Женщины метнулись за канувшим в черноту куском мяса. Раздались душераздирающие вопли, от которых Юргин едва не потерял сознание. Он увидел, как Вандерберг вырвал у охранника фонарь и нанес ему страшный удар в живот. Луч фонаря на секунду высветлил клокочущую яму, корчащиеся в агонии тела. Юргину стало плохо.

Очнулся он от сильных ударов по лицу. С трудом поднял голову и в ужасе прошептал:

— Я ничего не вижу!

— Сдвинулась маска,— послышался глухой голос Вандерберга. — Сейчас поправлю... Вот так!

— Что это было? — с содроганием спросил Юргин.

Вандерберг промолчал.

— Что это было?!

— Они уничтожают тех, кто уже не может работать. Сжигают в извести. Вы сможете подняться?

Юргин утвердительно качнул головой.

Воспользовавшись все тем же магическим паролем, они проникли на завод. Цеха, отделенные друг от друга герметичными переборками, поражали своим запустением, грязью. Приходилось обходить зловонные кучи отходов, чтобы добраться к стоящим конвейерам, возле которых копошились люди в масках. Работа шла очень медленно.

— Это агония,— сказал Вандерберг, когда они прошли в очередной цех. — Видите, здесь работают без масок. Только охрана пользуется баллонами с сжатым воздухом.

— В цехе работают темнокожие. Люди племени Мако,— неосторожно, довольно громко произнес Юргин.

— Мако, Мако,— стоящая неподалеку женщина, наполняющая бутылки какой-то темной жидкостью, судорожно сглотнула слюну и протянула дрожащую руку к Вандербергу. — Мако хочет есть.

Только пилот успел сунуть ей кусочек мяса, как десятки голосов повторили её просьбу. Бросив работу, сбившись в одну плотную кучу, люди медленно наступали на пятившегося Ван-

дерберга. Сверкали голодные глаза, тянулись исхудалые руки.

— Мако хочет есть! Мако хочет есть!

Прозвучала сирена. Ворвались люди в масках. Кто-то из темнокожих попытался пробиться сквозь их шеренгу. На него посыпались удары.

Когда порядок был восстановлен, к Юргину и Вандербергу подбежал маленький толстый человечек и, сверкая из-под стёкол маски острыми глазками, засипел так, что прикрывавшая губы резина оттопырилась:

— Зачем вы дали мясо? Они должны работать! Если хотите позабавиться, пройдите в малый цех, накормите детей!

— Именно это мы и хотели сделать,— нашёлся Юргин.— Как нам туда пройти?

— Вы что новенькие? — толстяк изумлённо шлёпнул себя рукавицами по бокам.— Назовите пароль!

— Меч,— стараясь казаться спокойным, произнёс Юргин.

— Вот сюда, через люк и вентиляционную камеру, — толстяк удивлённо покрутил головой, насколько мог поджал живот и стал похож на проколотый резиновый мяч.

Возле второго люка Вандерберг и Юргин остановились. Они услышали похожие на птичье щебетанье голоса детей. Люк откинулся, и Юргин с Вандербергом внезапно увидели человека без маски. Узкое морщинистое лицо его было искажено страхом. Он подобострастно попятился, пропуская нежданных гостей и тут же начал оправдываться:

— Я не виноват... Мне приказали... Дети только перевезут ящики с продукцией на склад и вернутся в главный тоннель.

— Почему они без масок? — Юргин оглядел притихших детей; старшему было лет десять.

Каждый, даже самый маленький, держался за прикреплённые к ящикам верёвки.

— Это, как игра... Они должны отвезти ящики на склад... Вуд приказал! У нас не хватает рабочих.

— Как вы поведете детей без масок назад? — сурово спросил Вандерберг.

— По малому тоннелю. Он хорошо вентилируется.

— Покажите! — Вандерберг положил возле ног старика пакет с мясом. — Накормите детей и немедленно уведите отсюда. Это приказ Джона Глэя.

— Джон Глэй узнал?! Я говорил Вуду, что он будет против... А вы? Вы разве не вернетесь в цеха? Я слышал сирену.

— Нет. Нас вызывает Джон Глэй.

...Макс Лепо встретил их возле бункера.

— Вам надо бежать немедленно! — сказал он.— Пропал охранник. Джон Глэй направил к заводу всех своих телохранителей. Странно, что вы не встретились с ними.

— Мы прошли по малому тоннелю,— объяснил Вандерберг. — Макс, ты пойдешь с нами.

— Нет, командир. Я должен успеть. Если Джон Глэй узнает, что вы побывали на заводе и бежали, он выпустит через вентиляционные трубы все хранящиеся на складе отравляющие вещества, и тогда на сотни миль вокруг не останется ничего живого... Джон Глэй и Вуд дежурят в будке связистов, они ждут донесений с завода.

— Макс, но мы не можем бросить своих товарищей!

— Глория и Флора наверху. Ваши товарищи ожидают вас в лифте. Я сделал всё, что мог.

— Макс!

— Прощайте, командир,— Макс отвернулся.— Не мешайте, мне надо подобрать баллоны и маску.

...Джон Глэй первым заметил мелькнувшую возле самолета тень. Отодвинув герметизирующие задвижки, приоткрыл форточку; кто-то еле слышно постукивал под фюзеляжем, где находился люк технического отсека.

— Вуд! — окликнул Джон Глэй.— Возьми автомат и отправляйся к самолёту.

— Что-нибудь случилось? — Вуд лениво поднялся, повесил на рычаг трубку телефона, нехотя взял автомат.

— Их больше, чем я предполагал, — Джон Глэй вытер со лба пот. — Сейчас они проникнут в технический отсек, затем в кабину. Вуд, надо успеть прежде, чем они запустят моторы.

— Кто сможет запустить моторы, если пилоты нежатся со своими возлюбленными? — равнодушно возразил Вуд.

— Включи прожектор, идиот! — закричал Джон Глэй. Они уже в кабине!

Вуд включил прожектор. Ослепительно сверкающий луч упал на взлётное поле, поднялся выше. Джон Глэй увидел, как дрогнули, а затем стремительно завращались воздушные винты самолёта. Донёсся усиливающийся рокот моторов. Вуд выбежал из будки.

— Стреляй по кабине, Вуд! По кабине! Не давай им развернуться! — кричал не успевающий за ним Джон Глэй. Пробежав несколько шагов, он почувствовал, что задыхается. Остановился, пытаясь достать пистолет. Пальцы не слушались. — Стреляй, Ву-уд!— прохрипел Джон Глэй.

Внезапно боковая дверь самолета открылась, из нее выскользнула тонкая женская фигурка.

— Глория! — узнал Джон Глэй.

Да, это была она, и она преградила путь бегущему Вуду.

Самолёт сдвинулся с места. Вуд растерялся. Его поразило, что женщина не убегала, а шла навстречу. Ветер от винтов развернувшегося самолёта развевал её волосы. Вуд поднял автомат, выждал,когда женщина подойдёт ближе, и нажал на спусковой крючок.

Джон Глэй не расслышал выстрелов. Нечто более страшное отвлекло его внимание. Погас прожектор, как видно, отказала

система энергоснабжения, но в центре Райского оазиса, там, где находился завод, возникло, ширилось, поднималось вверх какое-то новое свечение; вначале бледно-жёлтое, оно постепенно окрашивалось в более яркие тона — и вот, в черном, взметнулись алые круто изогнутые языки пламени.

Самолет пронёсся над горящими складами завода, развернулся, прощально покачал крыльями.

Джон Глэй не знал, с кем прощается Вандерберг, но осознал своим гипертрофированным умом, что всё кончено; идея тотального разрушения уничтожила его самого. Он проводил безумным взглядом плывущие в небе звёздочки аэронавигационных огней, поднял пистолет на уровне своего виска и выстрелил.

— Командир, начинается рассвет, — сказал второй пилот.

— Да, француз, начинается рассвет, — неровным голосом откликнулся Вандерберг. — Мы правильно держим курс, англичанин?

— Разве вы забыли наши имена, командир? — штурман обиженно пожал плечами. — Я тоже рисковал своей жизнью!

— Каждый из нас рисковал жизнью для своего собственного народа, все вместе — ради всех живущих на земле, — отрезал Вандерберг.

— Понятно, командир,— штурман оглянулся. — Русский и девчонка смотрят в иллюминатор... Она, что, никогда не летала на самолёте? Держится за русского, как за спасательный круг.— Лицо Вандерберга исказила странная гримаса.

Поднимающееся из-за горизонта солнце окрасило облака в нежно-розовый цвет. Под крылом самолёта проплыло бирюзовое озеро, тёмно-зелёный лес. Самолёт, изменив курс, пошёл на снижение.

— Люди, наденьте маски! — внезапно раздался громкий голос Вандерберга.— Дым... Я ничего не вижу из-за дыма... Будь прокляты эти дымы!

— Командир, что вы делаете? — второй пилот потянул штурвал на себя. — Вы вводите самолет в пикирование!

— Будь прокляты эти дымы! Оденьте маски!

— Юргин, помогите мне! — закричал штурман, пытаясь оторвать руки Вандерберга от штурвала. — Быстрее!

Юргин бросился к кабине.

Самолёт пронёсся в нескольких метрах над трубами медеплавильного завода, над крышами городских домов, со скольжением потерял высоту, выровнялся у самой земли и мягко коснулся бетонной полосы.

Второй пилот, подчиняясь сигналам стоящего на земле человека, остановил самолёт рядом с чёрными автомашинами, возле которых уже толпились представители прессы. Штурман выпустил трап.

Игорь ПОДГАЙНЫЙ

СУВЕНИР

Сувенир — художественное изделие, какой-либо предмет как память о посещении страны, города и т. д., а также о ком-либо.

Теперь-то я совершенно точно знаю, с чего всё началось. Но для этого пришлось накопить, как говорят кибернетики, определённый банк данных. Потребовалось время, чтобы спокойно и непредвзято осмыслить те ситуации, в которых довелось нам побывать и выбраться, что называется «сухими из воды», понадобилась встреча с Евгением...

Познание — это ещё не есть знание. А само знание не всегда является плодом аналитического мышления, подчас основную роль играет слепой случай. В этой истории ключом к пониманию событий и, в конечном счёте, к непредсказуемому финалу также послужила совершеннейшая случайность.

I

Отпуск, как правило, я стараюсь проводить в горах, твёрдо будучи убежден, что только здесь можно снять накопившиеся нервно-стрессовые нагрузки и хорошенько припугнуть пресловутую гиподинамию. На этот раз мы вместе с моим старинным приятелем, довольно известным в республике геологом Виктором Ш., решили добраться до высокогорного озера Сары-Челек. Я там ещё ни разу не был и, кроме того, меня интересовали слухи о каком-то загадочном существе, виденном, якобы, в тех краях местными старожилами.

Виктор, вдоль и поперёк исходивший весь Тянь-Шань, предложение поддержал в свойственной ему манере:

— Нечего таскаться невесть куда, у себя под носом чудес хватает.

На осторожно высказанное сомнение, будет ли ему интересно вновь пойти уже хоженными путями, он только хмыкнул и пробормотал что-то насчёт разницы между рисовой кашей и узбекским пловом. Под последним он подразумевал, по-видимому, отпуск...

Наш зелёный «Москвич» с натугой карабкался по тугим спиралям круто уходившего вверх серпантина головокружительной трассы. С обеих сторон блекло-серое полотно дороги и сбегающую вниз горную речку тесно сжимали каменные громады. Кое-где на крохотных пятачках ровной земли зацепились разноцветные домики пчелиных ульев, иногда сиротливо чернела

одинокая юрта. Там и сям на крутых склонах маячили аккуратные зелёные ленточки. Это сборщики лекарственных трав сушили на солнце срезанную эфедру.

До знаменитого туннельного перевала Туя-Ашу было ещё довольно далеко, когда Виктор свернул машину в неожиданно открывшееся за скальным выступом узенькое, но всё же какое-то чрезвычайно светлое и радостное ущелье. На дне его звенел и плескался прозрачный пенистый ручеек. Плохо накатанная дорога-тропа тянулась вдоль его береговых откосов, скрываясь в густых зарослях барбариса и облепихи.

— Чон-Мазар,— сказал Виктор. Но я уже и сам догадался, куда нас занесло: слишком много был наслышан об этом удивительном, практически бесснежном во все времена года урочище. Тем не менее это меня несколько озадачило, так как его посещение не входило в план нашего маршрута. Виктор как будто уловил моё недоумение: «Поедем, покажу тебе карстовые пещеры. Обитателю равнин это всегда интересно».

Помнится, я ещё подумал, что, очевидно, у него имеется какой-то свой профессиональный интерес, но спрашивать не стал: захочет, сам скажет, нет — и так увижу.

Между тем наше не очень мощное транспортное средство, переваливаясь с камня на камень, добралось наконец до огромной гранитной глыбы, свалившейся откуда-то сверху — и напрочь закупорившей проезжую часть.

— Перст судьбы,— выдвинул я гипотезу, оглядываясь как бы поудобнее развернуться. Но Виктор мои философские изыскания никак не воспринял. Среди вещей он разыскал свой объёмистый, неизвестно чем нашпигованный рюкзак, сунул мне в руки геологический молоток, сумку с продуктами и молча двинулся в обход каменного препятствия. Мне ничего другого не оставалось как последовать за ним, громко негодуя на его черствость и сухой геологический профессионализм, мешающий спокойному созерцанию ландшафта.

После трехчасового лазанья по скалам мы забрались в какую-то дикую расщелину, без единого кустика, без следа даже чахлой травинки. Честное слово, своей безжизненностью она удивительно напоминала лунный пейзаж. Голые базальтовые скалы, тягучие осколочные осыпи и камни, камни, камни. Были правда, ещё две небольшие пещерки, тёмные и мрачные, и больше, пожалуй, ничего, заслуживающего внимания. По крайней мере, на мой взгляд, так как Виктор, вооружившись молотком, полез колотить им скалы и делал это со сноровкой завзятого молотобойца. В конце концов мне все это изрядно надоело, и я решил заняться нехитрыми хозяйскими заботами: выбрал ровную площадку и застелил её куском брезента — подготовил стол. На середину его вытряхнул банки, склянки, мешочки с продуктами. Все это старательно раскидал по брезенту и побрел собирать топливо для костра. Легко сказать — собирать, попробуй найти дрова там, где ничего не растёт.

По склону горы я возвращался к нашему бивуаку после длительного, однако всё же не бесплодного сбора сухих хворостинок и стеблей колючего татарника, когда последний малиновый луч падающего за гору солнца вдруг превратился в яркую звёздочку, вспыхнувшую на пологом склоне щебнистой осыпи. Явление было столь неожиданным и так меня поразило, что руки сами собой выпустили охапку с таким трудом добытого валежника. «Что же там может быть?» — совещался я сам с собой, а ноги уже тащили усталое тело вновь вверх, по ползущей из-под ступней щебенке. «Ну, если это просто консервная банка, тогда... Что тогда? Тогда, наверное, я просто осёл, раз опять полез на кручу. Нет, осёл в квадрате»,— убежденно поправил я себя, споткнувшись о камень и больно ударившись коленкой. Но в малопочтенного и упрямого хвостатого мне превратиться было не суждено.

Среди россыпи рваного камня, словно в гнёздышке, лежало и искрилось полированным боком крупное серебряное яйцо. Оно было довольно тяжелым и тёплым на ощупь. С интересом рассматривая находку, я обнаружил, что она имела не симметричную форму — острый конец был наискось срезан и являл идеально ровную гладкую поверхность. В ней, как в кривом зеркале, отражалась моя давно уже не бритая физиономия. Любопытно, что ж это за материал такой? Уж не серебро ли взаправду? Тогда почему оно тёплое, если от холода изо рта идёт пар? (Я забыл сказать, что с наступлением сумерек географическое понятие Средняя Азия здесь вполне можно воспринимать как нечто сродное Гренландии. Если преувеличение и имеется, то совсем небольшое.) Как известно из школьного курса физики, всякий металл обладает блеском. Поэтому ничтоже сумняшеся, вооруженный столь необходимым знанием, я тут же прочертил перочинным ножом длинную царапину прямо поперёк своего изображения. Да, блеск был! Действительно был в прошедшем времени, так как буквально через две-три секунды от царапины не осталось и следа. Она на моих глазах просто-напросто растворилась. Вот это чудеса! Похоже, я счастливчик: наткнулся на нечто такое, чего наша наука ещё не знает? Минерал, рожденный в недрах горных пород подобно алмазам в кимберлитовых трубках? Или самородок неизвестного металла? А может, это осколок метеорита? Пока я почти на ощупь добирался в темноте до нашего бивуака, меня одолевали все новые и новые версии относительно происхождения странного предмета.

Ночью, сидя у костра, я показал Виктору свою находку. Он очень внимательно её осмотрел, насколько это возможно при неверных отблесках пламени, зачем-то несколько раз подбросил на руке, кажется, даже хотел попробовать «на зуб», но воздержался. Выводов тоже делать не стал — утро вечера мудренее.

Плотно поужинав, мы забрались в спальные мешки и заснули. Помню, той ночью мне снились серебряные круглые

камешки, с сухим перестуком лавой катившиеся вниз по расщелине прямо на нас с Виктором, запутавшихся и отчаянно бьющихся в своих неудобных спальниках, подобно рыбе в сети...

Проснулись мы почти одновременно и оба в дурном настроении, наверное товарищу моему тоже пригрезилась какая-нибудь чепуха. Но он об этом промолчал и только уже много позже, ознакомившись с черновиком рукописи данной истории, признался, что видел тот же самый сон с точностью до отдельных деталей. И в доказательство напомнил некоторые моменты, которые я уже сам позабыл. (Поразительное «совпадение», не правда ли?!)

После завтрака Виктор проделал мой давешний опыт с царапиной. Затем извлёк из своего рюкзака какие-то химические реактивы и долго поливал ими камень, несмотря на мои настойчивые просьбы не портить такое произведение природы. Однако «произведение» легко выстояло даже в поединке с «царской водкой», более того, оказалось совершенно невосприимчивым вообще ни к каким кислотам и щелочам. Притом, оно продолжало сохранять повышенную температуру, словно являло собой миниатюрный реактор. Виктор был совершенно обескуражен (думаю, более всего тем обстоятельством, что не мог подобрать приличествующую случаю геологическую теорию). Он заставил меня показать точное место находки, и мы облазили все близлежащие кручи в поисках ещё чего-нибудь подобного, но тщетно. Тогда Виктор сложил небольшой каменный тур, очевидно, расчитывая сюда вернуться, и затем мы покинули нашу стоянку.

На перевале Туя-Ашу, как всегда, гулял ветер. Он крутил в воздухе мелкую снежную крупку и с силой кидал ее в ветровое стекло. Сумрачный тяжёлый небосклон придавил к земле несколько обшарпанных строений, напоминавших овечьи кошары. Здесь ежегодно проводила летний сезон научная экспедиция медицинского института, в составе которой были и наши друзья. Однако мы не стали задерживаться — какие уж тут встречи, когда вокруг серая мгла со снегом, от одного вида которой коченеют конечности. Пропустив встречный караван машин, мы вслед за тяжёлым самосвалом нырнули в тёмное сырое жерло знаменитого туннеля. Минут через пятнадцать гора нас вытолкнула на противоположный свой склон, где по-летнему сияло солнце, купаясь лучами в свежей зелени лежащей внизу долины.

Два дня мы провели в этом своеобразном, суровом и все же по-своему очаровательном уголке Тянь-Шаня. Собирали белые грибы на пологих земляных склонах адыров, в тихих речных заводях ловили радужную форель. Пожалуй, не было бы нужды об этом вообще упоминать, если бы не одно НО! Грибы мне попадались почему-то все крупные, отборные, без единого червя. При этом я совершенно точно знал, куда за ними нужно идти. В то же время, спроси меня кто-нибудь, откуда вдруг такое

знание, я не мог бы ответить ничего вразумительного. То же самое происходило и на рыбной ловле. Пока Виктор вытаскивал одну чахлую полузадохнувшуюся от испуга рыбешку, у меня в садок успевало попадать не менее пяти-шести великолепных экземпляров. В результате мой друг до того меня зауважал, что чуть было при обращении не перешел на Вы. Все это, несомненно, льстило моему самолюбию. И только потом, при тщательном анализе нашего путешествия, я установил истинную причину столь редкого везения: все это время в кармане моей видавшей виды штормовки покоилась серебристая находка из Чон-Мазара.

Итак — дальше. Ошский тракт, прогнувшись в низине, теперь компенсировал свою уступчивость, как если бы это было на шоссе, а широкая плоская пружина, нагруженная посередине. Подъём, сначала малоощутимый, а затем всё более крутой, тихо и незаметно умерил резвую прыть «Москвича». Когда начали втягиваться на долгий и тягучий перевал Ала-Бель, вновь пошёл снег. А у меня возникло неприятное томительное чувство безысходности. Научного объяснения этому феномену пока нет, но известно немало достоверных случаев, когда люди заранее, без видимых на то оснований, явственно ощущали ожидающую их опасность. То же самое, вероятно, происходило и со мной. Не знаю, может быть, гнетущее ощущение появилось ещё раньше, но точно помню, как холодно защемило в груди, когда пошёл снег. И чем выше мы забирались в горы, тем сильнее нарастал внутренний протест против дальнейшего продвижения вперёд. В ушах плескался нудный, непрекращающийся звон, лоб и щёки горели, на фоне никогда ранее не слышанной мелодии рождались и гасли хаотичные обрывки мыслей. Сквозь горячечный туман настойчиво и властно пробивалось — не моё, а откудато извне — желание во что бы то ни стало остановиться, вернуться назад в спокойную зелёную долину. Я боялся смотреть на Виктора, боялся ненароком помешать ему управлять машиной, однако переферийным зрением видел, как по его лицу стекали и тяжело падали неправдоподобно крупные капли пота. Он даже не вытирал их. Сбросив перчатки, как будто ему было очень жарко, вцепившись обеими руками в рулевое колесо и сжав зубы так, что лицо исказилось гримасой боли, он, казалось, действовал как слепой, не управляемый манекен, ничего не видя, ничего не слыша. Потом он мне скажет, что вёл машину на верхнем пределе своих сил, крайним напряжением подавляя желание вывернуть руль влево, на разворот.

Автомобиль между тем упрямо полз вперёд. Безудержный, надсадный вой двигателя сменился более низкими тонами — наконец-то мы взобрались на водораздел. Заметно прибавилась скорость, очевидно, дорога шла под уклон. Изменился пейзаж: голые, тоскливо однообразные склоны зазубренных кряжей оживились сочными голубыми мазками тянь-шаньских

елей. У меня даже как-то отлегло от сердца. И тут неожиданно в окружающем ледово-каменном мире что-то произошло. Мы ещё не знали, что именно, но почувствовали сразу, одновременно...

— Дави! — заорал я. И мой товарищ изо всех сил вжал до предела педаль акселератора. Меня буквально вдавило в сиденье. В следующую секунду раздался оглушительный пушечный залп, потрясший мёртвую тишину, и сверху, с огромной высоты, начала надвигаться колоссальных размеров мохнатая белая шуба. За ней, ширясь и стараясь не отставать, следовало пушистое клубящееся облако, застилающее стройные силуэты замёрзших елей. Все слилось в непроницаемую туманную мглу, сквозь которую с ревом рвался механический болид с двумя почти потерявшими рассудок пассажирами. Мы сжались, уменьшились до микроскопических размеров и превратились в пулю, пронзающую тьму барашковой шкуры. Скоротечность явлений бросила нас на грань микро-и макромира. Что преобладало в нашем восприятии окружающей реальности, трудно сказать, в любое мгновение мы могли оказаться по другую сторону барьера...

И всё же мы не захотели уйти туда, где не существует ничего, даже законов физики. Очевидно поэтому наше стремительное движение по прямой кончилось немыслимым виражом, и машина из последних сил, зацепившись за край дороги, остановилась у... Впрочем, там ничего не было. Впереди раскрывала объятия бесконечная пустота. Такая же пустота была и внутри нас. Ни чувств, ни эмоций, ни сил. Сзади, буквально в десятке метров, дорожное полотно ныряло под возникшую в одночасье крутую снежную сопку. И мы не были в этом кургане погребены! Обманув судьбу, мы сидели рядом в разогретой машине и ошалело разглядывали предназначавшееся нам монументальное надгробие. Слов не было. Мыслей — тоже.

И снова дорога, дорога, дорога. Убегает назад горная панорама Чичкана с неповторимыми скульптурными изваяниями, воздвигнутыми в свою честь природой, ажурными мечтами электропередач, непостижимо как забравшимися в недоступные выси, бурной порожистой рекой. Но ощущение от этих контрастов какое-то неполное, размытое — очевидно, мы еще не оправились от пережитого шока. Хорошо было бы принять что-нибудь успокоительное. Но такового, к сожалению, в походной аптечке не предусмотрено, а мы взять с собой не догадались.

Между тем справа, словно в волшебной сказке, вырисовались контуры абсолютно правильной четырёхгранной пирамиды. Ее ступенчатые стены сверкали ослепительным серебряным блеском в лучах полуденного солнца. Возникшее видение несколько странно подействовало на моего спутника. Он вдруг резко сбросил скорость и начал с опаской оглядываться по сторонам. Невольно заражаясь его примером, я тоже завертел головой.

Но вокруг — ничего... По крайней мере, явной опасности не было. Да, нервы, очевидно, начали сдавать; неважный признак для отпускников, тем более автотуристов. Не успел я как следует переварить эту мысль, как мы уже вновь оказались в критической ситуации. Ну не мистика ли?! Несмотря на весь наш закоренелый материализм, в тот момент впору было увериться, что какая-то неведомая сила то ли преследует, то ли оберегает нас от беды. Машина как раз вписалась в крутой поворот, и через сплошную листву густого рябинника, заслонившего обзор, мы буквально в самый последний момент заметили тёмную стену, выросшую на пути. Мощный трайлер полностью перегородил проезжую часть дороги и, окутываясь едким дымом, делал судорожные попытки развернуться.

Как уже говорилось, Виктор словно заранее был подготовлен к подобному исходу. Он резко увел руль вправо и остановился, не доехав каких-то полметра до ревущего мастодонта.

Меня просто ошеломила его интуация, ведь, не сбавь он вовремя скорость... Я с содраганием представил груду искареженного зеленого металла — цвет нашего «Москвича», и в ней, где-то внутри, два сплющенных в лепёшку тела. Ясно, как божий день, что нам вновь улыбнулась фортуна. Да что тут говорить, в жизни такое бывает не часто: два раза подряд сыграть в поддавки с костлявой и выкрутиться при этом без единой царапины. Мы смело могли поздравить себя с днём рождения.

Чтобы не искушать судьбу, было решено, что на сегодня с нас хватит. Рядом нашелся как будто специально подготовленный спуск к реке, и мы, конечно, не преминули воспользоваться им, загнав автомобиль под сень раскидистых деревьев. Отсюда загадочная пирамида была видна как на ладони. Впрочем, покров тайны был сброшен довольно скоро, когда по дороге в сторону Фрунзе прогромыхала колонна тяжёлых самосвалов, груженных искрящимися мраморными глыбами. Серебряная гора оказалась прозаическим карьером. Открывшееся обстоятельство однако нисколько не поколебало нашу романтическую настроенность, ибо красота — всегда красота. Обидно только, что видеть её, наслаждаться ею может далеко не каждый.

Ночевали на открытом воздухе у костра. Перед самым сном Виктор сказал, как-то странно посмотрев на меня:

— Знаешь, я вновь почувствовал это... Как тогда, на перевале. Поэтому я затормозил, хотя впереди как будто ничего не было... Никак не могу понять... Может, парапсихология какая, а?

Он умолк и, кажется, вскоре уснул. А я долго размышлял, сопоставляя события последних дней, но в голову ничего путного не шло. И уже в дремотном парении меня посетила мысль, от которой я даже привскочил. Но тут же лёг вновь — она была чересчур фантастической.

По-видимому, нет необходимости живописать неповторимые пейзажи трассы над обрывистыми берегами могучего Нарына

или картины голой, всхолмленной долины, от которой остаётся одно полное ощущение — первобытного царства жёлтой глины. Не буду подробно рассказывать и о реликтовых ореховых лесах Сары-Челека, напоенных ароматами множества удивительных трав. Все это, к сожалению, не имеет отношения к сюжету рассказа, хотя рука сама тянется сделать робкую попытку хотя бы приблизительно отобразить тот или иной волшебный уголок Востока, на которые мать-природа так щедро отпустила немыслимую палитру красок.

За весь оставшийся путь с нами ничего из ряда вон выходящего не произошло (обычные мелкие дорожные происшествия — не в счет). Мы благополучно достигли конечной цели своего вояжа.

Итак — Сары-Челек. Три горных озера, как три голубых сапфира в оправе из бирюзовых хвойных лесов и белизны снежных вершин. Одно озеро — большое, два других — совсем крохотные. Сюда подходит узкая грунтовая дорога, по которой возят «культурных» туристов. Вся зона вокруг — заповедная, поэтому туристы, вволю нафотографировавшись и омочив пальцы ног в прозрачной очень холодной воде, вынуждены через несколько часов ретироваться вниз, в долину, на свою турбазу, где их ждут горячий ужин, набор стандартных развлечений и тёплая постель. Бродячих же горных путешественников-одиночек сюда попросту не пускают.

Что касается нас, то мы попали в это святая святых, лишь благодаря тому обстоятельству, что Виктор здесь работал некоторое время с геологической партией и, как оказалось, был достаточно популярен у местного начальства. По этой причине для нас сделали исключение и разрешили разбить палатку прямо на травянистом берегу большого озера. Более того, в качестве дружеского жеста предоставили возможность пользоваться моторной лодкой.

Как-то неудобно об этом писать, но должен честно признаться: у меня сразу так и зачесались руки попытать рыбацкого счастья, хотя, как известно, места эти заповедные, и ловить рыбу категорически запрещается. А ее здесь, надо сказать, просто кишмя кишит. На прибрежных отмелях здоровенные маринки греют свои веретенообразные тела, нахально так, словно уверены, что на них не найдется охотника. Посмотрел я, посмотрел на такие чудеса и, каюсь, не выдержал, решил нарушить запрет. С совестью же своей довольно быстро сошелся на том, что если удастся что-либо поймать, то добыча обязательно будет отпущена. Ведь, в сущности, не в рыбе дело, главное охотничий азарт испытать, вибрирующую от напряжения леску почувствовать. На том я сам с собой и порешил.

Чуть свет — еще только макушки пиков порозовели, выполз я по-пластунски из нашего брезентового дома — друг мой даже ухом не повел — и двинулся по росной траве напрямую к им-

провизированному причалу — полузатопленной сучковатой коряге. В боковом кармане моей штормовки о что-то позвякивала плоская металлическая коробочка с нехитрой рыболовной снастью, приготовленной загодя. Другой карман оттопыривала консервная банка с накопанными прошлым вечером червями. Таким образом, к браконьерским действиям я был подготовлен и, что называется, материально.

Чтобы не нарушить покой еще не проснувшейся природы, а в большой степени (если уж откровенно), чтобы не будить Виктора и не ставить под сомнение реализацию намеченной затеи, от берега я отошел на веслах и греб до тех пор, пока наша оранжевая палатка не превратилась в маленькое пятнышко, чуть различимое в предутренней тени. Тогда только, почувствовав полную безопасность и безнаказанность, опустил винт и, как сейчас помню, долго дергал за шнур стартера. Мотор чихал, как простуженный, и никак не хотел заводиться, а я все дергал и дёргал проклятую веревку. Наконец, не выдержав борьбы, он сдался и, как бы в оправдание за свою строптивость, бодро потянул лодку, надвое разваливая зеркальную поверхность.

Путь мой лежал к противоположному берегу, представлявшему собой очень высокую скалистую стену, отвесно падавшую в воду. По суше к этим местам подобраться было совершенно невозможно, а, по моим предположениям, глубины здесь должны были быть большими. Такая перспектива собственно и привлекала. Всем рыбакам почему-то всегда кажется, что чем большая под тобой глубина, тем крупнее там водится рыба. Впрочем, это наблюдение не лишено основания. Облюбовав себе ориентир, последние метров двести я вновь подгребал на веслах — по старой привычке соблюдать на месте лова полнейшую тишину. В этот момент солнце как раз перебросило свои лучи через горы и нежно окунуло их в воду, а она здесь, надо сказать, хо-о-лодная! И ощущение еще больше усиливается темнотой подводного сумрака.

Глубина действительно оказалась большой. Тридцатиметровая веревка, с привязанным на конце камнем, дна не доставала. Ничего другого не оставалось, как положиться на волю волн и ветра. К счастью, ни того, ни другого не было — день начинался удивительно тихо. Потому выполняемый маневр назывался «дрейф на месте».

Когда я, трясущимися от азарта руками, распутывал свалявшуюся в клубок леску, из-под лодки выскочила здоровенная рыбина и, зависнув в воздухе, с шумным плеском шлепнулась обратно в свою родную стихию. Мне показалось, что она с любознательным нахальством глядела на мои жалкие потуги. Ну ж ты, погоди! Непослушными пальцами мне удалось насадить на крючок червя. Крючок что надо — «сазанья десятка», кованый! Ну ж ты, погоди! Не успела прозрачная нить скользнуть в воду, как резкий рывок чуть не вырвал у меня снасть из рук. Такой

дерзости я, признаться, не ожидал, думал, что, как обычно, рыба походит, подумает. А тут — на тебе! С ходу! И экземпляр оказался увесистый, килограмма на три, никак не меньше. Через минуту опять тяну. Там что-то сопротивляется, да сильно так! Я тоже! Как известно, сила действия равна силе противодействия. Но я ногами в лодку упираюсь, а значит у меня силы все-таки больше. Потому вторая красавица тоже на дне лодки бьется. Ну, еще раз закинем. Еще! Вот уж их десяток, а то и больше шевелит серыми хвостами в грязной лужице на дне лодки. А леску все дергает, не успеваю забрасывать. Срывов почти нет. Под ноги валятся и валятся рыбины, одна крупнее другой. И тут, вдруг, как отрезало. Неожиданно. Сразу. Словно и не было ничего.

Не успел я подивиться капризам местной фауны, как увидел такое... Да, от подобного видения у любого молодца мурашки по телу забегают и конечности затрясутся. Мне же, по правде сказать, впервые в жизни довелось испытать то самое ощущение, когда волосы на голове сами собой начинают шевелиться. Если бы все происходило на берегу, на твердой почве, можно, наверное, было бы что-то предпринять, по крайней мере, одно сознание этого уже вселяет в человека некоторую надежду, побуждает к защитным действиям. А здесь, в утлой лодчонке, за двести метров от ближайших утесов, на которые, появись даже такая возможность, все равно не вскарабкаешься... Здесь оставалось только сидеть тихо, как мышь, и, затаив дыхание, ожидать своей участи.

Произошло, правда, все не так быстро. Вначале краем глаза я уловил едва заметное колебание воды. Затем, буквально следом, гладкая, без единой до сего времени морщины, поверхность вспучилась, вздулась крутым зыбучим пузырем. Из середины его проклюнулась и, как перископ подводной лодки, начала подниматься все выше и выше полуметровая узкая голова с немигающими маленькими черными глазками. Относительно тонкая блестящая шея, гибко покачиваясь, вознесла свою ношу высоко надо мной и склонилась в вопросительном полупоклоне. Глазки-буравчики бессмысленно и бесстрастно рассматривали странного пришельца, осмелившегося забраться в чужие владения. Хищно разомкнулись плоские челюсти, обнажившие два ряда мелких и острых, как пила, зубов, до отказа наполнявших всю эту ужасную пасть.

Я не помню точно, какие мысли проносились в тот момент у меня в голове. Кажется, я просто оцепенел. В то же время весь ход событий отпечатался в моей памяти с фотографической точностью. Змееподобное существо, очевидно, желая рассмотреть застывшую с перепугу добычу со всех ракурсов, поднялось еще выше, и над поверхностью появилась верхняя часть скрытой до этого огромной слоноподобной туши. Неправдоподобно длинная и тонкая шея, оказывается, принадлежала настоящему подводному чудищу, одного неосторожного движения кото-

рого было бы достаточно, чтобы перевернуть и пустить ко дну лодку и ее хозяина.

Боже мой! Да это же Несси! Сколько раз приходилось видеть изображения этого легендарного ископаемого, якобы сохранившегося в шотландском озере Лох-Несс. Как же я сразу-то не догадался?! Но там, на газетных и журнальных оттисках, благодаря фантазии художников, оно выглядело куда миролюбивей и привлекательней. Какое заблуждение! Здесь ее соплеменница вела себя явно агрессивно. Разглядывание объекта (то есть меня) закончилось, и массивная лоснящаяся рептилия с куриным мозгом, очевидно, за миллионы лет ничуть не развившимся, медленно, но неуклонно стала ко мне подбираться. Нет сомнений в том, что она была совершенно уверена в своей безнаказанности, а, может быть, просто слепо подчинялась движущим ею инстинктам — раз имеется что-то съедобное, значит, надо его попробовать. Как бы там ни было, факт остается фактом: разверстая пасть склонялась все ниже и ниже над моей ничем не защищенной головой...

И в этот критический момент, когда, казалось, что все уже кончено, меня неожиданно осенило. Абсолютно отчетливо я понял, в чем скрыто мое спасение. С молниеносной быстротой правая рука оказалось в кармане штормовки и выхватила оттуда овальный предмет с гладко срезанной вершиной. (Любопытно, что до сих пор я вовсе о нем не вспоминал, а тут вдруг...) Он был нагрет до такой степени, что обжигал ладонь, и удержать его было совершенно невозможно. Что такое на меня нашло? В той, казалось бы, безвыходной ситуации, наверно, думать и действовать нужно было как-то совсем иначе. Но...

Я уронил камень (тогда он все еще представлялся мне таковым) на дно лодки, и небольшая, плескавшаяся у ног лужица закипела и испарилась прямо на глазах. В следующую секунду предмет окутался голубоватой прозрачной дымкой, быстро принявшей форму идеального шара. Тот, в свою очередь, принялся стремительно расти наподобие выдуваемого через соломинку мыльного пузыря. Только в отличие от последнего он, увеличиваясь в объеме, даже и не думал лопаться. Физическая субстанция, его составлявшая, была явно иного происхождения. Вот тончайшая радужная оболочка благополучно прошла сквозь меня, не причинив ни малейшего неудобства, и с той же скоростью продолжала расти в поперечнике. Таким образом, я вместе с лодкой и клочком водной поверхности очень скоро оказался внутри замкнутой, расширяющейся зоны. В то же время мне каким-то чудом удавалось следить за «лохнесской двойняшкой». Точно помню, что в агатовых глазках мелькнула искра изумления, когда граница сферы коснулась ее вытянутой головы. Честно говоря, до сих пор не знаю, было ли это силовое поле или оболочка материализовалась, но впечатление осталось такое, будто «Несси» получила хороший удар в челюсть. Шея ее

резко качнулась в сторону, а пасть сомкнулась со звуком захлопнувшегося чемодана. Похоже, для животного такое обращение явилось полной неожиданностью, поскольку в горячке оно вновь попыталось сходу атаковать непонятное существо. Однако натолкнулось на непреодолимую преграду и, кажется, получило еще хороший щелчок по носу, поскольку отпрянуло, как от удара электрическим током. Последующие действия хозяина вод были вполне логичными для отпетого драчуна, получившего «сдачу».

Не мудрствуя лукаво, он кинулся удирать «во все лопатки», а затем, вспомнив про спасительные глубины, с шумом нырнул, задрав над водой черные перепончатые лапы. Крутая, разбегающаяся во все стороны волна с силой качнула лодку, заставив меня руками ухватится за планширь. Следом последовала вторая, третья... Плоскодонка сваливалась бортом вниз и тут же вновь подпрыгивала, как норовистый конь. Опасности перевернуться, правда, не было — волны шли по убывающей, но все же подобные качели, надо сказать, вызывают не очень-то приятные ощущения. И все это время по жестяному дну — то туда, то сюда — со стуком перекатывался какой-то предмет. Наконец он, по-видимому, застрял за переборкой, и я машинально потянулся к нему рукой...

Утренние сюрпризы сыпались, словно из решета, мне бы их с лихвой хватило на всю оставшуюся жизнь. За металлической обрешеткой лежал овальный серебристый камень со скошенной гранью. Тот самый, что случайно попался мне на глаза в Чон-Мазаре, а теперь, по-существу, спас жизнь, окружив непроницаемым барьером. Но теперь этот скромный трудяга, сиротливо лежащий на мокром, покрытом чешуей и рыбьей слизью дне старой лодки, являл собой нечто совсем иное. Обращенная кверху маленькая плоскость превратилась в цветной телеэкран с превосходным изображением. Можете мне поверить, что подобной четкости никогда не видели создатели всех наших «Радуг», «Фотонов» и «Горизонтов». Шла «трансляция» из подводного царства. Замерев от изумления, я имел возможность наблюдать, как, стремительно работая лапами-плавниками, летела в синюю сумеречную глубину оскорбленная сарычелекская «Несси». Справа надвинулось нагромождение скалистых уступов, сплошь покрытых тонкими бурыми водорослями. Среди перистых метелок сновали юркие стайки рыбьей мелюзги. Тут «камера» изменила кадр, открыв широкую изломанную арку подводного грота. Оттуда, из кромешной тьмы, словно следуя сценарию, неторопливо выплыла живая субмарина — точная копия только что скрывшегося существа. Следом в кильватерном строю также величаво появилось еще две. Они плавно сделали разворот и зависли над бездной, как будто к чему-то прислушиваясь. Если я не ошибся в своем предположении, то со слухом у них дела обстояли совсем не плохо. Через пару минут в «кадре» головой вниз появилась моя близкая знакомая.

Произведя сложный маневр торможения, она присоединилась к своим товаркам. Те дружно сгрудились вокруг, голова к голове, тихо помахивая плавниками и длинными извивающимися хвостами. По-видимому, они выслушивали захватывающий рассказ о пережитом, одновременно прикидывая план дальнейших действий.

Не скрою, у меня от одной только мысли о предстоящем поползли мурашки по коже. Изображение тем временем размылось и начало слабеть. Я осмотрелся: защитного шара нигде не было, он исчез вместе с последней вспышкой экрана. Растворился без следа, оставив меня совершенно беззащитным посреди озера, Теперь-то стало совершенно очевидным, что необходимо срочно «сматывать удочки».

Вновь знакомые места. Дорога, как кинолента, пущенная вспять, повторяет уже виденные картины в обратном порядке. Виктор, словно коршун в добычу, вцепился в рулевое колесо, и о том, чтобы немного поразмяться, не может быть и речи — в горах он водит сам. Одно слово — частник. Я тоже себя чувствую таковым, поскольку прикарманил нашу находку. Теперь она, тщательно упакованная в полиэтиленовый пакет, оттягивает боковой карман. О последних событиях, из которых я выкрутился с опереточной легкостью, а, паче, и о новых свойствах «камушка» приятель даже не подозревает. Собственно тайны никакой нет, да только зачем говорить о том, во что здравый человек все равно никогда не поверит? Виктор именно такой — реалист до мозга костей. Расскажи ему, глядишь, вновь начнет «царской водкой» крапить, еще испортит вещь. А путь ей уже определен — прямым ходом в институт кибернетики Академии наук.

Мы опять в Чичкане. Удивительная несправедливость: о Дарьяльском ущелье знает каждый ученик, о Чичканском — никто. А ведь «ущелье мышей»[1] — подлинная природная жемчужина Тянь-Шаня. Воображение путника поражает все: старые гранитные развалы, яркие мазки зелени и пурпура всевозможных кустарников, упрямо цепляющихся за отвоеванные склоны, пенные буруны гудящей в восторге прозрачно-ледяной реки и в довершение — тоненькая паутинка «чертова моста», переброшенного через стремнину чьей-то удалой рукой. Ну да ладно, лирику в сторону. Восторги для тех, кому нечем заняться, то есть мне. Виктору же было что делать — он с упоением профессионального любителя ковырялся в системе зажигания нашего четырехколесного друга.

Я уже битый час созерцал окружающий мир, с легкостью и нахальной убежденностью дилетанта «подбрасывая» своему

---

[1] Чичкан (кирг.) — мышь.

товарищу технические советы. В общем, вполне тривиальный эпизод, и не стоило о нем даже упоминать, если бы... Да, если бы он едва не окончился трагически для меня, и, главное, не привел к безвозвратной утере находки, имевшей все основания считаться бесценной, пожалуй, даже с позиций общечеловеческого познания.

А началось все до нелепости обыденно: Виктору в конце концов до чертиков надоели мои сентенции. Нет, он не рассвирепел и не бросился на меня с баллонным ключом, не покинул одного на произвол судьбы в диком ущелье, отнюдь. Просто он своим ровным, хорошо поставленным баритоном изрек мысль о том, что в этих краях должны быть целые залежи мумиё. Лучше бы он это слово не произносил! Мумиё! Панацея от всех напастей! Загадочное вещество, о котором пишут и говорят. Потом говорят и снова пишут. От малоизвестных провинциальных изданий до солидных центральных журналов — все словно сговорились «подогревать» читателя гипотезами, одна занимательнее другой. Отсюда должно быть вполне понятно, что искра нашла самый подходящий горючий материал. Итак, слово было произнесено. Следом последовало то, что и должно было последовать,— Виктор был освобожден от моего присутствия, а хрупкая конструкция неречевого мостика испуганно затряслась над водным потоком горной реки от бега еще одного искателя чудодейственного снадобья.

Облюбовав местечко, где трещины изломали камень сильнее, чем морщины лицо столетнего старца, я, словно муха, пополз по вертикали отвесной скалы, пытаясь подобраться к небольшой пещерке с кляксами черных наплывов по краям. Кажется, не так уж и много — метров семь-восемь, а мне их пришлось преодолевать более четверти часа. Очень мешали тяжелые горные ботинки. Из-за них ноги не чувствовали опоры, скользили и срывались. Практически вся нагрузка ложилась лишь на кончики пальцев рук. Запустив их в очередную трещину и извиваясь ужом, я подтягивался на несколько сантиметров, а затем судорожно начинал нащупывать ногой какой-нибудь выступ, чтобы хоть чуть-чуть, на миг, в него упереться. Иногда попадалось приличное углубление или чудом закрепившийся в расщелине кустарник, и тогда можно было немного передохнуть и отереть пот. Как придется потом спускаться, я тогда не думал, хотя спуск в таких условиях всегда намного сложнее подъема.

Все же мне удалось подобраться к намеченной цели и даже кое-как закрепиться. При этом одна половина моего тела каким-то образом держалась, а вторая находилась в свободном парении. Я почти испытывал волнительное чувство полета (чуть позже я его действительно ощутил). Левая нога закрепилась в удачно расположенной расщелине, а левая рука намертво ухватилась за торчащий из стены толстый шероховатый корень. Вторая нога болталась в воздухе. Свободной оставалась одна рука, которой я извлек из кармана перочинный нож и принял-

ся соскабливать черный налет, облепивший углубление. К моему разочарованию, он оказался старым потемневшим от времени и осадков лишайником, ничуть не напоминавшим мумиё. Однако отчаиваться не стоило. Оно здесь все-таки было. В глубине грота, в извилистых трещинах таились темные комочки искомого вещества. Сухие на ощупь куски,— я выгребал их вместе с песком и пылью,— пролежавшие здесь, наверное, не одну сотню лет, действительно должны были бы представлять для науки несомненный интерес. Известно множество возможных применений мумиё для излечения различных недугов. Оно с успехом применялось в медицине стран Древнего Востока. Однако у нас в стране его серьезным изучением занимались лишь отдельные ученые-энтузиасты. Дальше шума в прессе дело не пошло, ни фармакопейный, ни фармакологический комитеты им не заинтересовались — очевидно, и здесь сработал бюрократический подход.

Вот так, повиснув между небом и землей, рассматривал я неказистые рыхлые образования темного вещества и не подозревал совсем, что у них имеется свой надежный страж. Потом все происходило как в калейдоскопе: ситуации менялись с лихорадочной поспешностью, а в памяти остались лишь отрывочные и яркие эпизоды...

Аккуратная усеченная головка с раздвоенным подергивающимся язычком выдвинулась из расщелины прямо перед моим лицом. Слух уловил сердитое свистящее шипение. Мы встретились глаза в глаза — змея и человек. Кто уступит первым? Нелепый вопрос... Кажется, я успел сгруппироваться и, изо всех сил оттолкнувшись от скалы, полетел вниз. Затем — падение по касательной в колючие кустарники барбариса, несколько акробатических переворотов и — сумасшедшие ледяные струи ревущего потока...

На берег выкарабкался я сам, правда, не помню, каким образом. Течением протащило меня не менее двухсот метров, но промелькнуло все настолько быстро, что я даже испугаться как следует не успел. Да и понять, что случилось,— тоже. Потом я сидел на камне на пронизывающем ветру в мокрой порванной рубашке — штормовку сорвало течением — и дрожал крупной нервной дрожью; холода не чувствовал вовсе. Попытался подняться и не смог — ноги отказались служить. Кровь из разбитой головы капала на колени и, смешиваясь с водой, стекала по брюкам тонкой алой струйкой. Вдалеке по мостку, размахивая руками, бежал Виктор. Он, по-видимому, стал совсем прозрачным, так как сквозь него я продолжал видеть узкую срезанную головку с раздвоенным язычком... Я видел плавные изгибы чешуйчатого сильного тела, яростное мелкое подрагивание кончика хвоста, отточенные полые клыки в нераскрытой пасти, выдавливаемый из желез смертельный яд... Я видел...

— Славо богу, ты жив!

— Наверное, это был щитомордник.
— Главное, что ты жив.
— А камень пропал... Унесло с курткой...

II

Познакомились мы волею случая и, как это часто случается с командированными, попавшими в один гостиничный номер, прочти сразу же перешли на «ты». Он отрекомендовался инженером по астрокибернетике, представителем какого-то закрытого почтового ящика из Ленинграда. «Странная однако специальность,— подумалось мне,— звучит уж больно фантастично. Кто же, интересно, таких готовит?» Название высшего учебного заведения, прозвучавшего как бы в ответ на мои мысли, ровным счетом ни о чем не говорило. Следующая фраза о том, что этого института нет в справочниках, невольно вызвала кое-какие сомнения в искренности соседа по комнате. Как там ни крути, а я сам имею диплом о высшем техническом образовании и даже незаконченную диссертацию, а потому уже накопил достаточный скепсис, чтобы принимать на веру подобные заявления. «Все равно на работу не приму, даже если попросится, — мстительно решил я про себя. — Трепачей не держим, а если держим, то в черном теле...»

Но Евгений — так звали моего нового знакомого — оказался вовсе не похож ни на авантюриста, ни на заправского хвастуна, ни на... Однако же в нем что-то такое было. Вот — что?! Словами, пожалуй, этого не передать. То ли это сквозило в манере говорить — плавно, не прерываясь, и в то же время продуманно, выстраивая абсолютно правильные фразы, словно читая подготовленный текст. То ли во взгляде его совершенно зеленых и прозрачных, как родниковая вода, глаз (таких необычных мне видеть еще не доводилось), то ли в мимике, без единой морщинки, чересчур уж живого лица — что-то такое было, что и привлекало к нему, и настораживало одновременно. Притом, он оказался на редкость контактным, или, как сейчас принято говорить, коммуникабельным человеком. Не более, чем через полчаса, он очень увлекательно и популярно уже излагал новейшие концепции робототехники, выстроив логическую цепочку от пресловутой мыши Шеннона[1] до саморазвивающихся компьютерных систем шестого поколения.

Здесь мое поминание сути предмета катастрофически пошло на убыль, в чем пришлось честно и самокритично сознаться. В ответ Евгений неожиданно рассмеялся добрым ритмичным смехом,— словно из автомата прострочил,— и огорошил меня монологом-поучением с явно технократическим привкусом,

[1] Шеннон Клод Элвуд (р. 1916 г.) — американский инженер и математик. Заложил основы теории информации и теории автоматов. Известен опытами с кибернетическими устройствами.

припасенным, смею думать, для аудитории умственно отсталых детей.

— Земляне, если рассуждать о технологической сфере цивилизации, только еще выбираются из колыбели и нуждаются в игрушках, которые бы им помогли познать и по-настоящему освоиться с окружающей реальностью. Все, что было выше сказано об эволюции современной кибернетики, является не более чем младенческими погремушками, а о серьезных вещах вообще не упоминалось (полагаю, он видел во мне неандертальца). Тем не менее дети (он сказал «младенцы») оказались весьма изобретательны и очень скоро — чересчур! — исхитрились расщепить атомное ядро.

Далее он довольно ловко, как если бы читал лекцию для домохозяек, перебрался к теме современной политической ситуации и привел меня к мысли, что процесс перехода к бесклассовому обществу в общемировом масштабе протекает крайне болезненно и сейчас достиг наивысшей фазы. Как выяснилось, мир расколот на две полярные системы. (Почему-то это прозвучало «ваш мир», но он не заметил своей оговорки.) Величайшее же открытие обратилось во зло человечеству; при этом гигантская энергия оказалась сконцентрированной в тысячах ядерных вестниках всеобщего апокалипсиса. К чему это приведет? Никто не знает. Можно лишь с большой долей уверенности догадываться. Титанические усилия к снижению рокового порога наталкиваются... — И так далее в том же духе.

Полчаса подобного всеобуча меня вконец утомили, но он упрямо продолжал свое:

— В таких условиях люди сами должны сделать свой выбор, решить свои внутрипланетные проблемы. Они должны быть совершенно уверены в том, что никакого миротворческого вмешательства извне не последует. И это главное...

Затем после непродолжительной паузы последовал заключительный аккорд:

— Доверять землянам более развитую технологию сейчас нельзя, она неминуемо будет использована в военных целях...

Неприятно резало слух, что все это говорилось как бы с позиции стороннего наблюдателя, спокойно и бесстрастно анализирующего причины и следствия и никакого отношения к нашим земным делам не имеющего. Общеизвестные прописные истины преподносились Евгением так, словно он сам их открыл и теперь пытается вдолбить в голову туповатого собеседника. В конце концов мне изрядно надоел и он сам, и его назидательный менторский тон. Лекция о кибернетике, надо сказать, была прочитана куда профессиональней. Мое раздражение, видимо, не укрылось от него, и он умолк, так и не закончив своей тирады.

Мы прожили вместе еще три дня (вернее будет сказать — три вечера), но больше этой темы не касались.

Он вскакивал спозаранку и бесшумно исчезал из номера еще до моего пробуждения. Что делал мой сосед здесь, в горном

поселке гидростроителей, для меня оставалось совершеннейшей загадкой. Спрашивать же не хотелось из-за извечной интеллигентской боязни показаться любопытным или бестактным, тем более, что он мог иметь специальное задание, связанное с оборонной областью. Во всяком случае, никакого другого объяснения появлению засекреченного астрофизика в зачуханном поселке, затерявшимся в тянь-шаньской глухомани, у меня не имелось.

Через день Евгений показал мне забавное устройство, своим видом сильно смахивавшее на божью коровку, только размерами со спичечный коробок. «Коровка» проворно бегала по столу и с незаурядным аппетитом поедала разбросанные после ужина хлебные крошки. В считанные секунды отполировав поверхность до зеркального блеска и оставив после себя неуловимо тонкий приятный аромат, она вспорхнула на край тарелки, хранившей остатки твердокаменного сыра, и уже через мгновенье мы могли любоваться ее девственной чистотой. Точно так же, очень ловко, милое существо расправилось с белыми кефирными натеками в наших стаканах, превратив последние в искрящиеся прозрачностью хрустальные бокалы. Однако на этом программа представления исчерпана не была. Поужинав, существо легко спрыгнуло на пол — прямо-таки, вспорхнуло и, выбравшись на середину комнаты, занялось десертом. Зрелище, надо вам сказать, просто поразительное, кто не видел — вряд ли поверит. Вначале «коровка» с легким пергаментным шелестом расправила крылышки, вывернув их наизнанку и образовав нечто наподобие чаши на постаменте. Затем послышался тонкий, на пределе слышимости, звук, какой издает рой голодных москитов, имеющих желание нанести ущерб вашей внешности. А далее...

Далее я с удивлением заметил, как несколько деловито сновавших по столу мух вдруг изменили непредсказуемые траектории своего движения и дружно, наперегонки, поползли в одну сторону. Добираясь до самой кромки они, одна за другой, словно пикирующие бомбардировщики, сваливались в подготовленную для них посуду. С потолка и из дальних углов, проявляя солидарность, следовали десятки их товарок. В открытую форточку из необъятных просторов южной ночи со звоном ворвалось несколько крупных комаров и тоже бросилось в общую кучу. Когда последнее насекомое добралось до заветной цели, «мухоловка» захлопнулась — верхние кромки чашеобразной емкости стянулись навстречу друг другу, образовав полое тело, и цветом и формой напоминавшее нераспустившийся бутон горного пиона. Оно крутанулось несколько раз вокруг вертикальной оси, а затем с хрустом вновь развернулось крылышками безобидной божьей коровки. Вот так номер — от надоедливых насекомых не осталось и следа.

— Ну как? Неплохая игрушка? — Евгений подставил раскрытую ладонь, на которую та тут же взлетела и по руке хозяи-

на, по лацкану пиджака, как по тротуару, быстро-быстро направилась прямехонько к нему в карман.— Таких вот тысяч десять — да в Центральную Африку, и от мухи це-це — ни рожек, ни ножек. — Он захохотал своим добрым смехом. — Она еще не то может. Отпугивать змей, например, других ядовитых тварей. Может опылять растения, получать мед, высматривать рыбу. Прямо незаменимая штука для туристов-охотников, рыбаков-геологов. — Он вновь рассмеялся. — Ну, что? Встречал когда-нибудь что-либо подобное?..

— Представь себе.

— ?!

И я рассказал ему историю о путешествии к Сары-Челеку со всеми сопутствующими приключениями.

Евгений на протяжении всего длинного повествования не задал ни единого вопроса, ни разу не перебил меня и, кажется, даже не пошевелился. И только когда я умолк, он, как-то весь напрягшись, попросил возможно подробнее описать место находки. Затем вынул из саквояжа сброшюрованную кипу изрядно потрепанных бумаг, сноровисто, очевидно, хорошо зная предмет поисков, перелистал их и, найдя необходимую, протянул мне.

— Покажи. — Он явно был взволнован, хотя пытался скрыть свои чувства под маской естественного любопытства.

Бумажный лоскут оказался цветной мелкомасштабной картой хорошо известного мне района. Из-под моего пальца возникали знакомые названия речек, горных кряжей и перевалов. А вот и ущелье Чон-Мазар. Его окружало целое созвездие нанесенных фломастером зеленых звездочек. Этакий цветок с изумрудными лепестками и вытянутой пустотой сердцевины. В нее-то я твердо и упер свой перст.

— Здесь? Ты точно уверен?

— Еще бы! Ни малейшего сомнения.

Он пытливо посмотрел на меня, как бы удостоверяясь в моей искренности, затем как-то вдруг сник, расслабился, будто после очень тяжелой работы и произнес всего только одно слово, совершенно, как мне показалось, некстати:

— Благодарю.

На следующий день я вернулся в гостиницу раньше обычного и застал в номере старушку-горничную, менявшую белье на соседней постели. Она, не отрываясь от дела, скороговоркой сообщила, что жилец срочно уехал и велел мне кланяться.

Признаюсь, от этого сообщения мне стало почему-то грустно. Вот ведь знал человека всего ничего, а расставаться жаль. Так всегда бывает после мимолетного знакомства с интересным собеседником, и, как правило, такие встречи остаются своеобразными вехами в нашей жизни. «Хоть бы попрощался»,— подумал я с обидой. И словно в ответ, распахнулась дверь, и в комнату ворвался Евгений.

— Уезжаю. Срочно вызвали,— запыхавшись, доложил он

с порога и тут же потребовал: — Давай скорее адрес, буду во Фрунзе, загляну.

Я вынул из кармана визитную карточку. Он быстро сунул ее в портмоне и протянул на прощанье руку:

— Ну будь здоров. Спасибо за компанию, за все. Ты многое для меня сделал. — Порывисто повернулся и исчез в дверном проеме.

— Постой! А тебя где искать?!

Но обращение прозвучало в пустоту. Через несколько секунд за окном взревел мотор автомобиля.

Почтовый ящик просто раздуло от корреспонденции. Старик-сосед, которому я поручал очищать его на время командировки, срочно уехал к больной дочери в другой город, о чем сообщал запиской, засунутой в щель между дверью и косяком.

Среди газет, извещений, приглашений и прочей писчебумажной продукции обнаружился конверт без почтового штемпеля и обратного адреса. Однако фамилия адресата, выведенная строгим каллиграфическим почерком, не вызывала никаких сомнений в правильности его доставки. Анонимное письмо? Интересно. Текст его, выведенный столь же идеально,— словно писала машина,— был не менее примечательным. Вот он. Привожу дословно, так как он врезался мне в память:

«По поручению Вам. Евгений выбыл в связи с окончанием миссии. Большую благодарность передает. Сведения, представленные Вами, точными оказались. Остатки контейнера обнаружены и изъяты.

Пояснение:

Эксперты Ассоциации Гуманоидов считают политический климат планеты Земля не стабильным. Напряженность — выше Предельного уровня. Средств уничтожения живого — сверх всех разумных пределов. АГ обладает мнением — существует угроза цивилизации людей, планете как космическому телу вообще. Технологические идеи, не известные Вашей науке, но в наших изделиях воплощенные, повлекут нежелательные результаты. Человечеству во вред. АГ считает контакты преждевременными, работу временно сворачивает.

Постскриптум:

По поручению Евгения Вам посылка».

Едва я успел прочитать последнюю фразу, как листок на глазах начал таять и исчез, растворился словно дым на ветру. Что за глупый розыгрыш? Я вообще-то ценю в людях чувство юмора и сам, кажется, в какой-то степени им обладаю, но здесь что-то не то. Евгений мне показался человеком более серьез-

ным. Хотя, если вдуматься, то кое-какие настораживающие моменты имели место, а я им просто не придал значения. Да, действительно, крепки мы задним умом. Фигура Евгения вырисовывалась передо мной теперь уже в несколько ином свете. Сомнительный астрофизик из несуществующего ведомства. Примитивные рассуждения о политической ситуации. Теперь вот сомнительная шутка с отчетом-посланием от пришельцев. Да, но с другой стороны, ведь были и блестящая лекция по теории кибернетики и практическое ее приложение в виде «божьей коровки». Не приснилось же мне все это в конце концов? Потом наша находка с Виктором — ведь она-то уж никак не мираж; я, словно вновь, ощутил ладонями ее приятную теплоту.

Однако сомнения не отпускали меня. Откуда у него точнейшие карты местности? И что это за россыпи зеленых звездочек? Уж не натворил ли я глупостей? Может быть, Евгений вовсе не Евгений, а, просто-напросто, замаскированный под ученого агент иностранной разведки?! Ведь не напрасно же он так усиленно добивался координат известного ему теперь места. Ну, хорошо. Допустим, все так. Тогда на кой ляд потребовалось подобное послание, да еще с извращенной стилистикой? Сбить меня с толку? Вызвать подозрения? Глупо! От всех этих «зачем» и «почему» сильно разболелась голова. Я сунулся было в аптечку за анальгином, но именно в этот момент раздался дребезжащий зуммер телефонного аппарата (давно пора заменить, да как-то жалко, привык). Звонили с почты. Женский приятный грудной голос просил срочно забрать посылку, поскольку РСУ наконец-то решило отремонтировать помещение.

Маленькая пластмассовая коробочка, похожая на те, которые мы видим во дворах у любителей «забивать козла». Смешанное чувство охватило меня, когда я извлек ее из вороха упаковочной бумаги. Что в ней?! Осторожно приоткрыл. Не взорвется? Нет — что-то завернутое в мягкую ткань. Медленно разворачиваю негнущимися пальцами и... На серой поверхности, словно оттеняя ее, серебрится овальной предмет с несимметрично-скошенной гранью. Трогаю ее пальцем — он теплый. Неужели?! Оно! И тут краем глаза ухватываю, как из другого отсека посылки самостоятельно выбирается лиловое существо размером не более спичечного коробка...

Я верю, Евгений, мы еще встретимся!

Александр РОНКИН

Папа,— сказал я своему отцу, когда мне надоело копать, — может, продадим дачу? Раньше хоть на рыбалку ездили...

— Не болтай! — отрезал отец. — Тебе лишь бы не работать!

— Он шутит, отец,— успокоила его моя мама,— давайте-ка мойте руки. Обедать пора — у меня все готово.

— А Максимка руками берет! — наябедничала моя дочь.

— Ябеда! — сказал я.

— Я не ябеда! — надулась дочь. — Я все маме расскажу! Я не твоя, я мамина, вот так!

— Если мама ругает,— сказал я,— она папина, если папа ругает — она мамина. Что только из нее вырастет, хотел бы я знать...

— А интересно,— вдруг спросила жена,— если бы при рождении ребенка можно было заранее узнать, что из него получится...

— Знаешь, что вырастет ученый, — подхватила мысль моя мама,— сразу условия соответствующие ему создать. В школу с уклоном...

— Знаешь, что преступник,— поддержал мой папа,— сразу в тюрьму!

— Остряк-самоучка! — сердито отрубила мама. И на этом разговор закончился.

Что в тебе заложено, Человек? Что сокрыто в твоем маленьком розовом тельце? Что спрятано под этими тонкими вьющимися шелковистыми волосиками?

Вот лежите в ряд — трехкилограммовые человечки, туго спеленатые, в крике разинув рот, и даже самая опытная няня различает вас только по бирочкам. Какой же пророк, какая безумная машина возьмет на себя смелость предсказать ваше будущее?.. Но если сделают когда-нибудь такую машину, которая с умопомрачительной точностью предскажет нам ваше будущее, что тогда? Что же нам тогда делать?

Ах, как хорошо бы знать наперед, что вот этот Малыш обязательно станет архитектором. Сколько сил и средств сэкономит общество! Оно уже не будет делать из Малыша ни футболиста, ни пианиста. Замечательно! Выгодно! Удобно!

Но если мы узнаем заранее, что этот нежный, ласковый, смешно гукающий комочек станет проклятием человеческого рода, что тогда? Что делать нам? Как поступить? И есть ли ответ на этот вопрос?

...Селектор запищал тонкой пронзительной нотой.

— Операционная,— сказал доктор и сердито нахмурил брови.

— Доктор? — заверещал селектор. — С вами говорит Дежурный Вычислитель Расчетного Бюро. Как чувствует себя ваш пациент?

— Еще живой... — усмехнулся Доктор.

— Сколько по-вашему продлится операция?

— Час, полтора,— нерешительно пробурчал Доктор и, помолчав, добавил: — Может быть, два...

...Дежурный Вычислитель зацокал языком — це-це, а у него лимит[1] всего тридцать восемь тысяч. Можно не уложиться...

— Я бы попробовал... — нерешительно сказал Доктор.

— Вы рискуете, Доктор. Я считаю своим долгом вам напомнить, что в случае перерасхода, вы заплатите из своего лимита.

Поэтому вы вправе отказаться от операции.

— Я попробую уложиться в лимит пациента. — Доктор старался не смотреть на селектор.

— Смотрите, Доктор, не просчитайтесь, ведь ваш лимит не такой уж и большой...

— Я знаю,— Доктор опустил глаза. — Я буду делать операцию.

— Хорошо. Можете начинать. Ваша операционная подключена к Главной Машине.

Селектор выключился, а под потолком щелкнуло и засветилось огромное табло с цифрой 38000— все, на что мог рассчитывать пациент.

Ассистент и сестры привычно заняли свои места. Доктор, бросив невидящий взгляд на ненавистное табло, буркнул: «Начали!» Раздался резкий щелчок, и цифра на табло стала меньше. Доктор работал быстро. Но еще быстрее таяли цифры на табло. Оно уже показывало 37500, а потом — 37200, 36900... Где-то далеко, за тысячи миль от госпиталя, в засекреченном бетонном бункере, работала Главная Машина, и ее всезнающий мозг с бездушной, тупой, нечеловеческой точностью высчитывал все, что тратилось на эту операцию...

Вот Он гордо идет по бетону космодрома. На нем красивый красный скафандр. Он чувствует на себе завистливые взгляды, ведь через несколько минут ему предстоит сжать Пространство и Время в единый комок, и, словно спицей, проткнуть своим кораблем.

---

[1] Лимит (лат.) — норма, в пределах которой разрешается пользоваться чем-либо, расходовать что-либо.

Многие тысячи лет планетяне мечтали покорить Время. И вот оно — некогда таинственное и непознаваемое, могучее и неуловимое Время повержено к ногам разума. Нет теперь такого уголка во всем огромном мире, куда бы не могла дотянуться рука властелина. Время для него просто горючее, которое горит в топках его корабля. Горе тому, кто станет у него на пути!

Командир привычно занял свое место и объявил минутную готовность. Затем повернулся к телекамере и, улыбнувшись, помахал рукой миллионам телезрителей. «Он прирожденный Командир корабля!» — пронесся над Планетой восторженный крик. Красивый, умный, сильный — Он полностью оправдывал тот лимит, который дала ему Главная Машина.

Проверке на лимит подвергалось все население Планеты. Считалось, что глупо тратить на человека богатство и силы общества, если заранее знаешь, это не окупится — ведь смешно обучать ребенка музыке, если заведомо известно, что у него нет слуха. И точное предсказание Главной Машины о потенции ребенка помогало планетянам экономить немало времени. Да и само место человека в жизни определялось его потенциальными возможностями. Если ты многое сможешь дать обществу — значит, ты вправе и многое взять. И не было выше справедливости. Если же Машина предсказывала, что ты можешь дать меньше, чем требуется для прожиточного минимума, тогда... Такому планетянину лучше вообще не родиться на свет.

Резко запищал зуммер. На табло замигали нули.

— Доктор! — у Ассисента задрожал подбородок,— Доктор, нули! Надо кончать!

— Да замолчите вы! Продолжайте работу! Ну! Живо!

— А за чей счет, а? — Ассистент бросил инструменты. — У него ни черта не осталось! Если мы будем продолжать, Машина возьмется за наш лимит.

— Не бойтесь! Продолжение операции будет за мой счет. Возьмите инструменты.

Зуммер перестал пищать. Табло вновь щелкнуло и показало лимит Доктора. Он и в самом деле был невелик.

— Доктор,— сказал Ассистент через некоторое время,— ваш лимит на исходе. Прекращайте операцию!

— Зашивайте его. Скорее! — заорал Доктор. — Быстрей, а то они отключат энергию!

— Алло, Доктор,— донеслось из селектора,— вы не уложились в лимит пациента. Почему вы не прекратили операцию, когда табло показало нули?

— Если бы я это сделал,— Доктор виновато опустил голову,— мой пациент скончался бы.

— Но теперь, Доктор, и ваш собственный лимит равен нулю, а вы знаете, что это значит... Завтра утром, Доктор, вас ждет Оценочная Комиссия. До свидания.

— Мы зачем купили дачу? — спросил я из-под одеяла,— работать или отдыхать?

— Работать и отдыхать,— сказал мой отец. — Быстро вставай — время уходит.

— Куда уходит время? — спросил я.

— Ну началось,— сказала моя мама,— как не хочет работать, сразу начинает философствовать. И в кого ты только лодырь такой?

— Папа,— сказал я,— а может быть, Время не уходит. а приходит?

— Хватит болтать! — ответил папа. — Вот ты знаешь, как совместить Пространство и Время?

— Не знаю,— удивился я,— и по-моему, никто из современных физиков не знает.

— Я знаю! — авторитетно сказал отец.

— Ну и как? — поинтересовался я.

— Возмешь лопату,— сказал отец,— и будешь копать до обеда, понял?

— Понял... — сказал я и пошел копать.

— Папуля, — спросила моя дочь,— а Время — это что?

— Не знаю, дочка.

— А дедуля знает?

— Спроси у него. И не мешай мне работать!

— Ну вот вы и здоровы, Командир! — радостно сказал Дежурный Вычислитель.

— Да,— ответил Командир, устало садясь в кресло.

— Нам необходимо утрясти кое-какие формальности,— Дежурный Вычислитель извиняющимся жестом показал на официальный бланк Расчетного бюро,— так полагается. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Ну вот и хорошо.

— Видимо, жители атакованной планеты обладают каким-то мощным современным оружием, а? — спросил Дежурный Вычислитель. — Нам очень важно это знать. Как они контратаковали вас?

— Не знаю. Когда корабль взорвался, меня там не было,— усмехнулся командир,— иначе я не сидел бы сейчас перед вами.

— Да, да, я понимаю,— Дежурный что-то пометил в своем бланке, — а где же вы были?

— Я совершал разведывательный облет. Проводил рекогносцировку.

— Ай-я-яй,— Дежурный Вычислитель укоризненно покачал головой,— вы опять врете. Машина не верит вам. Вы просто дезертировали. Чего вы испугались?

— Какая теперь разница?— Командир втянул голову в плечи.

— Отвечайте, мы должны знать, какое оружие у туземцев — готовится еще один десант на Голубую.

— Еще один десант на Голубую? — Командир встрепенулся — ему показалось, что он нащупал путь к спасению. — Никакого серьезного оружия у них нет. Они практически беззащитны!

— Отчего же погиб «Десант-1»?

— Взрыв произошел по моей вине! — Командир с усмешкой посмотрел на дисплей Главной Машины — она подтверждала его слова.

— Вот теперь вы не лжете, Командир,— удовлетворенно сказал Дежурный Вычислитель,— расскажите подробно.

— У нас сломалась бортовая Машина. Я понадеялся на себя, но ошибся в расчетах и перегрузил реактор. Началась неуправляемая реакция — взрыв был неизбежен. Я решил сбежать.

— Да, Командир,— лицо Дежурного Вычислителя посуровело,— вы самый настоящий дезертир. Это меняет дело. Ваше положение становится гораздо серьезней.

— А результаты новой Оценочной Комиссии?

— Главная Машина считает, что больше вы ничего не сможете дать обществу. Машина также считает, что обществу невыгодно содержать вас. Вы — нулевик.

— Что ж,— Командир изо всех сил старался изобразить печаль, чтобы ни Машина, ни Дежурный Вычислитель ничего не заподозрили,— если я ничего не смогу дать обществу — мой долг погибнуть за него!

— Достойные слова! — лицо Дежурного Вычислителя тоже становится печально-серьезным и торжественным. — Вам будет представлена такая возможность. У вас есть последнее желание?

— Я хочу попасть в десант на Голубую.

— Вас зачислят штурмовиком во вторую роту. Что еще?

Но Командиру больше ничего не нужно. Он знает теперь наверняка, что будет жить.

— Смотрите, какой стол!.. — мама вздохнула. — Разве плохо живем? А? Господи, только бы войны не было...

— Ох,— вздохнула вслед за мамой моя жена,— и не говорите...

— А я помню, как нас в Умани бомбили... — сказала мама.

— Что ты там можешь помнить? — возразил отец. — Тебе и десяти-то не было...

— Все помню,— и эвакуацию, и тетю Женю...

— Какую тетю Женю? — спросил я.

— Ты ее не знаешь,— мама расстроилась. — Ее немцы расстреляли. У нас в Умани много родных было. Их сначала всех в гетто сгоняли, а потом...

— А первая болванка, а первая болванка-а,— затянул отец фальшивым голосом свою танкистскую.

— Ой, Миша,— попросила мама,— только, ради бога, не пой...

— А вторая болванка-а,— не унимался отец,— попала танку в бак! Эх! Я выскочил из танка-а да сам не знаю как! Эх!

— Хор ветеранов,— пошутил я.

— Дурак ты! — обиделся отец. — Разве так шутят?!

— Ну вот,— сказал я, — сразу обиделся. Что я такого сказал?

— Давай, иди яму копай! — приказал отец. — Осенью персик посадим.

Потом я пошел копать. Эта работа и была самой бестолковой, потому что до осени отец надумает сажать персик совсем в другом месте.

— Папуля,— спросила моя дочь,— а что ты делаешь?

— Время убиваю! — ответил я.

— А ему не больно?

Время бесчувственно. Оно равнодушно взирает на наши попытки справиться с пространством. Человек, ты лишь малая песчинка в вихре Времени, всех твоих атомных мускулов не хватит, чтобы возмутить спокойствие этого беспредельного мира. Наберись же мужества до конца осознать свое ничтожество в океане Времени, и, может быть, тогда ты, словно исполин, сможешь окинуть взглядом это неугасимое торжество материи и понять свое место в нем. Ты увидишь берега великой реки Бытия и сам будешь решать, куда направить корабли свои...

Но бойся, Человек, вдруг подумать, что ты пришел в этот мир повелителем, что твоя миссия — карать и судить. Бойся, Человек, вдруг решить, что ты волен перекраивать этот мир по своим меркам. Бойся уверовать, что ты, именно ты находишься в центре Вселенной, и весь мир должен вращаться вокруг тебя. Время, равнодушное и неподкупное, затопит тебя своими волнами, и память о тебе растворится в океане тысячелетий...

...Когда Пространство, подчиняясь его командам, приняло свой обычный трехмерный облик и Время потекло с нормальной скоростью, «Десант-1» уже находился в заданном районе. Цель экспедиции — Голубая планета быстро приближалась. Из ходовой рубки ее можно было разглядеть во всей красе.

— Хороша,— сказал Командир Первому Помощнику,— такую красавицу жаль будет...

— А по мне,— пожал плечами Первый Помощник,— все едино. Бац! — и только пар останется.

— Она похожа на елочную игрушку,— мечтательно сказал Командир,— чудо, как хороша...

— Подлетаем, Командир,— доложил Штурман,— сейчас выйдем на расчетную орбиту. Пора работать...

Да, ему предстояла самая обычная работа. Такая, как всегда. Сейчас по его команде из грузовых люков десантного корабля на Голубую выбросятся пятнадцать тысяч солдат и начнут операцию. Если обитатели Голубой окажут энергичное сопротивление, Командиру придется нажать Кнопку, и тогда Голубая превратится в маленькое раскаленное солнце. Не останется ничего — ни зеленых лесов, ни голубых рек, ни белых льдов — только красные языки рассерженной лавы и оранжевые сполохи извергающихся вулканов. Командиру уже доводилось видеть такую картину — ведь в сущности в этом и состояла его работа.

— Командир,— напомнил Штурман,— расчетное время!

— Что-то мне не нравится здесь,— медленно произнес Командир,— сделаем еще виток...

— А по-моему, все в норме,— сказал Первый Помощник.

Да, все было в норме. Но Командиру надо было подумать. Какая-то мучительно-неуловимая мысль вертелась у него в голове, постоянно ускользая из цепких пальцев сознания. Наконец, он поймал ее, но тут же испугался и отбросил, как слишком страшную. Но навязчивая мысль вернулась и завладела им целиком.

Не странно ли то, что там внизу сейчас миллиарды живых разумных существ дышат, смеются, плачут, надеются, строят планы не будущее, объясняются в любви, ласкают детей и даже не подозревают о той страшной опасности, которая нависла над ними. Разве не странно, что достаточно одного его слова, и пятнадцать тысяч убийц высадятся на планету, неся с собой смерть и разрушения?! Разве не странно, что достаточно его небольшого усилия, всего лишь одного движения пальцем, и все там внизу — смех и слезы, надежды и признания, мечты и ласки — обратятся в ничто, в неистовый огонь?!

— Слушать меня! — голос Командира привычно зазвенел. — Продолжать полет в заданном режиме. Я иду инспектировать десантные отсеки.

— Что вы сказали, Командир?! — его слова были так неожиданны, что Первый Помощник решил, будто он ослышался.

— Кто еще соскучился по Оценочной Комиссии, может сказать, что не расслышал приказа! Ну?! — прогремел Командир и, резко повернувшись, вышел из рубки. Затем, секунду помедлив, он достал из кармана ключ и запер за собой дверь. Потом быстрыми, решительными шагами пошел по длинному коридору в хвост корабля, в сторону двигательного отсека.

Войдя в рабочую зону, Командир сорвал предохранители и отключил реактор от рубки. Сильным уверенным движением он крутанул аварийный кран, и спрятанная в конденсаторах энергия могучим потоком полилась в реактор. Теперь — Командир это знал — пройдет несколько минут и начнется неуправляемая реакция. Чудовищно искаженные реактором Пространство и Время сожмутся в комок, сплющивая огромный

корабль до размеров булавки, а потом с фантастической силой разорвут его на миллиарды частиц и разметают по Вселенной космической пылью.

Никогда раньше Командир не выводил спасательный бот из корабля за столь короткое время. И все-таки ему не удалось отлететь на безопасное расстояние. Взрыв догнал спасательный бот, разорвал оболочку и выбросил Командира в Пространство. Странная прихоть искаженного Времени занесла его в окрестности родной Планеты. Так он оказался на операционном столе..

Новый Корабль назывался «Десант-2» и был точной копией первого. Страшная и совершенная машина для массового убийства. И сейчас он станет одним из винтиков этой машины. Командир медленно поднимается по трапу вслед за каким-то Стариком. Тот едва плетется, сгибаясь и пошатываясь под тяжестью желтого скафандра. На первый взгляд — это плохой, никуда не годный солдат. Но он вооружен самым современным, фантастически-эффективным оружием, и он будет убивать. Убивать, пока не убьет всех, кого должен убить. А потом умрет сам. Это неизбежно. Но Старик этого не знает. И никто из рядовых десантников не знает, даже не догадывается, что все они, как нулевики, обречены. Они умрут даже в случае победы. Ведь они не нужны обществу. Они — балласт на корабле прогресса, а балласт, как известно, нужно выбрасывать с пользой. Потом на ту планету, которую они очистят от коренных обитателей, придут сильные, умные люди, с гигантскими потенциальными возможностями. Они будут создавать Новую Планету. Но для этого нужно, чтобы там не было никого — ни туземцев, ни своих, уже ненужных, бывших людей. Но штурмовики думают, что им предоставлена последняя возможность снова стать полноправными членами Общества. И поэтому они будут убивать. Если им не помешать...

— Простите,— почувствовав взгляд, обратился к Командиру Старик,— что вы на меня так смотрите?

— Просто так,— смутился Командир и, помолчав, добавил: — А вы, похоже, бывалый солдат?

— Нет, что вы, — покачал головой Старик, — я, правда, немного участвовал в уличных боях. Но это было давно — пятьдесят пять лет назад — тогда мы свергли Синдикат и привели к власти Вычислителей...

— Пятьдесят лет назад? — переспросил Командир. — Меня тогда еще и на свете не было.

— О, а я уже тогда прошел первую свою Оценочную Комиссию! — Старик мечтательно полузакрыл глаза.

— И какой же лимит вам дала Главная Машина? — усмехнулся Командир. — Много подкинула, а?

— На жизнь в общем-то хватало... — Старик, казалось, несколько смутился. — Да что мы все о прошлом да о прошлом! Давайте поговорим о будущем!

— О будущем? — Командир нервно засмеялся. — Это любопытно. Давайте поговорим.

— Вы случайно не знаете, кто населяет эту планету? — заговорщицким полушепотом спросил Старик. — Хорошо, если бы они были крупного размера...

— Почему? — не понял Командир.

— На крупную дичь легче охотиться,— серьезно сказал Старик.

— Но погодите!.. — Командир растерялся. — А если там живут разумные, мыслящие существа?

— Бросьте вы! — оборвал Старик. — Туземцы для меня — все равно, что дичь! Главное, чтобы они были крупными!..

— Да-да,— поддержал Старика сидевший неподалеку худой десантник в очках,— если они будут мелкие — я не смогу много уничтожить. Я плохо вижу...

— Крупная дичь — это хорошо! — донесся еще один голос из глубины полутемного отсека. — Быстрее всех перебьем — быстрее дома будем!

— Это если мы будем охотиться на них,— сказал Командир,— а если они на нас?

— Ну что вы,— возразил Старик. — Машина предсказала, что обитатели этой части Вселенной отстают от нас на два-три тысячелетия. Мы несомненно победим. А вы как думаете, Доктор?

Тот, кого Старик назвал Доктором, сидел, привалившись к металлической стене и закрыв глаза. Он, казалось, не расслышал вопроса.

На некоторое время в отсеке воцарилось молчание. Первым прервал его худой Очкарик.

— Интересно, а какой нам назначат пенсион, если мы победим?

— Что значит «если»? — возмутился Старик. — Обязательно победим. Ну, а пенсион, я думаю, будет уж во всяком случае не маленький!

— Скажите,— Командир говорил тихо, чтобы не услышал никто из офицеров,— а вы когда-нибудь встречали хоть одного пенсионера, вернувшегося из подобной экспедиции?

— Разумеется, нет,— ответил Старик, — ведь они всегда остаются на завоеванных планетах. Видно, там им больше нравится. Но уж я-то вернусь на свою родную Планету, будьте уверены. Меня чужеземными красотами не обольстишь. Доктор, а вы вернетесь?

— Куда? — не открывая глаз, спросил Доктор.

— Домой. Куда же еще?

— Свиньи! — вдруг сказал Доктор, не открывая глаз. — До чего же я вас всех ненавижу!

— Тише,— испугался Старик,— пожалуйста, тише!

— Боишься?! — Доктор открыл глаза и в упор посмотрел на Старика. — Ты просто грязная свинья! Подлый убийца — видите ли ему крупная дичь нужна?! Ну поймите же вы наконец, что там живут люди! Люди!!!

— Эй ты! — к Доктору подошел Офицер в красном скафандре. — Слушай, хлюпик, заткнись! И чтобы я тебя больше не слышал! Не то отправишься в открытый космос без скафандра, понял?!

Кулак Офицера попал Доктору прямо в лицо. Доктор, обливаясь кровью, опрокинулся навзничь и потерял сознание. Офицер, довольно усмехнувшись, ушел. Стало тихо.

Командир склонился над Доктором, вытер его лицо платком. Потом, силой разжав ему зубы, влил в рот из своей фляжки глоток вина.

— Доктор,— тихонько позвал Командир. — Доктор, вы слышите меня?

— Послушайте,— быстро зашипел Старик,— лучше оставьте его — это может вам здорово повредить...

— Молчи, Старик,— с неприязнью ответил Командир,— ты и так сегодня сказал уже слишком много...

— Они сообщники! — зашептал Старику Очкарик. — Надо Офицеру доложить!

— А кровь, оказывается, на вкус соленая...— Доктор открыл глаза.— А, это вы... Вы тоже здесь? Да, ведь вы тоже нулевик. А как ваши внутренности? Я их заштопал на совесть, да, Командир?

— Так это вы делали мне операцию? — Командир помог Доктору сесть. — Почему же вы здесь, ведь операция прошла успешно?

— Видите ли, операции такого рода стоят не менее ста тысяч. А у нас с вами на двоих было гораздо меньше...

— И вы знали об этом перед операцией? — Командир внимательно посмотрел на Доктора. — Вы сознательно потратили на меня свой лимит? Слушайте, Доктор,— вдруг быстро зашептал Командир,— слушайте и не перебивайте. Мы обречены! Я точно знаю, что офицеры имеют приказ после операции уничтожить всех нулевиков. Так всегда делают, поверьте мне! Поэтому никто из десантников никогда не возвращается домой!

— Но как же?! — Доктор побледнел. — А письма?! Ведь они же пишут письма с оккупированных планет!

— Не письма, Доктор, а радиограммы, да? Улавливаете разницу?

— Ну, радиограммы...

— В радиограммах нет почерка, Доктор. Догадываетесь, кто их посылает?

— Главная Машина?! Я угадал? — Доктор истерически засмеялся. — А знаете, Командир, я ведь догадывался, почему они все не возвращаются, честное слово. Только это было слишком страшно, чтобы поверить... Значит, мы истребляем местное население, а они потом истребляют нас. Ловко! — Доктор успокоился. — Но каковы мерзавцы — даже умереть не дадут спокойно! Обязательно им нужно сделать из тебя убийцу!

— Доктор! — возбужденно зашептал Командир. — Я видел эту планету! Она называется Голубая — нет ничего прекраснее ее! Слушайте, Доктор, если у Голубой погибнет еще один десантный корабль, то Машина вряд ли пришлет третий! Вы меня понимаете?!

— Да! — Доктор едва не закричал от возмущения. — Сейчас я взорву этот проклятый корабль мародеров! Скажите мне только, как это сделать?! Ах, сволочи! Вы меня еще узнаете! Командир, ведь если на Голубой живут мыслящие существа, значит, я смогу спасти их от самой страшной в мире болезни! Ни у одного Доктора еще не было такого гигантского числа пациентов!

— Тише! — Командир перехватил напряженно-внимательный взгляд Старика. — Проверьте-ка лучше оружие. И учтите, что я беру вас с собой не потому, что вы спасли мне жизнь, а потому, что вы не хотите убивать. Сейчас, по моей команде, мы встанем и как можно быстрее пойдем к той двери! Пошли!

— Вы куда? — встрепенулся Старик, но, напоровшись на угрожающий взгляд Командира, равнодушно махнул рукой — мол, делайте, что хотите — и, прислонившись к стенке, сделал безразличное лицо.

Доктор и Командир беспрепятственно вышли в коридор. Стараясь не производить шума, Командир запер дверь. Но внутри оставленного ими отсека вдруг раздались крики, топот сапог. В дверь застучали. На весь корабль заревела сирена.

— Эх, Старик! Пожалел я тебя! — Командир выругался и потащил Доктора по коридору. — Доктор! Я к реактору, а вы задержите их здесь хоть две-три минуты! Да вы стрелять-то умеете?

— Нас учили. Немного...

— Держитесь, Доктор! От этого зависит судьба миллионов ваших пациентов! — Командир на мгновение обнял Доктора и бросился бежать. Добежав до поворота, он оглянулся и успел заметить, как первый офицер в красном скафандре, выскочивший из отсека, упал, сраженный выстрелом Доктора.

Ворвавшись в реакторный отсек, Командир привычным движением повернул аварийный кран и, услышав яростный гул вырвавшейся на волю энергии, поспешил занять оборону. Через минуту из-за дверей раздался крик: «Командир! Не стреляйте, это я!» — и в отсек вбежал Доктор.

— Будем пробиваться через стену — это внешняя переборка, за ней открытый космос. Стреляем по моей команде. Огонь!

В огромную дыру, образовавшуюся от их выстрелов, со страшной силой хлынула пустота. Она подхватила двух штурмовиков-десантников, одетых в желтые скафандры, и бросила их в открытый космос, за тысячи миль от корабля. Словно камни, они понеслись к огромному диску Голубой планеты.

— Доктор! — прокричал Командир по рации,— вы меня слышите?

— Слышу, Командир!
— Вы видите планету, Доктор?
— Вижу, Командир,— она прекрасна!!!

— Хорошо все-таки на даче,— сказал мой отец,— просто сказка!..

— Да,— согласился я,— если бы ты еще не дымил своей сигаретой...

— Не выступай! — фыркнул отец.

— Дедуля! — закричала моя дочь. — Луна!

— Смотрите,— сказала жена,— метеорит!

— Я без очков все равно не увижу...

— Во-он он,— показала моя жена,— а вон еще один, рядом.

— А я вижу! — глядя в другую сторону, сказала моя мама.

— Не туда смотришь! — сказал отец.

— Ух ты! — теперь даже я их увидел. Они летели совсем медленно и, казалось, совсем близко от нас. — Это не метеориты. Это ракеты такие — управляемые.

— Учения какие-нибудь... — равнодушно отреагировал отец.

Вскоре из глубины дачного поселка, к нашим воротам подошли двое. Одеты они были в желтые облегающие спортивные костюмы несколько странного покроя; в руках несли мотоциклетные шлемы.

— Скажите, пожалуйста,— спросил тот из них, что был помоложе,— как нам отсюда добраться до города?

— Вот по этой дорожке дойдете до автобусной остановки,— сказал я,— но здесь недалеко и пешком. Часа за полтора дойдете.

— Спасибо,— поблагодарил тот из них, что был постарше.

И они пошли. Когда они отошли уже довольно далеко, тот, что был постарше, вдруг обернулся к нам и крикнул: «Спокойной ночи!»

И они почему-то радостно засмеялись...

Александр **ТЕБЕНЬКОВ**

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ ЛЕБЕДЯ

Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку?— Этот вопрос я задаю самым небрежным тоном, на который способен. И даже отворачиваюсь к телескопу, демонстрируя тем самым свое полное равнодушие к ответу. Но, боюсь, делаю это так неловко, что моя нарочитая небрежность бросается в глаза каждому. Всякий раз, распрощавшись с очередным посетителем, я убеждаю себя прекратить бессмысленное притворство, вести себя естественней, ведь тот, кого я жду, мгновенно разоблачит мои наивные приемы доморощенного сыщика, и я его все равно не узнаю, если он сам не захочет раскрыться, а остальным же мое поведение покажется, мягко говоря, просто глупым издевательством зарвавшегося звездочета. Найдутся, еще и жалобу напишут. Всякий раз я говорю себе: плюнь, забудь, не береди душу, другой такой случай не повторится. И все же...

— Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку? Какую? А вот эту! Видите, почти прямо над нами пять ярких звезд образуют нечто вроде креста? Не видите? Странно. Присмотритесь внимательней: вот звезда, вот, вот и вот... Отлично! Это созвездие Лебедя — голова, крылья, хвост... Что?.. Да, созвездие Рака действительно есть, а что касается Щуки... Ну что ж, значит, упущение астрономов, видимо, дедушку Крылова они не читали. Но вы посмотрите сюда — под крылом Лебедя есть маленькая слабая звездочка. Именно о ней я вас и спрашивал. Жаль, очень жаль, что не замечали... Нет, ничего особо примичательного, на первый взгляд, в ней действительно нет. Просто вокруг нее вращаются такие же планеты, как наша Земля. И там живут разумные существа, очень похожие на нас с вами. Меня интересует, как они называют эту свою звезду, свое солнце. Вы, случайно, не в курсе?.. Что?.. Да, время уже позднее. До свидания, всего хорошего. Приходите еще... Осторожней, там лестница, сейчас я зажгу свет. Всего хорошего.

Ну вот, опять не он. И снова ожидание.

— Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку?.. Это созвездие Лебедя... Очень жаль.. Вы, случайно, не в курсе? Сейчас я зажгу свет... Всего хорошего!..

И опять не он.

— Вы никогда не обращали внимания...

Снова не тот.

— Вы никогда не...

В летнее время в обсерватории много посетителей.

После дневного зноя, когда асфальт плывет под ногами, а от сухого жара и духоты не скрыться ни в тени, ни в закупоренных наглухо квартирах с занавешенными окнами, вечер вытягивает на улицы самых замшелых домоседов. Натираются «Тайгой», гвоздичным маслом, диметилфталатом — кто чем, и выходят навстречу вечерней прохладе и комарам.

Ходят-бродят по улицам и скверам, спускаются к самой Волге посидеть не бережке. Но нет-нет да и забежит кто-нибудь сюда, ко мне. Вход бесплатный, почему бы не забежать? Глянут осторожненько стократно усиленным взором в звездное небо, таинственное до жути, и уходят, гордые и довольные, полные тщеславного сознания своего приобщения к тайнам вселенной.

Насмотрелся я на них за восемь-то лет.

Некоторых влечет сюда действительно любознательность, и я никогда не тороплю их уступить место у телескопа очередному. А иные... Хуже всего самонадеянные юнцы, думающие, что они еще помнят кое-какие факты из школьного курса астрономии, а имеющие за плечами пару-тройку ненароком прочитанных брошюр научно-развлекательного характера. Ах, как они пыжатся перед своими такими же юными подругами! А те полны гордости за них. А как же иначе, иначе нельзя, ведь он так здорово потряс своей эрудицией этого старикашку, чуть не наповал сразил его несколькими фразами такого рода: «А до самой близкой звезды ужас как далеко! Миллион лет будешь лететь — все равно не долетишь!» В том, что я для них старик, сомнений нет. Для таких вот птенчиков любой человек, которому перевалило за тридцать, уже глубокий старик. Знаю, сам таким был... Ну, а в категорию стариков, по их разумению, конечно, я перекочевал уже шесть лет назад.

Этим я никаких вопросов не задаю.

Более приятные посетители — это пожилые люди. С ними большей частью отдыхаешь. Они ахают, восторгаются — совершенно искренне! — задают массу, порой даже интересных, хотя и наивных, вопросов. Им приятно рассказывать, и тут обычно выдаешь на сверхпопулярном уровне самый сенсационный и потрясающий воображение материал. Прощаясь, они горячо благодарят, обещают прийти сюда еще раз. Я совершенно уверен, им этот вечер доставит немало пищи для всевозможных пересудов и разговоров, и долгое время они потом будут вспоминать, как ходили смотреть Луну и звезды. Некоторые спустя неделю-другую приходят снова и еще на приступочках у входа под купол громогласно объявляют, что они-де уже бывали здесь.

— Вы нас не помните? — Они чувствуют себя на этот раз под куполом легко и свободно; хотя с некоторой долей фамильярности, стараются погладить трубу или станину телескопа.

Я становлюсь для них добрым старым знакомым, иногда меня удостаивают чести быть поверенным их маленьких се-

мейных проблем и тайн. Но редко кто из этих «старых добрых знакомых», хотя бы из простой вежливости, спросит, как меня зовут... И к ним у меня нет никаких вопросов.

Есть еще одни посетители, пожалуй, наихудшие из всех. Глядя на них, я готов терпеть даже «эрудированных» юнцов и хихикающих юниц... Бывают же люди, для которых губительно само сознание, что они чего-то могут не знать! Снисходительность, с которой они принимают мои объяснения, делая вид, что им это все давным-давно известно, бесит меня. Исключительно ради собственного удовольствия, своего рода маленькой мести, я начинаю пороть ахинею. Они, естественно, ничего не замечают, всезнающее выражение не сходит с их лиц, и головы мерно кивают в знак одобрения — молодец, мол, правильно говоришь. К этим я тоже не пристаю.

Но стоит появиться другим... О, их я распознаю сразу! И если они приходят в компании, я прилагаю все силы, чтобы поговорить с ними без свидетелей. В большинстве своем это веселый народ моего возраста, иногда старше, но не намного. Звездами и небом они почти не интересуется, так, постольку-поскольку. Их, как и тех, кого я жду, интересует другое. Они почти квалифицированно расспрашивают об устройстве телескопа и поворотного купола, о способах шлифовки линз и варке стекла для них, спрашивают, везде ли в обсерваториях подвижной пол, и о многом другом, столь же мало относящемся непосредственно к небесным делам. Вот тогда я настораживаюсь еще больше, начинаю присматриваться к их лицам, заглядываю в глаза и, улучив момент, говорю:

— Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку?..

Они появились у меня под куполом вдвоем. Он и она. Только что отсюда ушла большая группа, судя по их разговорам и поведению, сослуживцев, отправившихся в очередной культурный поход. В прошлом месяце местком организовал им, конечно, театр с заезжими знаменитостями, в этом — лекцию в планетарии и прогулку по небу, сочетание, так сказать, приятного с полезным; стало быть, вероятная программа будущего — коллективный просмотр нового заграничного кинофильма с последующим обсуждением... Шумная компания. Устаешь сильно...

— ...Мы пришли посмотреть небо,— сказал, поздоровавшись, мужчина. Женщина молчала, равнодушно глядя прямо перед собой.

Я навел телескоп на Луну.

Картинка была великолепной. Луна недавно прошла первую четверть и стояла высоко над горизонтом. Ветер стих часов с шести, воздух был спокоен, а это довольно редко случается в наших местах. Пыль улеглась. Даже на пятисотке изображение почти не дрожало и не размывалось.

Они по очереди сели в кресло перед телескопом, сначала она, потом он; посмотрели, не выказывая, однако, особенного восторга. Потом он спросил о разрешающей способности нашего инструмента. Я охотно ответил, наладилась небольшая беседа. Иногда приятно поговорить с человеком, который разбирается в таких вещах. Он разбирался. Потом он попросил разрешения самому посмотреть Луну. Не могу объяснить, почему я нарушил правила и показал ему, как пользоваться микрометрическими винтами. Может, потому, что он мне показался знающим тонкие приборы человеком, а может быть, просто подействовали его вежливые слова. Говорил он с каким-то легким, едва заметным акцентом, который так живо напомнил мне Прибалтику, где я отдыхал минувшим летом... Словом, я разрешил...

Прильнув к окуляру, он крутил ручку винтов. Я отошел в сторону, к столу, и рассеянно следил за его движениями, насколько позволял тусклый свет настольной лампы у меня за спиной. Женщина стояла вполоборота чуть впереди меня, как раз в прямоугольнике пронзительно белого лунного света, падавшего через раздвижную щель купола. Освещенная таким двойным светом, она стояла неподвижно, и, скосив глаза, я мог видеть правую половину ее лица. Не помню, что именно привлекло меня, не в моих привычках разглядывать посетительниц, их столько проходит за вечер... А тут я принялся рассматривать ее, благо лицо мое находилось в тени.

Женщина как женщина, но что-то в ней было такое... ну необычное, что ли. При дневном свете она была, вероятно, даже красива. Ладная, подтянутая фигура, спокойная, уверенная манера держаться. Привлекательная женщина.

Сейчас я склоняюсь к мысли, что ее необычность забивается днем ярким светом, и тогда она выглядит, как все вокруг. Но в полумраке, что был разлит под куполом, женщину осветила Луна. И как в театре под лучом прожектора ярче и рельефнее вырисовываются нужные режиссеру черты героя, так и здесь эта необычность вдруг выступила наружу, а мне посчастливилось заметить ее, ощутить ее присутствие, еще не зная даже, в чем она, собственно, заключается. Сколько я ни всматривался, ничего такого необычного заметить не мог, лишь все больше и больше убеждался в его присутствии.

Она, видимо, почувствовала мой взгляд и, как бы закрываясь от него, подняла руку к лицу, поправила прическу. На миг из-под пышных волос показалось ухо, и я встрепенулся.

Понимаете, я был в тот момент настороже, ловя все странное, необычное. В другое время я ровным счетом ничего бы не заметил, но, повторяю, я был наготове. Вдобавок у нас, астрономов, очень развито чувство линии — ну-ка, попробуйте, как можно точнее передать на рисунке прихотливо изогнутый край облака на Юпитере, промелькнувший на мгновение перед вами в телескопе! Я бы смог, так как немного рисую.

Так вот, в линии ее уха я уловил то самое, необычное...

Безусловно, я понимаю, что очертания ушной раковины, как и рисунок узоров на подушечках пальцев, строго индивидуальны. Все это так, но все же...

Ухватившись за такую, признаюсь поначалу весьма неопределенную, призрачную необычность женщины, я искал подтверждения в ее лице. И нашел.

Нос, губы, разрез глаз — все носило отпечаток необычности; одна и та же причудливая, непривычно-странная линия была во всех ее чертах.

Потом, много позже, я пробовал передать эту необычность словами. Писал, зачеркивал, мучился, искал нужные, точные слова, но не находил. Ничего у меня не получалось. Даже сам себе не мог объяснить, в чем же она заключалась.

Я пытался рисовать по памяти ее лицо — напрасный труд! Передо мной на бумаге появлялся облик красивой женщины, в чем-то даже похожей на ту, но не больше. А если я пытался мелкими, почти незаметными штришками придать ее лицу замеченную мной тогда ту самую необычность, оно становилось злым, карикатурным; совершенно терялось даже то отдаленное сходство, сначала вроде бы верно мной переданное. Я раздраженно рвал лист, и на целый день у меня портилось настроение.

...Я вздохнул и переступил с ноги на ногу. Женщина бросила на меня быстрый взгляд и подошла к своему спутнику, положила ему руку на плечо. Тот, почувствовав прикосновение, оторвался от окуляра и повернулся к ней. Черт!.. Я чуть было не присвистнул. Теперь и в его лице я видел ту же необычность.

Мужчина поднялся и отодвинул кресло. Любопытство обуяло меня. Решив задержать их подольше, я торопливо сказал:

— А вы не хотели бы посмотреть на звезды или планеты? Сейчас уже вышел Сатурн. Очень интересное зрелище!

Мужчина вопросительно посмотрел на нее.

— Нет-нет,— я впервые услышал ее голос с точно таким же акцентом, как у него. — Уже поздно, мы пойдем.

Я шагнул вперед:

— Что вы, еще нет и одиннадцати. Взгляните! — Я показал на звезды, блестевшие в прорези купола. — А как они красивы в телескопе!

— Красивы? — переспросила она. И, слегка вздохнув, добавила еле слышно: — Да, конечно. Даже слишком.

— Совершенно с вами не согласен! — запротестовал я, пытаясь все же удержать их. — Что вы, красота никогда не бывает «слишком», а ведь тут не что-нибудь — звезды!

— Ах, оставьте. — Кажется, она начала сердиться, удивляясь, видимо, моей назойливости. — Спасибо, я уже достаточно насмотрелась на них!

— Вот как? Так, быть может, мы с вами коллеги? — преувеличенно радостно удивился я. — Очень, очень приятно!

Мужчина, до той поры не вмешивавшийся в наш разговор, вдруг рассмеялся:

— Коллеги? Да конечно! В некотором роде, да.

— Спасибо, у вас тут действительно все интересно, но нам пора. — Женщина решительно взяла его под руку. — Идем, ты же знаешь, у нас еще масса дел назавтра.

— Подождите! — я предпринял последнюю попытку остановить их. — Неужели вам не нравится даже вот эта, самая красивая звезда нашего северного неба?

Я, конечно, покривил душой, но никто не виноват, что в это время в прорезь купола глядел Денеб, а не Вега. Не говорю уже о Сириусе, который, впрочем, летом у нас не виден.

Мужчина невольно взглянул вверх и неожиданно оживился.

Женщина тоже подняла голову. Я подошел к ней вплотную. Она смотрела вовсе не на Денеб, ее взгляд был направлен куда-то в сторону.

— Вы не туда смотрите,— сказал я. — Вот она, яркая звезда. Она называется Денеб.

— Спасибо,— тихо ответила она, не отводя взгляда от какой-то точки чуть в стороне на небосклоне, и чуть грустная улыбка появилась на нее губах. — Но для меня самая красивая звезда не эта. Как вы ее назвали... Денеб?

— А какая же? Может, Вега! Или...

Я намеренно сделал паузу. И был полностью вознагражден за свой довольно-таки примитивный провокационный ход, заставляющий собеседника заканчивать тобой начатую фразу.

Женщина снова улыбнулась и покачала головой, а ее спутник неожиданно взял меня за локоть:

— Вы хотите увидеть нашу любимую звезду?

Я ничего не ответил. Его странный тон, которым были сказаны эти слова... Я даже начал слегка раскаиваться, что затеял весь этот разговор.

— Скажите, вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку? Вправо и чуть вниз от Денеба. Слабая такая звездочка...

— Шестьдесят первая Ле́бедя?

— О! — его брови удивленно скакнули вверх. — Вы ее знаете?

Я пожал плечами и как бы ненароком высвободил локоть.

— Безусловно! Я же астроном.

— Ах да, конечно!.. Только она называется не так.

— А как?

Даже при таком слабом свете я увидел, как изменились его глаза. И выражение лица сразу стало каким-то нежным, задумчивым. А может быть, грустным. Он произнес какое-то слово, и я в недоумении уставился на него.

— Что? Повторите, пожалуйста, я не расслышал.

Он повторил это слово, и опять я не уловил его звучание.

Меня охватило странное чувство бессилия, я попытался вспомнить хотя бы первый звук, которым начиналось слово — но не мог. Я готов был поклясться, что никогда до этого не слышал ничего похожего, а ведь я знаю два языка и могу, наверняка, отличить по звучанию друг от друга еще десятка полтора.

— Простите, я не понимаю...

— Это ничего,— улыбнулся он в ответ. — Так ее называют у нас.

— Где, «у нас»?

— Там, где мы живем,— и он ткнул пальцем вверх.

— П-простите...

— Что ж тут непонятного,— пожал плечами он. — Мы живем у той звезды, как вы у своего Солнца. Вы — здесь, мы — там.

— Ин-нтересно, оч-чень интересно,— я вполне оправился от шока, вызванного его словами. Ну вот, нашел себе на голову приключение... Все было достаточно неожиданно, но вполне понятно. Разумеется, я слышал, что таким людям противоречить не рекомендуется, и решил вести себя соответствующим образом. У меня в голосе даже появились нотки этакой великосветской вежливости:

— И на чем же вы, извините, прилетели? Где остановились? Если, конечно, не секрет.

Женщина засмеялась, громко и непринужденно.

— Он принимает нас за сумасшедших!

— Я покажу ему что-нибудь,— откликнулся мужчина.

— Что? Его жизнь?

— Да пожалуй.

Мужчина достал из кармана брюк небольшой, металлически поблескивающий предмет. Я принял его за портсигар. Сработал многолетний рефлекс, я уже было раскрыл рот, чтобы предупредить, что под куполом телескопа курить нельзя. Но мужчина повернул этот предмет ко мне широкой стороной, что-то мягко, но сильно ударило меня по голове. Как-то совершенно непонятно ударило — изнутри.

И в тот же миг передо мной, без всяких на то усилий с моей стороны,— как я понимаю, это длилось несколько минут,— промелькнула вся моя сравнительно долгая жизнь. Ну, не вся, конечно, но самые главные, самые узловые моменты...

А до чего все было реально! Такое или похожее, говорят, бывает лишь у утопленников и повешенных в последние секунды перед смертью.

Но я не умер.

А когда очнулся, они стояли у лестницы, готовые уйти.

— До свидания! — женщина помахала мне рукой. — Вы не беспокойтесь, это не вредно. Это просто стимулятор памяти, мы часто сами им пользуемся. Вести записи не всегда удобно, гораздо лучше потом сесть и все вспомнить и отобрать то, что надо. Извините, что мы смутили ваш покой, только, понимаете,

очень трудно ходить среди вас и ни словом, ни жестом не выдать себя. А вы так похожи на нас!.. И вот иногда, правда, очень редко, случается стечение обстоятельств, что невозможно удержаться. Вы только не обижайтесь на нас, пожалуйста! Прощайте!

— Погодите! — я хотел броситься к ним, но почувствовал, что не могу тронуться с места. Ноги совсем отказались мне служить. — Подождите, прошу вас!

Они остановились.

А я, как последний идиот, не мог ничего сказать!.. Никогда не прощу себе этого, никогда!

Голова сделалась абсолютно пустой, осталась одна только мысль, будто слова на закольцованной магнитофонной ленте: «Ведь никто, никогда мне не поверит! — Никто и никогда!..»

— Вы правы. — Это сказал мужчина. — Вам не поверит никто. За те полтора ваших года, что мы здесь, о нашем присутствии узнали всего несколько человек. И никому из них не верят, мы проверяли.

— Но когда... когда о вас узнают все?

Мужчина, мягко ступая, подошел ко мне и с близкого расстояния посмотрел мне в глаза. Я почувствовал, как мое смятение постепенно пропадает, и порывисто шагнул к нему.

Он медленно покачал головой.

— Как?! Вы...

— Не скоро, еще не скоро. Тем более, не сейчас. Поверьте, нам самим очень жаль... Вы так похожи на нас! Но вы должны понять, вы же лучше нас знаете, что происходит на вашей планете. Мы рассеяны по всей Земле, мы ходим, мы смотрим. Мы видим... Сейчас мы не вправе вмешиваться в вашу жизнь даже простым своим появлением. Сейчас слишком рано, слишком...

Они ушли.

Зачем они приходили сюда, я не знаю.

Я ничего не знаю.

Может, в их программе изучения Земли было посещение публичной обсерватории, может, они зашли случайно, отдыхая после рабочего дня...

Я не знаю.

С тех пор прошло почти два года. Я строго хранил эту тайну. К слову, хранить ее было не так уж и сложно. Прослыть неумным чудаком с навязчивой идеей... Зачем?

А они... может, они оценят мое молчание?

Теперь-то я знаю, что им сказать.

Мне так нужно встретить их еще раз. Так много я хочу рассказать им, о многом расспросить. А потом... потом я обращусь к ним с одной-единственной просьбой. Человек я маленький, вдобавок одинокий, меня никто не хватится здесь, на Земле...

А время идет.

Но ведь они сказали, что проверяли тех, кто узнал о их существовании!

И вот изо дня в день я все пристальней вглядываюсь в лица посетителей, а у особо подозрительных спрашиваю небрежным тоном:

— Вы никогда не обращали внимания вон на ту звездочку?

Они же сказали, что проверяли тех, кто узнал об их существовании. Значит, они обязательно зайдут сюда еще раз. Конечно, может быть, не те двое, а их товарищи. Но они обязательно зайдут сюда еще раз. Обязательно!..

А если нет?

Тогда...

— Скажите, а вы...

ВЫ НИКОГДА НЕ ОБРАЩАЛИ ВНИМАНИЯ НА ТУ ЗВЕЗДОЧКУ?

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАНИН С. Великое космическое братство 5
КУЛЬЧИЦКИЙ Б. Звездный патруль* 11
МАЙНАЕВ Б. Сын дельфина 17
МАЛЫШЕВ А. Трансмигрант* 37
МУСИНА Н. Последняя проверка 62
НЕДОЛУЖКО Н. Маски* 75
ПОДГАЙНЫЙ И. Сувенир 97
РОНКИН А. Встреча 119
ТЕБЕНЬКОВ А. Шестьдесят первая Лéбедя 132

Литературно-художественное издание

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТРУЛЬ

Для юношества

Составитель Малышев Анатолий Федорович

Редакторы П. Леденев, А. Мельникер
Художественный редактор А. Момуналиев
Технический редактор А. Бейшенов
Корректор Т. Фонякова

ИБ № 153

Сдаио в иабор 05,03.89. Подписаио к печати 18.09.89. Д —02103
Формат бумаги 60×90¹/₁₆ Бумага офсетиая № 1. «Школь-
иая» гариитура. Печать офсетиая. 9,0 физич.-печ. л. 9,0
усл. печ. л. 9,24 учетн.-изд. л. 9,25 усл. кр.-отт. Тираж 65000.
Заказ 2126. Цеиа 75 к.

Издательство «Адабият»
720737, ГСП, Фруизе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбииат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР
720461, ГСП, Фруизе, 5, ул. Жигулевская, 102.

